

interaction интеракция

interview интервью

interpretation интерпретация

INTER

18' 2019

Федеральный научно-исследовательский
социологический центр Российской
академии наук (ФНИСЦ РАН)
Российское общество социологов (РОС)

№ 18. Том 11. 2019

Интеракция. Интервью. Интерпретация

СЕТЕВОЙ ЖУРНАЛ

Главный редактор

Виктория Семенова, Институт социологии ФНИСЦ РАН

Редакционная коллегия

Елена Рождественская, НИУ ВШЭ, Институт социологии ФНИСЦ РАН

Ирина Тартаковская, Институт социологии ФНИСЦ РАН

Анна Стрельникова, НИУ ВШЭ, Институт социологии ФНИСЦ РАН

Павел Сушко, Институт социологии ФНИСЦ РАН

Редакционный совет

Розвита Брекнер, Венский университет (Австрия)

Александрина Ваньке, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)

Том Венграф, Мидлсекский университет (Великобритания)

Леокадия Дробижева, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)

Кэти Дэвис, Амстердамский университет (Нидерланды)

Лена Иновлоки, Франкфуртский университет (Германия)

Ирина Козина, НИУ ВШЭ (Россия)

Кшиштоф Косела, Варшавский университет (Польша)

Елена Омельченко, НИУ ВШЭ (Россия)

Анна Роткирх, Университет Хельсинки (Финляндия)

Елена Ярская-Смирнова, НИУ ВШЭ (Россия)

Ответственный редактор номера:

Анна Стрельникова, НИУ ВШЭ, Институт социологии ФНИСЦ РАН

Фото на обложке: <https://ceh32.by/upload/Blog/27.12.14/7.jpg>

Журнал рецензируемый

Индексируется РИНЦ

Адрес редакции:

117218, г. Москва,

ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5, каб. 513

Тел.: (499) 128-86-18

e-mail: inter.fnisc@gmail.com

ISSN 2307-2075

DOI: 10.19181/inter.2019.18

Содержание

Письмо редакторов	5
Теоретические дискурсы и дискуссии	6
<i>Майкл Буравой</i> Социология как призвание (публичная лекция в Санкт-Петербургском государственном университете 24 марта 2015 г.)	6
Город, память, идентичности	22
<i>Iuliia Eremenko</i> Urban identity making in Germany: the case of Bamberg	22
<i>Дарья Рудь</i> Конструирование локальной памяти о городском пространстве: анализ мнемонических интернет-сообщений о районе Шаболовки.....	34
Эпоха 90-х	55
<i>Елена Рождественская</i> Социальный контракт в эпоху 90-х	55
<i>Роман Абрамов</i> Вытесняя советское: особенности воспитания деловых людей из «подростков перестройки»	80
<i>Виктория Семёнова</i> Время 90-х сквозь призму повседневных практик: молодые профессионалы.....	104
Эссе	125
<i>Андрей Старовойтенко</i> Между ностальгией и ретротопией	125
Авторы номера	136

Contents

Editors's letter	5
Theoretical discourses and discussions	6
<i>Michael Burawoy</i> Sociology as a Vocation	6
City, memory, identity	22
<i>Iuliia Eremenko</i> Urban identity making in Germany: the case of Bamberg	22
<i>Daria Rud'</i> Memory construction of the local space: analysis of mnemonic online messages on Shabolovka district (Moscow)	34
Era of the 1990s	55
<i>Elena Rozhdestvenskaya</i> Social contract in the era of the 90s	55
<i>Roman Abramov</i> Removing Soviet: features of education of business people from the «teenagers of perestroika»	80
<i>Victoria Semenova</i> 90-s: time through the lens of daily practice of young professionals	104
Essay	125
<i>Andrey Starovoitenko</i> Between nostalgia and retrotopia	125
About the authors	136

Письмо редакторов

Материалы июньского номера журнала «Интеракция. Интервью. Интерпретация» выстраиваются вокруг дискуссионных, сложных, но всегда интересных для исследователя категорий: идентичности (профессиональные и территориальные), пространство и время, память и ностальгия. Номер открывается текстом публичной лекции Майкла Буравого «Социология как призвание» (Санкт-Петербургский государственный университет, 24 марта 2015 г.), подготовленным для публикации в нашем журнале. Майкл Буравой рассуждает об основах профессиональной идентичности социолога, приводя ряд классификаций, отражающих разные виды взаимодействия социологов и других групп общества. Также выделяются разные ценностные основания для такого взаимодействия (спонсируемая и инициативная социология, жизнь за счет профессии и жизнь ради профессии) и делается вывод о том, что жизнь ради профессии подразумевает публичные дискуссии о ценностях социума и донесение до широкой аудитории интересов «незаметных» социальных групп.

Далее в номере представлены две тематические подборки статей. Первая подборка увязывает сюжеты пространственных практик и территориальных идентичностей с городской историей и личными воспоминаниями горожан. Вторая подборка представляет грани исследовательского проекта об эпохе 90-х, где авторы описывают данный период в контексте формирования групповых идентичностей, рассуждают о ценностных основаниях «постсоветских» профессий (менеджеров, предпринимателей) и о трансформациях социального контракта. И, наконец, ностальгические сюжеты переносятся на уровень теоретических размышлений в эссе А. Старовойтенко.

Желаем интересного чтения и хотим напомнить, что наш журнал поддерживает возможность подачи коллективных заявок на тематические подборки статей и рассматривает сотрудничество с приглашенными редакторами. Мы принимаем инициативные заявки с анонсами тематической подборки статей (3–7 статей), соответствующей общей направленности журнала. Присылать заявки нужно на мейл редакции: inter.fnisc@gmail.com

А. Стрельникова,
ответственный редактор номера.

Дата поступления: 30.05.2019

Теоретические дискурсы и дискуссии

Социология как призвание (публичная лекция¹ в Санкт-Петербургском государственном университете 24 марта 2015 г.)

DOI: 10.19181/inter.2019.18.1

Майкл Буравой*

Известные эссе Макса Вебера «Политика как призвание» и «Наука как призвание» оставляют открытым вопрос о том, что значит «социология как призвание». Что это значило для Вебера и что в современных условиях это может означать для нас? Ответ будет отличаться от места к месту, но есть ли общее представление о социологии? Существует ли что-то особое в социологии в сравнении с экономическими и политическими науками? Или же их следует растворить в одной социальной науке?

Ключевые слова: социология, профессиональная идентичность, Вебер, гражданское общество

Я буду говорить по-английски, так как мой русский очень слаб. Спасибо большое коллегам — Скворцову и Ярошенко — за приглашение и представление.

Находясь в этом просторном зале, я могу поверить, что тут располагался эпицентр русской революции. Представляется, как именно здесь, во время второго съезда рабочих и солдатских депутатов, Ленин обратился к рабочим и крестьянам. Вообще-то, я являюсь большим поклонником не Ленина,

¹ Перевод с английского Валентины Исаевой (к.с.н., член Санкт-Петербургской Ассоциации социологов); научная редакция Светланы Ярошенко (к.с.н., доцент кафедры сравнительной социологии факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета). Текст публикуется с согласия Майкла Буравого.

* Michael Burawoy, University of California, Berkeley.

а Льва Троцкого, хотя, наверное, он уже не так популярен сегодня. В любом случае, я собираюсь говорить не о Ленине и не о Троцком, а о социологии. Конечно, для Ленина и Троцкого социология была буржуазной наукой. Я же буду защищать социологию как призвание. В ближайшие сорок минут я планирую представить вам свое видение социологии, условий, в которых она существует в настоящее время здесь и в других частях мира. Прежде чем обратиться к теме социологии как призвания, я хотел бы начать с самого понятия призвания (vocation, calling) и того, как оно трактуется в работах Макса Вебера.

Сначала давайте что-нибудь скажем о социологии. Существует много её определений, но главная проблема заключается в том, что мы все расходимся во мнениях по поводу того, что же такое социология. И это хорошо, многообразие мнений — это хорошо. Для меня социология — это научное видение мира с позиции гражданского общества. Гражданское общество является тем, чем не является ни государство, ни экономика. Оно состоит из организаций, институтов и социальных движений, которые образовали автономную или относительно автономную сферу общества в конце XIX века в Европе. С его развитием развивалась и социология. Итак, социология — это видение мира с позиции гражданского общества. Она изучает экономику и рынок с точки зрения их влияния на состояние данной сферы общества, а также рассматривает условия, создаваемые самим гражданским обществом для экономики. Подобным образом политические социологи изучают последствия деятельности государства для гражданского общества и то, как последнее поддерживает государство. Я хочу подчеркнуть, что гражданское общество является фундаментом социологического взгляда на мир. Когда оно исчезает — исчезает и социология. В Советском Союзе была социология, но очень хрупкая. Она приходила и уходила, исчезала и появлялась снова, потому что гражданское общество было слабым. В Чили при Пиночете социологии пришлось уйти в подполье, тогда же исчезло и гражданское общество. В Южной Африке сейчас говорят о том, что гражданское общество — это нестабильная форма социальной организации, так и социология там тоже попадает под определение «нестабильной». Иными словами, как только гражданское общество делится и дробится на части, тогда и социология становится фрагментарной. Существуют различные точки зрения в рамках самой социологии, которые все объединяются позицией гражданского общества. Итак, мой *исходный тезис заключается в том, что мы можем рассматривать социологию как научное видение мира с позиции гражданского общества.*

Следующий вопрос заключается в том, что я подразумеваю под социологией как призванием. Первое, что следует отметить — как Макс Вебер, теоретик идеи «призвания», говорил о политике как о призвании. По мысли Вебера, есть две категории людей: те, кто живет *за счет* политики, и те, кто живет *ради* политики, кто имеет чувство призвания и приверженности. Я хотел бы подчеркнуть эту разницу между ситуацией, когда мы живем *за счет* социологии, и ситуацией, когда социология становится тем, *ради* чего мы

живем. Подобным образом Маркс дифференцирует тех, кто живет для того, чтобы *трудиться* (*work*), противопоставляя их тем, кто *работает* (*work*) для того, чтобы жить². Мы проводим похожее различие между социологией для жизни и жизнью ради социологии. Далее я подробно рассмотрю это различие через шесть положений. Я уже озвучил *первое положение* о том, что социология — это позиция гражданского общества. *Второе положение* рассматривает социологию как призвание. В своей известной книге «Протестантская этика и дух капитализма» Макс Вебер высказал потрясающую идею, гипотезу о том, что именно протестантская этика является основанием духа капитализма. Что такое протестантская этика? По сути, речь идет о реформации и лютеранстве. Именно Лютер сформулировал идею призвания, «*Vocuf*» по-немецки. Мы находимся на земле, у нас есть Бог, который призывает занять определенную позицию в разделении труда, и мы должны действовать соответственно призванию — это наша функция, цель здесь, на земле. Но затем появился еще один джентльмен — Кальвин, предложивший другую интересную идею о предопределении. У нас не просто есть призвание, но существуют два типа людей — избранные и обреченные: те, кто будет спасен, и те, для кого спасения нет. Однако протестанты-кальвинисты не могут наверняка знать, будут ли они спасены или обречены. Они живут в неопределенности и ждут знаков. Такое положение дел настолько тревожит протестантов, что рамкой их действия становится посвящение себя прославлению Бога на земле, и в этом, согласно Веберу, заключается основание капитализма. Это пристрастное накопление, жизнь по такому сценарию, согласно призванию накапливать, накапливать, накапливать во имя Бога, совершая избирательные поступки. Я считаю, что идея Вебера *призвания ради* происходит от кальвинистского страдания из-за предопределения. Кальвинисты ведут образ жизни, определенный призванием, но сталкиваются с высокой степенью неопределенности.

Так что же такое социология как призвание? Чтобы понять это, нам необходимо обратиться к двум блестящим эссе, которые прочел, возможно, каждый социолог. Одно эссе — «Наука как призвание», написанное Вебером в конце его жизни, во время Первой мировой войны, в 1917 г. Второе эссе — «Политика как призвание», написанное им уже после Первой мировой войны, после поражения Германии, в 1919 г. Я думаю, что эти эссе содержат весьма актуальную идею о том, как мы можем адаптироваться к современности. Современность понимается как система ключевых ценностей, которым мы должны быть привержены. Итак, о чем говорится в эссе?

² Разница в переводе на русский язык слова «work»: «трудиться» или «работать», — связана с разными понятиями отчужденного и свободного труда у К. Маркса (См.: Экономическо-философские рукописи 1844 г., а также «Наемный труд и капитал» 1849 г.). Если вынужденный труд является лишь средством поддержания жизнедеятельности наемных работников, то свободный труд — способом самореализации в процессе труда. Данное отличие в тексте передано словами «трудиться» и «работать». В русском языке «трудиться» чаще ассоциируется с делами, требующими усилий, старания и заботы; с напряжением телесных или умственных сил; тем, что утомляет. Тогда как «работать» скорее означает находиться в действии, делать что-либо по специальности и интересу, выполнять честно, на совесть. — *Прим. науч. ред.*

Я очень кратко резюмирую. В работе «Наука как призвание» Вебер пишет о том, что ученый должен бескорыстно посвятить себя научной деятельности, уделяя пристальное внимание деталям по самым, казалось бы, неуместным вопросам, и не ждать быстрых результатов. Он должен быть опьянен поиском истины, чувствуя, как в цепочке деталей утверждается знание. Ученый должен осознавать, что всё, что он или она создают, будет замещено, превзойдено другими. И ученый должен знать, что вдохновение нельзя форсировать, его нельзя искусственно притянуть. Оно приходит, когда его не ждешь. Это очень неопределенный сценарий, где присутствуют и приверженность, и неопределенность, преданное служение без гарантий. Это похоже на кальвинистов. И вот что, собственно, пишет Вебер: мы не можем развивать социальную науку — заметьте, «социальную науку» как противопоставленную «естественным наукам», — прежде всего, без определенных ценностей³. Приверженность ценностям выступает основанием социальной науки, основанием социологии. Это фундамент, на котором строится программа исследования. Она не является ценностно-нейтральной, наука основывается на ценностях. Ценности не могут быть исключены из научного проекта. Они обеспечивают базу социальных научных проектов. Ценности — это как лестница, которая определяет, откуда и куда ты попадешь. Они составляют ядро любого социального научного проекта. Вот в этом, на мой взгляд, и заключается главная идея эссе, которую я разовью немного позже.

У нас также есть идея политики как призвания. Это еще одно блестящее эссе Вебера, по которому я читал лекцию студентам в университете в Мюнхене. Существует напряжение между этикой ответственности, к которой мы обращаемся, когда для нас значимы последствия наших действий, следующих определенным ценностям, и другой этикой — этикой абсолютных ценностей, или конечных целей, как Вебер ее называет, согласно которой мы должны совершать действие, следуя определенным ценностям, вне зависимости от того, какие последствия это повлечет. Итак, существует напряжение между двумя этиками, одна из которых связана с последствиями, а другая с принципами. Это напряжение присутствует и в работах самого Вебера, посвященных сложности человеческого поведения. Мы все испытываем такое напряжение. Опять же, кальвинисты представляют яркий тому пример.

³ К эссе М. Вебера «Наука как призвание и профессия», переведенному на русский язык А. Ф. Филипповым и П. П. Гайденом, опубликованному в 1991 г. в серии «Социологическая мысль Запада», есть примечательный комментарий переводчиков, поясняющий их отношение к рассуждениям Вебера о том, «что там, где человек науки приходит со своим ценностным суждением, уже нет места полному пониманию фактов» (Вебер, 1918/1991: 723). По мнению переводчиков, «Вебер полагает, что если гуманитарная наука претендует на звание науки, то она должна удовлетворять требованию общезначимости, которое всегда выполняется естественными науками и выполняется именно потому, что в них познающий субъект находится всегда на дистанции по отношению к познаваемому предмету»; но различие между историческим и естественнонаучным подходами допустимо, поскольку образование понятий в исторических и естественных науках производится по различным основаниям (Вебер, 1918/1991: 723). М. Буравой, напротив, подчеркивает, что именно приверженность ценностям отличает социальную науку и что он готов отстаивать в споре подобное прочтение эссе М. Вебера. — *Прим. науч. ред.*

Политик — это человек, который сталкивается с весьма трудной и долгосрочной задачей. Политика — очень сложная, скучная и протяженная во времени деятельность, у которой нет ясной, реализуемой цели. Вот что такое политика. Это очень пессимистичный взгляд на то, что, в конце концов, должно быть осуществлено в ходе реализации определенных ценностей. В любом случае, Вебер стремится доказать, что политика и наука должны быть отделены друг от друга. Опасность заключается во вторжении политики в сферу науки. Вебер был сторонником автономии науки. Он пишет о том, что исследование, выстраиваемое в соответствии с этикой ответственности, соотносится с инструментальной рациональностью, рассматривающей средства и последствия. В то время как ценностная рациональность соотносится с ценностями и конечными принципами. Его тревожило, что инструментальная рациональность будет доминировать над ценностной рациональностью. Его беспокоило, что мы теряем чувство, каким ценностям мы должны быть привержены, — уже тогда он был заинтересован этим вопросом. В любом случае, это Макс Вебер. Идеи Макса Вебера представляют начала, основания социологии, автономию которой он отстаивал, потому что социология была новой наукой, он хотел защитить её от конкурентных дисциплин, от государственного вмешательства и государственного регулирования.

Это было становление социологии. Очень скоро социология заявила о себе и вошла на политическую арену. Мы столкнулись с тем, что я называю прикладной социологией (*policy sociology*), которая ориентируется на запросы клиентов. У нас также есть публичная социология (*public sociology*), которая представляет собой диалог социологов и различных групп общественности (*publics*). Это естественная эволюция социологии, которая происходит по мере её профессионализации. Кратко отмечу, что я обратился к Макс Веберу и, хотя вы можете подумать, что я марксист, но на самом деле я — веберианец. Я следую идеям Вебера и думаю, что они близки моим идеям об определенных видах знания. Профессиональное знание и критическое знание соотносятся с идеями Вебера о поиске ценностей, которым должна следовать наука, а прикладное — с этикой средств. Тогда как публичная социология — это публичное обсуждение оснований общества. Мое концептуальное предложение состоит в том, что профессиональная социология, как и та, что ориентируется на запросы клиентов, — это жизнь *за счет* социологии. Жизнь *ради* социологии означает думать о судьбе самой социологической науки. Это предполагает критичность в отношении оснований профессиональной социологии, критику её ценностных оснований. И в то же время жизнь *ради* социологии подразумевает общественные дебаты и дискуссии о ценностях социума с социологической точки зрения.

Я думаю, теперь уместен переход от Вебера к социологии, которая сформировалась в XX веке, после того, как умер Вебер и социология профессионализировалась, главным образом, в Европе и США. И можно сказать, что то, что мы наблюдаем после Второй мировой войны, это мессианская

социология (messianic sociology) — мессианская в том смысле, что она собирается остаться в мире. В США мессианская социология отражала то, что происходило в обществе после Второй мировой войны. А что, собственно, происходило? Поражение фашизма, расширение университетской системы в США, идеология, согласно которой США — земля обетованная, идея, которая была путеводной звездой послевоенного американского общества; и, конечно, «холодная война» и активная пропаганда марксизма-ленинизма в Советском Союзе. В целом, это были золотые годы социологии: у нее был враг, была основа и была цель. В тот момент социологи почувствовали себя избранными. Эдвард Шилз в эссе «Призвание социологии», пользуясь парсоновской терминологией структурного функционализма, пишет о ценностном консенсусе, лежащем в основе послевоенного американского общества. Он утверждает следующее: мы все разделяем общие ценности, у нас есть дополняющие друг друга ролевые ожидания. Появляется чувство, что социология воплощает коллективные представления общества, она является носителем общественного сознания, внезапно она становится публичной социологией. Уходит разделение между профессиональными социологами и публичной сферой. Профессиональная социология превращается в научную разработку общественных представлений, которые мы все разделяем в земле обетованной⁴. Кроме того, Э. Шилз соглашается с некоторыми аспектами позиции критических социологов. Так, Чарльз Райт Миллс, известный критический социолог, очень негативно оценивал отношения доминирования в Соединенных Штатах. Он также критично относился к прикладной социологии, так как она осуществляет свою деятельность, рассматривая человеческое поведение с позиций инструментальной рациональности, соотношения средств и цели⁵. Это продолжалось где-то десять-пятнадцать-двадцать лет, в течение которых теории модернизации, структурный функционализм и идеологическое доминирование социологии США распространялись по всему миру. Даже учебник по социологии в постсоветской России сохранил дух структурного функционализма 1950-х, который всё еще жив.

⁴ Речь идет об идеологической функции, которую выполняла послевоенная социология в американском обществе. Утверждение и господство структурного функционализма Т. Парсонса, легитимирующего концепцию американского капиталистического общества как стабильной саморегулирующейся системы, основывающейся на ценностном консенсусе, выступало альтернативой марксизму, см.: Буравой М. Развитие американской социологии: дилеммы институционализации и профессионализации // Рубеж: альманах социальных исследований. 1991. № 1. С. 74–95. — Прим. перев.

⁵ В своем известном труде «Социологическое воображение» Ч. Миллс пишет, что в американском обществе «средства власти и насилия становятся тотальными по своему масштабу и бюрократическими по форме» (Cit. to: Shils E. Professor Mills on the calling of sociology // World Politics. 1961. Vol. 13. № 4. P. 603). В связи с чем, он предостерегает социологов от того, чтобы делать социологию служанкой политических интересов, делегируя принятие решений относительно объекта и предмета исследования заказчикам. Другим пунктом критики становится господство «технократического отношения» в эмпирическом исследовании: Миллс упрекает современную ему социологию в попытке вывести причинное объяснение из статистических закономерностей. Э. Шилз соглашается с позицией Миллса в том, что за индексами и изощренностью социологического инструментария социологи забывают о самих исследуемых людях и феноменах, что свидетельствует о недостатке эмпатии к изучаемому объекту (empathic poverty of sociologists), см.: Shils E. Professor Mills on the calling of sociology // World Politics. 1961. Vol. 13. № 4. P. 600–621. — Прим. перев.

Позже видение социологии как основания ценностного консенсуса общества становится предметом критики и нападок. Данная тенденция отражала события 1960–1970-х гг. в США и других странах мира: появление протестных движений. В американском обществе уже не было ценностного консенсуса, а были протесты против войны во Вьетнаме, студенческие выступления за свободу речи; и, что самое главное, были митинги в защиту гражданских прав — гражданские беспорядки и волнения по поводу прав меньшинств, например, афроамериканцев; конечно, феминистское движение. Протестные движения вытеснили структурный функционализм, и появилась другая мессианская социология — *радикальная социология (radical sociology)*. Она начинается с социальных движений, влияет на отношение социологов к этим движениям, многие социологи становятся их участниками. Так появление конфликтов и артикуляция проблем со стороны ответственности способствовали развитию критической социологии, что, в свою очередь, отражало трансформации, происходившие в обществе. Она была мессианской, потому что мы верили, что изменение социологии способствует и изменению общества. Итак, я рассказал о периоде мессианской социологии, когда социология была дисциплиной, напрямую влияющей на формирование ценностей общества.

Теперь нам необходимо перейти к настоящему времени, имеющему для нас ключевое значение. Я говорил о ценностном развитии социологии в связи с Максом Вебером, затем о периоде протестных движений в рамках мессианской социологии, а сегодня пришло время либеральных университетов. Итак, что происходит сегодня? Я имею в виду не только Санкт-Петербургский государственный университет, а университеты всех стран мира. Они становятся объектами двух видов давления: *первое — это превращение знания в товар, его коммодификация (commodification of knowledge)*. Университет начинает заниматься предпринимательством, поскольку вынужден думать о том, как заработать деньги для поддержания своей деятельности. Ему необходимо продавать знание людям, которые готовы платить за него, или студентам, которые платят за обучение. Я думаю, что в постсоветской России даже университеты с государственным бюджетным финансированием (public university), — я имею в виду не только Санкт-Петербургский университет, а все государственные университеты, — вынуждены будут испытать это на себе. Процесс коммодификации идет во всем мире. Это мое видение, и первое, что важно отметить, — это коммодификация знания. Я могу рассказать вам многое о том, как университеты в разных странах получают прибыль. Похожее происходит и здесь, в России.

Однако существует *второй вид давления — это регулирование*. Возможно, вы все с ним знакомы. То, что происходит с университетами — это не только коммодификация и приватизация, но и регулирование, которое идет сверху. Если вы хотите продать знание, которое произведено в университете, вы должны вызывать доверие, обладать репутацией, вы как бы ставите на себя товарный знак, бренд университета. А для этого нужно понять, какой университет престижнее, какой университет является лучшим

объектом инвестиций для ваших денег. У нас есть международная, национальная и дисциплинарная рейтинговые системы, и они распространяются по всему миру. Это в особенности касается социологии. Если Вы хотите ввести рейтинговую систему в Санкт-Петербургском государственном университете, что для этого нужно сделать? Например, когда китайцы разрабатывали рейтинговую систему, они сравнивали свои университеты с лучшими университетами США — это университеты Восточного побережья: Гарвардский, Принстонский и Йельский⁶. Лучшие становятся эталоном сравнения для всех университетов мира. Я считаю, что ваш президент хочет, чтобы пять российских университетов вошли в сотню лучших. Но это проект. Что значит быть эталоном сравнения для других? Это значит располагать бюджетом до 36 млн долларов, который предоставляет университету практически неограниченные возможности. Другие также должны соответствовать рейтингу, но как это сделать, как поднять рейтинг университета? — Издавая хороший журнал, международный журнал. Международный журнал оказывается национальным журналом США, или Великобритании, или Германии. В итоге социологи вынуждены публиковаться в престижных американских изданиях — в высокорейтинговых журналах, которые не признают специфику социологии в России. Они считают, что США — это универсальная страна, и американская социология — это социология для всех, — что влечет за собой разрушительные последствия для стран, где английский язык не является основным. Просто возмутительно провозглашать себя эталоном сравнения по отношению к другим! Особенно это касается социальных наук.

Итак, я веду речь о регулировании и коммодификации, каждое из них имеет мягкую и жесткую формы. Примечателен пример Индии, где университеты существуют за счет государственных средств, которые получают студенты. Но они не посещают университетские занятия, а просто покупают диплом. Это жесткая форма коммодификации, товаризация знания ради прибыли, и в США она тоже имеет место. Существует и мягкая форма коммодификации, предполагающая извлечение прибыли в разнообразных и не столь очевидных проявлениях, поэтому она происходит во многих странах мира.

Точно так же можно выделить мягкую и жесткую формы регулирования. Мягкая форма регулирования — это рейтинговые системы, в которых мы все, так или иначе, участвуем. Мы стремимся публиковать статьи в высокорейтинговых журналах, и, будучи полностью погружены в эту игру, мы воспроизводим её. Так действует мягкая форма регулирования, но существует и жесткая форма. Как правило, она возникает при авторитарных или деспотических режимах, когда государство решает, кто и какую позицию

⁶ Согласно рейтингу университетов мира THE World University Rankings, традиционно составляемому авторитетным британским изданием Times Higher Education (THE), в 2015 г. названные университеты вошли в десятку лучших, см., например, URL: <http://www.language-travel.ru/01.01.04.01/619.aspx> (дата обращения: 21.11.2015). — Прим. перев.

занимает в университете. В мире существуют различные комбинации регулирования и коммодификации в их жестких и мягких вариантах.

Мы должны создать сообщество критического дискурса для обсуждения важных вопросов, которые я освещаю в лекции — того, каким образом университеты существуют сегодня. Мы должны создать сообщества критического дискурса внутри университетов и межуниверситетские, внутри- и межстрановые. Необходимо посмотреть на себя со стороны, так как мы все, не только социологи, но и группы общественности, подвергаемся одному и тому же давлению коммодификации и регулирования. Мы не можем больше замыкаться в себе, так как, я полагаю, будем подвергаться еще большему давлению названных процессов. Итак, каков наш ответ, что мы думаем о таком положении дел?

Первое: нам необходимо осознать, что у каждой дисциплины есть внутренняя и внешняя зоны. Мы не можем игнорировать коммодификацию и регулирование, делать вид, что их не существует. Мы должны защитить себя от этих процессов, что будет и защитой дисциплины. Я предлагаю концептуальное решение: выделяю различные типы прикладной социологии (*policy sociology*). Есть спонсируемая прикладная социология (*sponsored policy sociology*), когда знания производятся по заказу и продаются определенным клиентам. Другой тип — инициативная социология (*advocacy policy sociology*). Это примерно то, что делает моя коллега Светлана Ярошенко, изучающая бедность и способы её преодоления. Инициативная социология не ориентирована на работу по заказу клиента, она стоит на защите общественных интересов и представляет, таким образом, альтернативную форму существования социологии как выразителя интересов граждан.

Второе: следует отличать внутриакадемическую социологию — профессиональное поле, в котором социологи сотрудничают друг с другом, обмениваются мнениями, статьями, проводят исследования, — от внешнего давления. Иными словами, следует различать предметный поиск самой науки и внешнее, навязанное регулирование. Макс Вебер был очень заинтересован в сохранении автономии науки, её свободы от интервенций со стороны государства, Германского государства того времени, периода Первой мировой войны.

Третье: нам также следует дифференцировать два типа критической социологии. Дисциплинарная критика, рассматривающая ценностные основания социологии, которые не сопрягаются с реальностью общества. Критическая социология — это социология способная к открытой дискуссии о ценностях, сопрягаемых ею с публичной сферой. Но еще у нас есть междисциплинарное пространство, которое мы делим с другими дисциплинами и в котором мы рассматриваем социологию в более широком университетском контексте.

И, наконец, важно различать два вида публичной социологии. Есть традиционная публичная социология, которая включает написание статей в газеты, проведение интервью на телевидении, анализ прессы, наиболее читаемых книг, создание блогов, — социология, которая использует средства

массовой информации. По сути, средства массовой информации становятся средствами социологии как традиционной публичной социологии. Таким образом, мы высказываем свое мнение и надеемся на общественный резонанс. Но существует также органическая публичная социология, которая предполагает диалог с изучаемыми группами общественности: профсоюзами, различными общественными организациями, с которыми мы вступаем в диалог, ведем дискуссию о ценностях и о том, как они соотносятся с социетальным контекстом. Это то, что я называю внутренней зоной, содержанием дисциплины, это такой бриллиант, который демонстрирует её цельность. Мы, представители всех четырех типов социологии, профессиональной, критической, прикладной и публичной, должны держаться вместе вопреки оказываемому внешнему давлению.

Так я понимаю контекст, в котором мы живем. Макс Вебер в работах «Наука как призвание» и «Политика как призвание», всегда рассматривает науку и политику в более широком контексте. В своем труде «Наука как призвание», он сравнивает американскую систему высшего образования как капиталистическую систему, более ориентированную на деньги, с немецкой системой высшего образования. Когда он рассматривает политику, то сравнивает политические режимы, типы демократии, которые существуют в Великобритании, США, Германии. Мы должны понимать контекст, в котором рассматриваем социологию как призвание. Мы должны признать существование давления коммодификации знания и регулирования. Но это давление будет преобладать в университете, только если не будет сопротивления со стороны критического дискурса социальных ученых и общественности.

Вернемся к Макс Веберу. Призвание — это идея приверженности, преданности без гарантий. Преданность социологии означает начало преданности гражданскому обществу, потому что оно представляет собой основу, на которой социология может сформировать свое мировоззрение. Когда нет гражданского общества, нет и социологии. Но мы можем сказать даже больше: гражданское общество выступает как защита человечества от давления рынка, с одной стороны, и от политических сил, с другой. Во всем мире гражданское общество либо прекращает свое существование, либо поглощается государством. Можно констатировать такие тенденции. Поэтому социология, что неудивительно, сама находится в оборонительной позиции. Она не избрана и не обречена.

Итак, приверженность без гарантий. Мы все, социологи, я думаю, привержены идее защиты гражданского общества. С одной стороны, вне стен университета мы защищаем гражданское общество, как только оно подвергается нападкам. С другой стороны, в стенах университета мы тоже находимся в оборонительной позиции, потому что не выделяются деньги. Кто хочет покупать социологию? Есть много предприятий, которые могут выступать потенциальными покупателями, где может быть востребована социологическая методология. Но практически это трудно, мы не экономисты. Я хочу подчеркнуть, что социология отличается от экономических и политических

наук, что создает определенные трудности. В мире есть много людей, которые верят в существование единой социальной науки: Иммануил Валлерстайн, Пьер Бурдьё — они верят в то, что социология должна стать такой всеохватывающей масштабной наукой. Если она станет частью большой науки, какой будет эта социальная наука? Это будет экономика, поддерживаемая политологией. Политическая наука везде, где я бывал, сдвигается в сторону экономики. Я считаю, что союз экономики и политики не будет интересен человечеству, потому что рынок, поддерживаемый экономикой и политическими науками, систематически разрушает мир.

Мое видение ситуации заключается в том, что главное предназначение социологии сегодня состоит в защите гражданского общества, как бы сложно и трудно это ни было. Трагичность сегодняшнего дня заключается в том, что социология выполняет только защитную функцию по отношению к гражданскому обществу, потому что это именно то, в чем гражданское общество как никогда нуждается сегодня. Такая ситуация созвучна положениям учения Ж. Кальвина: мы не знаем, что будет завтра, но мы преданы социологии. Даже сталкиваясь с невозможностью существования социологии в данный момент истории, мы должны защищать её. В заключительной части своего эссе «Политика как призвание» Макс Вебер пишет: «В стремлении к возможному мы должны осуществлять невозможное. Только через осуществление невозможного мы можем приблизиться к реализации наших целей». Мы, социологи, должны жить *ради* социологии, а не *за счет* социологии, для того, чтобы защищать нашу дисциплину. И здесь вы зададите вопрос: что делать? Вы можете найти социологов, вдохновляемых своим призванием, по всему миру. Я знаю потрясающих социологов из Санкт-Петербурга, Анну Тёмкину и Елену Здравомыслову. Если вы почитаете их статьи, то узнаете, как в 1990-е они стали избранными, как смогли расширить свои исследования, гендерные исследования, будучи взаимосвязаны с гражданским обществом, и с какими трудностями столкнулись рубеже веков. Социологам пришлось занять оборонительную позицию, но, тем не менее, они никогда не сдавались, не оставляли свой проект, несмотря на противостояние и вопреки всем опасностям. Похожие примеры обнаруживаются в разных частях света — примеры социологов, обладающих чувством призвания, живущих *ради* социологии в обстоятельствах, являющихся весьма непростыми. На этой вдохновляющей ноте — историях, которые повествуют о необходимости защиты социологии от давления, оказываемого на нее сегодня коммодификацией и регулированием, и не только в университете, но и в гражданском обществе, я завершаю свою лекцию. Большое спасибо за внимание.

У меня очень простой вопрос: как Вы понимаете слово «ценность»? Определите, пожалуйста, слово «ценность». Это фундаментальное понятие. Как Вы его понимаете?

Макс Вебер в отношении современности сформулировал тезис «расколдования мира», согласно которому в современном мире возникает многообразие ценностей, и принципиальной становится невозможность

в какой-либо систематической форме их упорядочить. Дюркгейм же сказал нам, что социология укажет ценности, которым мы должны следовать. Вебер отвечает: «Нет. Социологическая наука не может указать, как нам жить, не может сказать нам, каковы ценности, которым необходимо следовать». Когда мы ведем речь непосредственно о социологии, я убежден, что главная ценность социологии — это гражданское общество, что подразумевает важность организаций, социальных институтов, социальных движений, той сферы, которая является независимой, относительно независимой от государства и рынка. И это, с моей точки зрения, одна из ценностей, которые разделяет социология. С другой стороны, у нас может быть фашистская социология, советская социология, либеральная социология. В Италии фашистская партия хотела развивать гражданское общество. Поэтому фашистская социология может существовать, я не исключаю такой возможности. Но сегодня, как свидетельствует статистика, большинство социологов ориентировано на две фундаментальные ценности: свободу и научную рациональность. Эти ценности могут существовать в различных сочетаниях, и я убежден, что именно они должны способствовать развитию социологии, включая идею защиты гражданского общества.

Спасибо большое за лекцию. Хотелось бы прояснить: Вы говорите об угрозах социологии. Эти угрозы возникают, потому что кто-то хочет занять её место или угроза оттого, что она просто не нужна? В данном случае, я хочу обратить внимание на свою оценку. Со времени Вашего последнего приезда в обществе резко снизился интерес к социологии. Это можно объяснять по-разному, в том числе и тем, что общество разочаровано отсутствием тех знаний об обществе, которые ему могло бы дать социологическое сообщество. Но вопрос у меня в следующем: в чем и от кого угрозы?

Угроза, как я отмечал ранее, исходит непосредственно от коммодификации знания. Социологам невыгодно продавать свое знание, как это делают экономисты или политологи. Социология становится менее привлекательной для выпускников университетов во многих странах по той причине, что им непонятно, каким образом эта профессиональная деятельность может обеспечить достойную жизнь. Одна из общемировых тенденций заключается в том, что выпускники университетов формируют группу с нестабильной занятостью (*precarious labor force*), что в особенности отражается на социологии. На социологическую науку оказывает давление регулирование, которое нарушает её автономию. Но самое важное — это рейтинговые системы, навязывающие социологической науке определенную систему взглядов, в основном, американскую, может быть, европейскую, но не ту, которая должна сформироваться на основе национального контекста, такого как здесь, в Индии или Бразилии, в Южной Африке или Китае. Социология находится в плачевном состоянии, но ей свойственно пробуждаться под воздействием социальных движений. В 2009 г. мы наблюдали волну социальных движений, которые, я думаю, оживили социологию, но только на время, так как эти движения были немногочисленны. На мой взгляд, социология очень восприимчива к активности гражданского общества. Я часто вспоминаю

пробуждение социологии в Сыктывкаре в конце 1980-х — начале 1990-х гг., когда активизация гражданского общества привела к развитию новых форм социологии. Итак, я назвал условия, которые могут угрожать социологии сегодня, но в меньшей степени — если мы будем работать над этим.

Спасибо большое за прекрасную лекцию. У меня следующий вопрос: идея приверженности социологии гражданскому обществу лично мне очень близка и, вообще, кажется интересной. Другое дело, что гражданское общество само по себе — не то чтобы совершенно не проблематичный концепт. Как Вы понимаете то многообразие гражданского общества, когда не все гражданские организации привержены ценностям свободы, например? Существуют и другие проблемы. Как они укладываются в Вашу концепцию? Спасибо.

Это особенность гражданского общества. Экономисты разработали понятие экономики, а затем монополизировали знания, связанные с данным понятием. Мы же, социологи, постоянно сталкиваемся с трудностями, когда пытаемся определить, что мы подразумеваем под обществом. У всех различные точки зрения по этому вопросу. И одна из трудностей, помимо тех, о которых Вы сказали, — многообразие форм гражданского общества. Когда я рассказывал о публичной социологии и важности гражданского общества в такой стране, как Уганда, они спросили: «Что такое гражданское общество? Как у нас может быть социология или публичная социология?» Таким образом, где-то мы едва ли можем говорить о существовании гражданского общества, в то время как в других местах оно очень диверсифицировано. Поэтому и сама социология фрагментируется: мы не можем говорить о единстве ценностей — они различны. Социология так многообразна именно потому, что гражданское общество характеризуется разнообразием социальных общностей. И это вызов, с которым мы сталкиваемся. Трагедия социологии состоит в том, что, с одной стороны, она должна быть верна своим основаниям, с другой стороны, она диверсифицируется, и мы становимся слабее, потому что разобщены. Я думаю, что самая большая трагедия социальных наук и социологии состоит в том, что призвание социолога может саморазрушаться именно по той причине, о которой Вы сказали. «Гражданское общество» — это действительно очень неоднозначный термин, и мы не должны игнорировать существование дискуссионных вопросов в его определении.

Я хотел бы продолжить дискуссию о гражданском обществе. Я согласен, что это весьма противоречивый концепт. Он был создан главным образом в 1960–1970-е в рамках восточноевропейских дисциплин, которые боролись против государственного вмешательства, не говоря об этом открыто. Они хотели быть игроками на политической арене, но не могли не видеть, что таким образом пытаются потеснить государство. Они исходили из позиции действия только в рамках гражданского общества. Позже они пришли к компромиссу о том, что гражданское общество — это сторона политической активности, но она носит ограниченный характер, не выходит за пределы, за которыми становится слишком опасна или слишком

идеологически ангажирована. В результате, если социология становится оружием или инструментом гражданского общества, она приобретает ограничения. И очень часто то, что мы можем наблюдать в гражданском обществе социологически — это атомизация, деполитизация, меланхолия, я думаю, что-то в этом роде, что действительно имеет место. Но я говорю о настоящем времени: сегодня люди действительно относительно деполитизированы. Если смотреть в более широком национальном контексте, возможно, что деполитизация — это только один аспект общей более оптимистической картины. Все это я говорю к тому, что, с моей точки зрения, социальные науки должны быть объединены, но, конечно, не в рамках политической науки.

Вы сделали очень интересное замечание о том, что социальные науки должны быть объединены и не на основе политической науки. Но тогда на основе чего, что станет фундаментом их объединения? Я знаю, не совсем честно спрашивать Вас, но мне нужен ответ, чтобы в свою очередь ответить на Ваш вопрос. Это правда, что гражданское общество по-новому концептуализируется, в особенности в Восточной Европе, в противовес социализму. Там было много открытий, какие-то ими не были, но ученые думали, говорили и писали как социологи, с перспективы гражданского общества в противостоянии государству. Я думаю, не совсем правильно говорить, что гражданское общество — это инструмент социологии. Это не то, что я имел в виду. Я говорю о том, что социология принимает точку зрения, позицию гражданского общества, коллективно самоорганизующегося общества. Я считаю, что гражданское общество может быть деполитизировано. Но кто будет заниматься политикой, если не гражданское общество? Политика в государстве имеет серьезные ограничения, потому что государство ограничено экономикой. Нет никакой политики без экономики. И нам остается только гражданское общество, а гражданское общество не всегда деполитизировано. Если мы возьмем пример Латинской Америки, мы найдем интересные черты политической сферы, представляющие новые формы участвующей демократии (participatory democracy), которая относится, прежде всего, к гражданскому обществу. Депрессия и утрата иллюзий связанных с демократизацией, переходной экономикой, диктатурой в условиях структурной неопределенности, стали причиной, возникновения многочисленных социальных движений, которые переопределили содержание демократии в Латинской Америке и ввели практику создания альтернативных социальных институтов. Конечно, этот пример нельзя экстраполировать на весь мир, но у нас есть много примеров, когда гражданское общество движимо политикой — оно не является деполитизированным. Вы можете это увидеть на примере постсоветской России: волны социальных протестов, концентрирующиеся в больших городах и в Москве; социальные движения, преследующие определенные политические интересы. Я буду думать о важности гражданского общества до тех пор, пока кто-либо не предложит мне иное, лучшее решение проблем, с которыми мы сталкиваемся сегодня во всем мире: проблемы экспансии рынка, товаризации земли, воздуха,

воды; коммодификации труда, коммодификации знания и коммодификации денег. И эти процессы, практически нерегулируемые, разрушают наш мир, и это происходит при сотрудничестве национальных государств. Гражданское общество — это единственный выход, единственная надежда, как бы сложно это ни было.

Я бы хотел вспомнить кроме Вебера еще и Дюркгейма. Дюркгейм, на мой взгляд, был пессимистом, потому что именно он утверждал: чем больше разнообразие, чем больше разделяется труд, тем больше разделяются люди, и это неотвратно влечет за собой снижение норм, возникает релятивизм норм. Несмотря на то, что Дюркгейм очень доверительно все это обосновывал, в конце он оказался отличным человеком, потому что в финале он написал, что всё это как-нибудь обойдется. Не хватает его оптимизма, хотя очень хотелось бы, чтобы всё обошлось. И, наверное, гражданское общество — это то, что могло бы помочь выбраться из этого тупика.

Да, в целом это отражает то драматичное положение, в котором мы находимся. Давайте вернемся к Веберу... У Маркса, Вебера и Дюркгейма, у них, у всех троих, было понятие разделения труда. Маркс писал, что разделение труда — это ужасно, это отрицание потенциальных возможностей человека, мы должны преодолеть общественное разделение труда. Он был сторонником коммунизма, оптимистом и считал, что капитализм уничтожит сам себя, частной собственности не будет. Дюркгейм же говорит: «Нет, этого не произойдет. Разделение труда — это хорошо. Оно является источником органической солидарности. Если мы обратимся к работе «О разделении общественного труда», где Дюркгейм уделяет внимание патологическим формам разделения труда, мы также обнаружим, что он пишет о том, что, собственно, и является основанием социализма. К этой теме он вновь обращается во введении ко второму изданию книги. Он отмечает, что у нас будет не частная собственность, а собственность, контролируемая профессиональными корпорациями. Мы уничтожим представление о необходимости богатства... Уничтожим, здесь, в России?! Это очень оптимистический взгляд на разделение труда в рамках социалистической системы, в которой профессиональная корпорация, по мысли Дюркгейма, становится основной формой политической организации. Вебер говорит: «Вы оба — сумасшедшие. Вы не можете отменить разделение труда для того, чтобы построить социализм. Мы должны жить с разделением труда. Мы должны жить с доминированием функции разделения труда. И лучшее, что мы можем сделать — это придать смысл разделению труда, чтобы сделать труд призванием». Вопрос в том, кто может сделать специализированную профессиональную занятость призванием? Можем ли мы, социологи, придать смысл профессии социолога?

Я работал на многих предприятиях мира, и всегда меня поражало и приятно удивляло, как даже неквалифицированные рабочие могут делать работу своим призванием, видеть смысл своей работы. Обнаруживается, что даже неквалифицированный труд требует определенного набора навыков.

Urban identity making in Germany: the case of Bamberg

DOI: 10.19181/inter.2019.18.2

*Iuliia Eremenko**

Urban identity is one of the most important characteristics of the urban community and an understanding of the characteristics of its formation is necessary to determine urban development strategies. This paper seeks to examine the current situation concerning urban identity in Germany, a late capitalist society: has urban identity weaken or has it remained significant for people and can it even be used as a resource for new solidarities and intercultural dialogue? Within the framework of this article, the author identifies the main actors forming the urban identity in Bamberg and the factors that have had a major influence on this identity. Empirically, the study is based on a series of semi-structured interviews with experts in urban history, city development and placemaking from Bamberg: school teachers and supervisors involved in the adjustment of students, representatives of city administration, urban activists, and coordinators of UNESCO projects. The results of this work will help to contribute to the research field about the phenomenon of preserving local identity in small cities. Thus, the scientific relevance of this study is that the identified factors can be further generalized onto other cases.

Keywords: territorial identity, urban identity, local communities, UNESCO, case study

It is often argued that under the pressures of globalization territorial identities weaken, as individuals grow increasingly mobile and cosmopolitan. Many of the financial, economic, and humanitarian functions of some states were delegated to intergovernmental alliances and international institutions. This significantly reduced government barriers and facilitated the development of direct interactions between cities. The relevance of the chosen topic is based on the following. First, contrary to the logic of globalization, local, regional and national identities still exist, influencing the development of both the domestic and foreign policies of modern states (see, for example, Batterton, Sherri, 2016; Phinney, Ong, 2007). Secondly, Germany is now experiencing the aggravation of adaptation problems and is thus

* Eremenko Iuliia — Junior Researcher, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences; Ph.D. student Faculty of Sociology, Saint Petersburg State University (Russia) and Faculty of Social Sciences, Economics and Business Administration, University of Bamberg (Germany). E-mail: eremenko.iuliia@gmail.com

searching for valuable forms of human coexistence in a socio-cultural space in the modern changing world and trying to develop new patterns and ways of life instead of the old ones, urban identity being one of the instruments in this process. Bamberg was chosen as a case for the study due to the fact that, despite being located near larger cities, it was able to retain its particular urban identity. Furthermore, over the past 20 years, there have been no large changes in the population in this city and neither has Bamberg become the economic center of the region.

The research is based on the understanding of identity as a complex phenomenon with multiple elements and layered structure (see, for example, Agier, 2001; Goffman, 1959). From this, collective identities (local, regional, national, European and others) existing within German society are seen not as alternative to each other but rather as complementary and sometimes even competing (see, for example, Astafiev, Semenenko, 2013; Preser, 2017). This paper considers urban identity as a territory-based component of individual and collective identity that embraces both the feeling of belonging to a place and attachment to a place. Identity production could be at the level of neighborhoods, districts, or whole towns, and sometimes overlaps with the existing territorial divisions. Importantly, in this analysis, a distinction is made between regional and urban identities, as the area of a region (land) in Germany is much larger than the local residential area which is the focus of this inquiry.

This study adheres to the constructivist approach to identity, in which identity is considered not as a “natural” sense of belonging determined by a set of primordial attributes but rather as an outcome of how people and groups (re)interpret the boundaries between themselves and others. This approach shows that urban identity might be a product of strategic efforts taken by various actors in the drive for certain economic or political resources.

Identity is the product of not only personal but also collective experience, consensus reached in assessing past and present events, the proximity of the views and perceptions of many people. Although this work focuses on urban identity, the traditions of research on national and ethnic identity have influenced the methods of exploring urban identity (see, for example, Anderson, 2006; Gellner, 1964; Gellner, 1983). The field of urban identity is studied through various research directions (memory studies, environmental psychology, media studies, STS, etc.), which share the same background and methodological approaches but still lack a substantial framework and common analytical vocabulary. P. Bourdieu’s concept of social habitus and social space (Bourdieu, 1989, 1992) allows us to treat identity as an individual defining the coordinates of his or her own world changing in the process of social interactions. Urban identity can be interpreted as the internal binding of a person to the place of his or her life, as an emotional and at the same time social connection which is formed as a result of multiple interactions both with the urban environment and with society.

According to John C. Turner and Penelope J. Oakers, the authors of the work «Rediscovering the Social Group: A Self-Categorization Theory», identity forms the cognitive basis of group behavior (Turner et al, 1987). The process of categorization accentuates both perceived similarities between stimuli (physical objects

or people, including oneself) belonging to the same category, and perceived differences between stimuli belonging to different categories (Oakes, Haslam, Turner, 1994). For example, when locals who believe that the residents of the neighboring cities are more aggressive than the people from their city categorize themselves as nonaggressive locals, they tend to exaggerate their neighbors' bellicosity and extrapolate this evaluation to all outsiders, tending to underestimate the differentiation within their own group and the category of outsiders, and to overestimate differentiation across groups.

Cognitivists have recently focused much on the impact of the ethnic factor in collective identification and appealed to national consciousness as a subjective form of ethno-social manifestations. For example, it is argued that individuals are aware of their ethnic origins (originally tribal and clan affiliation), identify themselves with their group, sharing its values, and thus also identifying themselves with positive attributes ascribed to this group. This positive identification is only possible through the juxtaposition of the in-group with some out-groups which contributes to the realization and symbolic reproduction of ethnic differences. The cognitive mapping of boundaries between «us» and «them» where the former necessarily gains better evaluation in terms of economic development, cultural norms and values, political structure and ideology makes a tool for strengthening the in-group (Oakes, Haslam, Turner, 1994).

The concept of urban identity suggests that there are common character traits typical of citizens. Urban identity is associated with the idea of citizens about the uniqueness of the place. The approach used in this article is related to the idea of the urban community as an integral and culturally distinctive group, to which the following characteristics apply: rootedness, presence of a particular culture, language, lifestyle and sacral values. Within the framework of this study of urban identity, emphasis is made on this phenomenon as a process, rather than a result.

Materials and Methods

Speaking about identity in general (and urban identity in particular), in using qualitative methods, emphasis is placed not only on such methodological and substantive aspects as locality and collectivism in the definition of urban identity. As research practice shows, the theme of identity, and its types, is a rather complex object for perception, discussion and conceptualization (see, for example, Gudkov, 2000, Gao, Zhang, Mittal, 2017). Therefore, not only the organization of the conceptual part of the research is fairly challenging, but also the question of the method. In the case of identity (especially in the case of a specific kind of identity), it is important to have a sufficiently definite focus of research in order to obtain information on the researcher's key points of interest (which make up the structure of the complex phenomenon of identity), which are set by the research agenda and the order of questions.

On the other hand, a discussion of identity requires a certain kind of "freedom", both for the interviewees and for the researcher, to enable them to focus

specifically on those aspects of the discussion that seem to be fundamentally important. And in this case, the semi-structured interview method seems the most optimal for this purpose, because, if necessary, it allows for changing the sequence and structure of questions, to choose the most appropriate strategies for obtaining information, to make the interviewer's approach more individual, to enable different interpretations of the urban identity of cities being studied. The application of this method is usually effective in the analysis of social processes, sociocultural changes, public practices, the transformation of institutions and communications, and of the implementation of certain courses in public policy (Alexiadou, 2001). The issue of urban identity and its impact on the development of the cities considered in this paper is presented as a search, which to a degree affects the topics listed further.

Contact was established with several categories of informants who were considered experts in urban history, city development and placemaking. Four main groups of informants were identified: (1) school teachers and supervisors involved in the adaptation of students; (2) representatives of city administration; (3) urban activists; (4) coordinators of UNESCO projects.

The interviews occurred in a natural fashion, lasting between half an hour and two hours. English is not the native language for the respondents from whom data was collected. The collected narratives were transcribed and subjected to open and axial coding. The total number of collected interviews amounts to 15. The interviews were conducted in January 2017. The status of these scientific centers helped in communicating with experts at the initial stages.

Actors of Urban Identity Making

In this part of the paper, the case of the formation and maintenance of urban identity in Bamberg will be considered. Primarily, the nature of Bamberg residents' urban identity, and its general features, characterizing its understanding of the local urban community. The next object will be a group of eight factors, which, in my opinion, primarily affect the formation and maintenance of the urban identity of Bamberg. Within this section, the main groups of actors involved in the process of formation and maintenance of urban identity will be considered, the roles of these actors and the significance of their positions in the structure of the reproduction of urban identity described. In the final part of the section, focus will turn to the practices of urban identity actors which form and support it.

Experts note that urban identity is recognized by the inhabitants of Bamberg as a necessity:

... it's such an old city and any citizens are living here with generations and we are lucky enough to have that beauty of the city. I think that's pretty important. [Administration 2].

The interviewed experts are convinced that in the representations of city dwellers the city has its own, expressed identity. Thus, in the opinion of the experts interviewed, residents are well aware of their connection to the city and its impact on them:

I think that people in Bamberg are very aware of where they live, have an idea or have a very close relationship to the City. [Teacher 2].

To a large extent this is facilitated by the activities of international organizations aimed at the preservation of cultural heritage, which have a significant impact on decision-making in processes related, for example, to the changing architectural appearance of the city.

Urban identity and strategic urban development plans in the case of Bamberg are interconnected. This connection, based on cultural practices, architectural heritage and significant historical events (anniversaries, in particular) is reflected in the information and communication positioning of the city:

We look what are the important dates. Next year there is the date of 500 years, no 700 years of the Bavarian law for making beer. Yeah, It's a great

Fig. 1. Historic city center of Bamberg. *Photo:* Iuliia Eremenko

event, too. But we also look at Michael's church, and it is 2000 years old now. This time there are also great events and parties and so on. Special exhibitions in museums, etc. And every time we do it this way. [Administration 1].

In general, with regard to the definition of urban identity and its significance for the development of the city experts attach importance to urban identity. With regard to the nature of urban identity in the case of Bamberg, based on the historical and cultural value of the city confirmed by the status of a World Heritage City. "Town of Bamberg" received the status of world cultural heritage in 1993 as a city whose architecture from the 12th century had a great influence in Northern Germany and Hungary.

Factors of Urban Identity Making

Based on the data obtained during the expert interviews, it is possible to determine those factors which contribute to the formation of what is called "urban identity" in this paper. A significant part of these factors in the structure of the urban identity is connected in such a way that the factors complement each other. The revealed factors make it possible to see what historical forms (including material ones, such as urban architecture), which cultural practices or policies of the city administration play a role in the formation of urban identity.

In this case, as one of the first such practices, the active positioning (branding) of Bamberg (the old city center, first of all) as an object of world cultural heritage can be distinguished:

It is a very unique town to find medieval houses and buildings and baroque (so Absolutismus in German) and modern houses and we belong to the world heritage. [Teacher 1].

The branding factor is closely related to the historical factor, which serves as the basis for the branding strategy. This factor is based on specially articulated moments from historical memory. These moments are carefully chosen so as to appeal, for example, to the emotional components of the urban identity, to the antiquity of the origin of the city, to its independence in relation to larger administrative-territorial units:

Bamberg as a town, as a medieval town. [Teacher 1],

They have a Duke, they were the same ... So, Bamberg 200 years before and Cobourg came 100 years before to Bavaria. So, this town did not belong to the state of Bavaria until 1803 or 06 and Cobourg did not belong to Bavaria until 1921, I think. In 1920 there was the document and then they changed to Bavaria. [Coordinator of UNESCO projects 1].

Fig. 2. Old Town Hall. Photo: Iuliia Eremenko

Influential components of the branding strategy are also symbolic resources of positioning Bamberg as a religious center. — *Christian town. The Church was always important for this area.* [Teacher 4] — it is especially interesting for tourists.

The religious factor singled out here into a separate group in the structure of the urban identity is closely connected with the architectural heritage of the city. Today, the influence of the Catholic Church on Bamberg can be easily seen from a large number of surviving churches in the city center. The church and religious

Fig. 3. Bamberg Cathedral. *Photo:* Iuliia Eremenko

faith, as experts say: *still has a big influence on town inhabitants.* [Teacher 1], and the Catholic faith still remains dominant.

The cultural factor is related to the spatial location of the city. Experts say that despite the territorial affiliation of the city to the federal state of Bavaria, it is possible to identify local cultural and territorial characteristics. There is a clear territorial division in which the residents of Bamberg and the surrounding lands particularly distinguish themselves: it is a different culture, the form of upper countries, who come to Bavaria, they say:

Uh, Munich, Oktoberfest and all these things, Leather trousers of Lederhosen and they think – uh – it's Upper Bavaria but it's not our culture. So different culture. [Teacher 3].

The presence of their own well-known cultural institutions also enhances the emotional sense of pride and urban identity as a whole:

We have a lot of culture – we have a theater, we have a world symphonic orchestra – Bamberg philharmonic. I think it's the second best in whole Germany after Berlin philharmonic. [Administration 1].

Nowadays, the cultural business card of Bamberg are breweries and concerns the external positioning and branding strategy of the city.

The territorial factor is connected with the peculiarities of the localization of the city. Here experts note the varying administrative-territorial position:

Bamberg is Bavarian because we belong to the state. We are the Franconia because we are a special region. We have to say I think it's a little bit different between Franconia and Upper Bavarian, for example. [Teacher 1].

Experts also note that for urban identity, an essential determining element is the natural-geographical conditions (a city on hills), the size of the city and the characteristics of urban development:

... urban identity. I like it very much here because it's not a flat city. [Teacher 2].

The economic factor distinguishes Bamberg as a local community with a developed economic specialization — the production and sale of farm products, fruit and vegetables. This specialization in no small measure determined the “locality” of the community:

Bamberg was for the gardener, so Gotner and Hecker, they had lots of fruits and vegetables, they are sold, they are famous for selling or for the hunt and craft [Teacher 3].

The aesthetic factor is closely related to historical factor and the brand of the city, based on urban administration policies and the emotional attractions of the inhabitants of Bamberg, referring to the historical memory, the aesthetics of urban buildings, the environment, the kinds of city as a whole:

they like the city and the way it looks [Teacher 2].

At the same time, in building a urban identity and corresponding policies, experts note the need to focus not only on the historical heritage, but also on contemporary forms of human expression and leisure, especially for young people:

I think that people in Bamberg should not be too focused on the history on what was given to them thousand years ago. This is beautiful but it should not be highest and the only priory to think about your old heritage. It should also have more room, not only more room but also give more possibilities for young people to have their own in a way modern lifestyle in an ancient city [Administration 1].

A significant role in the formation of urban identity is played by a sport factor based on the respective achievements of Bamberg's city teams in certain sports, such as basketball. Emotional perception and pride in the city team, acting at the national and international level, form a strong sense of urban and urban identity:

...it's also a great question for identity of the basketball. We are 8 times German cup winner. In the last years – 8 time. We are the on top-list team in the whole Germany who plays in Euro league against Moscow, Athens. And we are very proud of it here [Administration 1].

Research Findings

A comparative analysis of the urban identity, as well as of practices that form and maintain urban identity, allows for identifying common and different elements related to the structure of urban identity. Common elements refer to identities that are built on: (1) the administrative and geographical characteristics of cities, (2) the “profile” socio-economic development areas, (3) the historical memory and architectural forms that support members of the local community with certain ideas about the past that are the source of solidarity, and (4) conducting special policies aimed at including “the other” in the structure of the urban community.

The analysis of empirical data makes it possible to draw the following research results:

1. Urban identity is not shaped exclusively in a bottom-up fashion, in and through everyday interaction, but is also shaped through the strategic efforts of various actors who see such identity as a resource which can be converted into economic and political capital, and a tool of urban policy (for instance, as leverage to retain highly qualified specialists who graduate from the local universities). Moreover, in Bamberg urban identity is considered as a means for attracting tourists.
2. The core efforts aimed at urban identity-making are made by such actors as city administration, educational institutions, and local activists. In Bamberg, UNESCO is an important stakeholder of identity formation and reproduction: as this organization realizes many projects in the city that is included in the World Heritage List. Interestingly, educational institutions actively contribute to identity-making, specialists involved in this process are still different across cities. In Bamberg, which attracts pupils from the whole region of Franconia, the strategic efforts of identity-making are predominantly targeted at school children, and, correspondingly, the major actors are school teachers/the school institutions of schools. Meanwhile, Bamberg does not see the adaptation of migrants as an expressed and politically recognized priority. On the one hand, migrants are less numerous, while on the other, refugees only stay in the city for one month before being sent to other German cities. Thus, that they are introduced not so much into the history and culture of the city, but rather the language and culture of Germany in general.
3. Experts describe urban identities as very strong, which is explained by several factors such as historical, religious, cultural, economic, and territorial,

as well as the existence of stable city brands. For example, in Bamberg actors predominantly refer to the history of the city before it was conquered by Bavaria in the 19th century. As to religion, Bamberg bases its identity of its role of an influential Catholic center and a destination for pilgrims.

Conclusion

Based on a constructivist approach, in which identity is considered not as an inborn sense of belonging determined by a set of primordial attributes but rather as an outcome of how people and groups (re)interpret the boundaries between themselves and others, the author argues that urban identity might be a product of strategic efforts taken by various actors in search of certain economic or political resources. Empirically, the study is based on interviews with school teachers and supervisors involved in the adaptation of students, representatives of city administration, urban activists, and coordinators of UNESCO projects. The collected narratives are subjected to sequential analysis.

Analysis shows that urban identity does not form exclusively bottom-up, in and through everyday interaction, but is also shaped through strategic efforts of various actors who see this form of identity as a resource that can be converted into economic and political capital, and as a tool of urban policy. Experts describe urban identities as very strong, which is explained by historical, religious, cultural, economic, and territorial factors, as well as by the existence of stable city brands. Here, all experts emphasize such constraints in the events and programs aimed at identity (re)production as the absence of sustainable strategy, lack of supervisors and deficient funding. Another challenge revealed in the course of the research is insufficient coordination of efforts taken by different actors. In particular, the city administration is not informed about the educational and enlightenment programs initiated by universities, and adaptation centers are not aware of administrative programs.

References

- Agier M. (2001) Distúrbios identitários em tempos de globalização. *Mana*, no 7, pp. 7–33.
- Alexiadou N. (2001) Researching policy implementation: interview data analysis in institutional contexts. *International Journal of Social Research Methodology*, no 4, pp. 51–69.
- Anderson B. (2006) *Imagined communities: Reflections on the origin and spread of nationalism*. Verso Books.
- Astafiev S., Semenenko I. S. (2013) Conflict of identities and problems of formation of civil Nations. *Journal of ASPI* 29, pp. 44–47.
- Batterton J., Horner S. L. (2016) Contextual identities: Ethnic and national identities of international and American students. *Journal of Studies in International Education*, no 20, pp. 472–487.
- Bourdieu P., Wacquant L. (1992) *An invitation to reflexive sociology*. University of Chicago press.
- Bourdieu P. (1989) Social space and symbolic power. *Sociological theory*, no 7, pp. 14–25.
- Gao H., Zhang Y., and Mittal V. (2017) How does local–global identity affect price sensitivity? *Journal of Marketing*, no 81, pp. 62–79.

- Gellner E. (1964) *Thought and Change*. London: Weidenfeld and Nicholson.
- Gellner E. (1983) *Nations and Nationalism*. Ithaca: Cornell University Press.
- Goffman E. (1959) *The Presentation of Self in the Everyday Life*. Garden City, New York.
- Gudkov L. (2000) Negativnaya identifikatsiya. *Monitoring obshchestvennogo mneniya*, no 5.
- Oakes P. J., Haslam S. A., and Turner J. C. (1994) *Stereotyping and social reality*. Blackwell Publishing.
- Phinney J. S., Ong A. D. (2007) Conceptualization and measurement of ethnic identity: Current status and future directions. *Journal of Counseling Psychology*, no 54, pp. 271–281.
- Preser R. (2017) Lost and found in Berlin: identity, ontology and the emergence of Queer Zion. *Gender, Place Culture*, no 24, pp. 413–425.
- Turner J. C., et al. (1987) *Rediscovering the social group: A self-categorization theory*. Basil Blackwell.

Received at: 01.03.2019

Городская идентичность в Германии: опыт Бамберга

DOI: 10.19181/inter.2019.18.2

Юлия Еременко

Еременко Юлия — младший научный сотрудник Социологического института РАН (ФНИСЦРАН); аспирантка Санкт-Петербургского государственного университета и Университета Бамберга (Германия). E-mail: eremenko.iuliia@gmail.com

Городская идентичность является одной из важнейших характеристик городского сообщества. Понимание особенностей ее формирования необходимо для определения стратегии развития городов. В данной статье рассматривается вопрос о том, что происходит с локальной городской идентичностью в таком позднекапиталистическом обществе, как Германия: ослабевает ли эта идентичность или остается значимой для людей, а также может использоваться в качестве ресурса формирования новых оснований солидарности и межкультурного диалога. На примере города Бамберг автором определены основные акторы формирования городской идентичности, а также факторы, оказавшие существенное влияние на этот процесс. Эмпирическое исследование основано на серии полуструктурированных интервью с экспертами в области городской истории и городского (ре)девелопмента: представителями городской администрации, городскими активистами и координаторами проектов ЮНЕСКО, школьными учителями и специалистами, способствующими адаптации иногородних студентов. Данная работа может внести свой вклад в исследование феномена сохранения местной идентичности в малых городах.

Ключевые слова: территориальная идентичность, городская идентичность, локальные сообщества, ЮНЕСКО, кейс-стади

Дата поступления: 01.03.2019

Конструирование локальной памяти о городском пространстве: анализ мнемонических интернет-сообщений о районе Шаболовки

DOI: 10.19181/inter.2019.18.3

Дарья Рудь*

Статья посвящена нарративам-воспоминаниям, опубликованным в социальных сетях о московском районе Шаболовка (окрестности метро Шаболовская/Тульская) в 2018 г. Анализ проведен с помощью таких концептов, как масштаб и способ передачи памяти. Понятие масштаба, используемое обычно в топографическом смысле, модифицируется и применяется к темпоральной глубине. Способы передачи позволяют структурировать и подвергать дальнейшему анализу воспоминания, обладающие различными критериями валидности памяти и различными функциями: поддержание идентичности, изображение, передача знаний. В статье определены обособленные категории нарративов, не пересекающиеся с другими темами, — об авангарде (как «абсолютном начале») и о «Большом терроре». Выявлены нарративы-триггеры «меня-памяти» для обозначения позиций единой идентичности — например, носителей детских воспоминаний о советском городе, в ответ на безличный пост-ретрофотографию. Проведен анализ особенностей описания различных объектов района. Работа может быть отнесена к таким областям, как постсоциалистические исследования, исследования локальной памяти, анализ нарративов-воспоминаний в социальных сетях.

Ключевые слова: воспоминание-нарратив, масштаб памяти, темпоральный масштаб, средства передачи памяти, СССР, постсоветское, город

* Рудь Дарья, аспирантка департамента социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», e-mail: ruddaria17@gmail.com

Введение

А. Ассман обращает внимание на характерный феномен последних десятилетий: недоверие к идее будущего и поворот к прошлому как жизненному ориентиру. По мнению Ассман, данный феномен — следствие периода чрезмерного насилия XX века в ходе войн, а также проблем, с которыми столкнулось общество: например, экологического кризиса. При этом поворот к прошлому трактуется в рамках идей устойчивого развития (*sustainability*), работа с памятью — как экологический подход¹. Работа с прошлым и воспоминаниями выделяется в индустрию: спросом пользуются продукты памяти — музеи, мемориальные доски, художественные инсталляции, экскурсии и т. п.; люди занимаются просвещением и поисками для обозначения или восстановления объектов ценной для них памяти, действуют местные краеведческие общества и другие программы и проекты — агенты памяти (Юдин и др., 2017).

Активно обсуждается проблема конструирования памяти — национальной (например, Corner, 1991; Samuel, 1994; Hewison, 1987) и посткоммунистической (Stanciugelu, Țăranu, Rusu, 2013; Negussie, 2007; Czepczyński, 2008; Poria, Ivanov, Webster, 2014; Todorova, Gille, 2012). Вслед за распространением практики путешествий с целью потребления атмосферы коммунизма развивается направление исследований туризма на постсоветских пространствах (Caraba, 2011; Ivanov, 2009; Light, 2000; Otto, 2008). Отчасти сходную проблематику рассматривают работы, посвященные «трудному наследию» (*difficult/problematic heritage*) и «темному туризму» (*dark tourism*) — практикам объективации мест, связанных с преступлениями против человечества, трагедиями, смертью и страданиями, событиями, вызывающими разногласия на политико-идеологической почве (см., например, Burstrom, Gelderblom, 2011; Cohen, 2011; Labanyi, 2007; Logan, Reeves, 2008; Macdonald, 2009).

Теоретический подход к анализу памяти в нарративах о районе

Объект данного исследования — нарративы-воспоминания о районе станций метро «Шаболовская» (улицы Шаболовка) и «Тульская». Выбор территории обусловлен её растущей популярностью в качестве примера раннесоветского архитектурно-социального анклава: уже существовавший до революции рабочий район в 1920–30-х гг. был значительно дополнен рядом знаковых объектов — башней Шухова, крематорием, общежитиями текстильного института и рядом жилых комплексов для рабочих. Очевидно, столь значительное изменение среды могло оставить след

¹ Материалы конференции «Communicative and Cultural Memory» на сайте университета Сан-Паулу: <http://www.iea.usp.br/en/news/cultural-memory-the-link-between-past-present-and-future> (дата обращения: 01.03.2017).

в «символическом пространстве»; с другой стороны, существует и «конкуренция» авангарду со стороны дореволюционного исторического наследия — например, в виде Донского монастыря (конец XVI в.) или особняка графа Орлова. Анализ памяти о районе Шаболовки актуален в рамках дискуссии о конструировании постсоветской идентичности и в контексте выбора историй, формирующих наследие территории.

Данная работа исходит из понимания памяти как деятельности по передаче «историй» (Olick, 2007), фокусируется на нарративах и их политическом толковании. Целью исследования памяти, согласно Дж. Олику, «должно быть понимание (...) меняющихся отношений между прошлым и настоящим, в которых сплетаются, хоть и не всегда гармонично, образы, контексты, традиции и интересы. Не стоит измерять коллективную память как зависимую или независимую переменную, определяемое или определяющее явление» (Олик, 2012: 46). Анализ памяти предполагает изучение нарративов при помощи аппарата текстологического анализа, основанного на теории литературы и философии (ощутившего влияние лингвистического поворота), и средств их передачи («носителей» — media). Такое понимание позволяет уйти от определения коллективной памяти как единой сущности и от противопоставления индивидуальной и коллективной памяти, представляет память как *процесс* вспоминания, а не «место хранения» (Olick, 2007: 10). Предметом анализа Олика выступает память о проблемном наследии Германии нацистского периода, обсуждаемом через набор нарративов, а не физических мест. На выбор повлияла развернувшаяся в 1980-е гг. дискуссия о должном содержании памяти «здоровой нации». Олик обратил внимание на значение историй (stories), практик их распространения и роль в политической легитимации и формировании идентичности (там же: 13–14). Отказываясь от постулата о наличии «абсолютной исторической правды», Олик, вслед за другим исследователем немецкой памяти П. Райхелем, предлагает различать нарративы по средствам передачи («носителям») и критериям валидности передаваемого сообщения, выделяя: эмоциональный критерий для таких средств передачи, как политический фестиваль или юбилей, критерий аутентичности для таких носителей, как фотография или историческое место, и когнитивный критерий правды в историографии, аналитике.

Вопросы памяти жителей территорий, облик и функционал которых в значительной степени определен СССР, обсуждались на примере молодых уральских городов в работе (Веселкова, Прямикова, Вандышев, 2016). Многослойность и активное развитие в период, ассоциированный с советским проектом, роднит Шаболовку с молодыми городами Урала. Фокус исследования — «актуальный дискурс молодых городов, который контекстуализируется с помощью советского официального дискурса» (там же: 35). Выделяются места памяти — «совокупность пересекающихся и воспроизводящихся смыслов, образующих символический фон присвоения/отторжения территории собственного проживания, обеспечивающих включенность жителей малого города в более широкий социальный и исторический

контекст». Если работа Олика о политике сожаления в Германии анализирует истории, локальная привязка которых, в основном, не играет ведущей роли, то исследования Веселковой, Вандышева, Прямиковой укоренены территориально — как самим фокусом на малых городах, так и методом сбора нарратива в ходе прогулки по городу (go-along интервью). Для сопоставления мест памяти городов использовано различие, позволяющее дифференцировать высказывания, размещая их на шкалах масштаба² — географического, темпорального. Для анализа нарративов о Шаболовке актуальна фиксация темпорального масштаба памяти: присвоение «временных координат» (Веселкова, Вандышев, Прямикова, 2017: 36), поскольку район связан с историями, относящимися к различным временным и политическим пластам, в определенных случаях пересекающимся либо, напротив, имеющим тенденцию к обособлению. Для исследования уральских городов значимым результатом оказалось сочетание темпоральной глубины с географическим масштабом дискурса: отсылки к столетиям и тысячелетиям, в случае региона, и «более скромная» глубина в 2–3 поколения, в случае как страны и мира, так и города. В случае с Шаболовкой, ссылки на различную «глубину истории» проанализированы с точки зрения одновременного присутствия: такой подход позволяет установить степень консистентности воспоминаний.

В исследовании нарративов-воспоминаний о Шаболовке применяется сочетание методологий упомянутых работ: различие средств передачи (media) памяти и темпоральных масштабов нарративов. Предмет анализа — поиск вариантов сочетания либо, напротив, обособления масштабов и средств передачи памяти о районе в нарративах.

Данные

Массив нарративов-воспоминаний о районе формируется из сообщений — постов (в том числе репостов и дополненных репостов) и комментариев — в социальных сетях³. Исследования указывают на актуальность социальных сетей как укрепляющей свои позиции альтернативе традиционным медиа, содействующей «новому историческому сознанию» (Birkner, Donk, 2018).

В то время как набор мест памяти молодых уральских городов становится во многом обусловленным физической средой, за счет использования метода go-along интервью, для Шаболовки проведен целенаправленный сбор текстов по адресам и локальным топонимам. Данные собраны за 2018 г., в качестве основных источников выступили: Facebook,

² Несколько модифицируется само понятие места памяти: тогда как у П. Нора оно выделяется вследствие неотъемлемой связи со значительным масштабом — масштабом Франции, в работе Веселковой и др. национальный масштаб становится одной из характеристик, а не определяющей сущностью места памяти.

³ Для формирования базы использовалась система Youscan.

ВКонтакте, Instagram, также в отборе сообщений участвовали Одноклассники, Livejournal, Telegram, Twitter, Youtube. Из генеральной совокупности, сформированной на основе запроса по топонимам и адресам (21 225 текстов), взято случайным образом 5000 сообщений, с которыми проведена процедура очистки от нерелевантных (не касающихся района или прошлого) текстов. В итоге получено 304 уникальных сообщения; всего в базе — 589 текстов с учетом репостов.

В качестве единицы анализа используется сообщение в социальных медиа с некоторыми известными характеристиками, а именно: адрес площадки размещения (личные страницы или группы, сообщества), ссылка на профиль автора, количество подписчиков площадки размещения и др.

Темпоральные масштабы

Рассмотрим распределение текстов в соответствии с задействованными в них масштабами темпоральной глубины памяти. В отношении Шаболовки целесообразно выделить следующие позиции темпорального масштаба: дореволюционный, советский и постсоветский периоды, а также время постройки зданий архитектуры советского авангарда.

Рисунок 1. Частота упоминаний периодов времени в нарративах о районе Шаболовки

О дореволюционном времени говорится лишь в девяти оригинальных сообщениях. За счет того, что упоминания о древней истории включены в анонс экскурсии (постройка Донского монастыря в XVI веке) и в справочный пост о семье Н. И. Пирогова (мать которого жила на Шаболовке), количество репостов такой информации велико — 38 сообщений. В то же время, в половине случаев в оригинальных текстах дореволюционное время обсуждается субъектами, имеющими либо собственную, либо семейную память о районе, поэтому нельзя сказать, что этот масштаб актуален только для потребителей справочной информации и описания культурных мероприятий:

«Сколько лет уже встречают меня, когда на метро возвращаюсь домой, Шуховская башня и здание бывшего Варваринского сиротского приюта. #шаболовка #москвасегодня #архитектура #дорогадомой»⁴ (https://www.facebook.com/100000547126978/posts/2174917665869783?comment_id=2179401598754723).

«Справа здания военных казарм, которые были и при царе-батюшке. Мне одна знакомая бабушка (1888 г. р.) рассказывала, что ходили к солдатам жениться, в хорошем смысле слова» (https://vk.com/wall-165518682_875?reply=1788)⁵.

Упоминание архитектуры авангарда/конструктивизма часто выступает в качестве определяющей характеристики временного периода, освобождая автора от необходимости указывать годы постройки, подразумевая осведомленность читателя. В массиве без учета перепостов сообщений об авангарде — почти столько же, сколько обо всех других темах, относящихся к СССР (39% и 43% соответственно). Сообщения о времени постройки авангардистской архитектуры — единственная темпоральная тема, доля которой в уникальных сообщениях выше, чем в перепостах. Эффект, однако, нивелируется при исключении Instagram из анализа: архитектура авангарда часто становится объектом фотографических постов — 45% всех материалов с указанием на авангард/конструктивизм размещено в Instagram (репост в котором требует больших усилий по сравнению с другими платформами). Тексты, касающиеся других периодов, представлены в Instagram лишь в 2% случаев.

Более половины всех сообщений, с учетом перепостов, описывают советский период. Из 114 сообщений, содержащих личные или семейные воспоминания, 63 относятся к советскому периоду. Зачастую это комментарии в ответ на пост-фотографию или пост воспоминаний. Такие сообщения свидетельствуют о готовности агентов памяти разделять свои воспоминания в публичном пространстве, в ответ на триггер:

«Родные места. Донские бани посещали каждую неделю. В наших домах на Загородном шоссе не было горячей воды. На втором этаже Донских бань была прачечная самообслуживания. Заодно стирали и гладили там и постельное белье» (https://vk.com/wall-126481169_8294).

Рассмотрим, какими сочетаниями масштабов глубины памяти оперируют отобранные тексты.

Тексты об авангарде (п. 1 таблицы 1), обычно, ограничиваются временем создания построек и редко включают упоминания других периодов (примерно в 4% случаев среди уникальных сообщений и в 10% — в массиве с перепостами). Значительная доля совместных упоминаний советского

⁴ В статье использованы тексты сообщений с сохранением орфографии, пунктуации и использованных хэштегов и эмодзи.

⁵ Автор цитаты — ученик школы № 545 до 1968 г.

**Совместное упоминание периодов времени в нарративах
о районе Шаболовки (уникальные тексты, n=304)**

	Дореволюционное время	Авангард/ конструктивизм	Советское время	Постсоветское время	В среднем со всеми другими периодами
1. Авангард/конструктивизм (указаны данные термины)	1%	-	7%	4%	4%
2. Советское время без ссылки на архитектуру авангарда (указаны годы и другие маркеры: пролетариат, коммуна, детство, названия и т. п.)	5%	6%	-	10%	7%
3. Постсоветское время (указаны годы и другие маркеры: названия организаций, события и т. п.)	5%	11%	30%	-	15%

и постсоветского периодов связана с тенденцией к сравнению среды в советское и постсоветское время. Как будет показано ниже, такая дискурсивная конструкция подчеркивает дистанцию между прошлым и настоящим. В отличие от концепции борьбы примерно равносильных «старого» и «нового», дискурс дистанции не предполагает процессуальности процесса изменения, а «фиксирует абсолютное состояние» (Веселкова, Прямикова, Вандышев, 2016: 148).

Память о советском времени (п. 2 таблицы 1) также, обычно, исключает другие периоды, однако сообщения о СССР более разнообразны по темам и жанрам — могут включать как информационные справки и анонсы экскурсий, так и личные воспоминания, рассказы о жизни замечательных людей, городские легенды и др.

Постсоветскую среду (п. 3 таблицы 1) подчас описывают как изменения инфраструктуры и её использования в сравнении с советским временем:

«Вот хлебом клянусь: я не припоминаю ни одной сотрудницы ни в самом даже юном секретарском возрасте, кто б ходил в универмаг просто так! Как так случилось, что теперь ходят на этот чертов шопинг???» (<https://red-nadia.livejournal.com/713901.html>).

«А вы видели Донской олимп, который соорудили на месте МЗОЦМ на другой стороне Серпуховского вала?» (https://www.facebook.com/254323464747543/posts/1010553915791157?comment_id=1011034449076437).

В анализе Веселковой и др. такая оппозиция времен обозначена как дискурсивное дистанцирование (Веселкова, Прямикова, Вандышев, 2016: 154). В отличие от борьбы и «агрессивной враждебности» старого и нового, дистанция «фиксирует абсолютное состояние и безразлична к процессу (изменений)» (там же: 148). Дистанцированное от старого новое «случилось», его «соорудили» на месте привычного.

Единственный текст, сочетающий ссылки на все три периода памяти (до-революционный, советский и постсоветский), представляет собой комментарий о новом использовании земли и недвижимости, оставленный в ответ на пост-триггер о закрытии заводов России:

«На месте ж/д ветки к Кр. пролетарию ылиттку построили (напротив Донского монастыря). В цехах (завод с XIX века) снимают кино, сдают под павильоны» (https://www.facebook.com/100002437222631/posts/1661434707281087?comment_id=1662927867131771).

Объекты района

Рассмотрим, какие объекты района упоминаются в сообщениях чаще всего. Дом-коммуна архитектора И. Николаева на ул. Орджоникидзе является лидером среди упоминаемых объектов района — тексты о нем встречаются в 38–40% случаев, чаще сообщений о других местах в 2, 4 и более раз. Это может быть связано и с принадлежностью здания к памятникам архитектуры, о чем упоминается в основной массе сообщений, и с наличием личных воспоминаний о студенчестве — число постояльцев общежития естественным образом значительно превышает число жильцов какого-либо дома (ср., например, с сообщениями о доме-коммуне архитектора Вольфензона на ул. Лестева, доля которых составляет 2–4%).

Пятая часть текстов относится либо к нескольким объектам, либо к району в целом. В 12–14% сообщений упоминается Хавско-Шаболовский жилмассив — чаще всего, в силу расположенных в нем галереи «На Шаболовке» и Центра авангарда (места проведения временных выставок и постоянного расположения музея района). Такие объекты конструктивистской архитектуры, как Даниловский универмаг, школа № 600 и Донские бани (снесены в 2013 г.) упоминаются примерно с одинаковой частотой 6–11%.

Способы передачи и критерии валидности памяти

Процессо-реляционный подход занимается способами, или средствами, передачи, опосредующими сообщение о прошлом, а также представляет саму память как посредничество (Olick, 2007: 98). В отличие от машинного

Рисунок 2. Объекты внимания в тексте в нарративах о районе Шаболовки

«сохранения и восстановления», процесс воспоминания представляет собой «длящийся процесс передачи», где средства определяют получаемое сообщение (Олик, 2012: 53), свидетельствуют о характере коммуницируемой связи между прошлым и будущим.

Вслед за П. Райхелем (Reichel, 1999), Олик классифицирует функции немецкой памяти. Предлагаются следующие критерии её валидности. Во-первых, эмоциональность (аффективный критерий), функция которой — поддержка идентичности и интеграции в сообщество разделяющих определенную память. Во-вторых, аутентичность (эстетически-экспрессивный критерий) — для реализации функции репрезентации воспоминаний, авторского изображения «истории». Третий тип критерия валидности памяти — правдивость (когнитивный), для реализации потребности в передаче знания и объяснении (Олик, 2012; Olick, 2007: 100). В таблице 2 столбцы «Критерий» и «Функция» непосредственно заимствованы из работы Райхеля, а содержание столбца «Способ передачи» представляет собой адаптацию для данной работы. Рассмотрим, какие сообщения о районе соответствуют каждому из критериев.

Эмоциональный критерий (п. 1 таблицы 2) выражен в сообщениях ностальгического жанра, передающих ощущения автора по поводу прошлого — общей «эпохи». Некоторые сообщения данной категории кажется более уместным обозначить как жанр «плача», жалобы на изменение. Отдельным доказательством правомерности выделения такого жанра можно считать инструментальное отношение к нему самого автора:

Таблица 2

Мнемонические средства передачи (mnemonic media)

Критерий	Функция	Способ передачи	Пример
1. Эмоциональность (аффективный)	Идентичность и интеграция	Общение носителей воспоминаний и разделяющих взгляды на ценные объекты — комментарии к старым фотографиям, призыв к сохранению среды, списки важных памятников (у Райхеля: политические фестивали, юбилеи)	<i>...предлагает вам подписать петицию — еще необходимо 156 подписей сегодня!</i> (https://www.facebook.com/100003910751659/posts/1113440732129608) <i>Донские бани. Завершение ещё одной эпохи!</i> (https://vk.com/wall8098135_96)
2. Аутентичность (эстетически-экспрессивный)	Репрезентация, воображение	Эстетизация, творческое осмысление, по возможности точное личное воспоминание (у Райхеля: места памяти: руины, исторические места, музеи, фотографии, письма, фильмы)	<i>Я тогда жил в известном и уродливом доме-корабле на Тульской, работал между Тульской и Серпуховской</i> (https://telegram.me/argolu/2095)
3. Правдивость (инструментально-когнитивный)	Знание: объяснение и смысл	Информационная справка, сводка, анализ (у Райхеля: историография, документация, устная история, анализ)	<i>... хочу рассказать об ещё одном удивительном памятнике архитектуры, а по мне так — целой эпохи — доме-коммуне проекта архитектора Николаева. Это — апогей идеи общественного быта: всё общее, ничего индивидуальных процессов</i> (https://vk.com/wall1259546_11588)

*«*гневный комментарий про Донские бани*. А вообще так-то родной район»* (https://vk.com/wall-94947417_35294?reply=35295 — комментарий в ответ на серию фотографий района, включающую также фоновое изображение жилого комплекса Barkli Residence, построенного на месте Донских бань).

Другой вариант реализации функции идентичности и интеграции — эмоциональный призыв к участию в противостоянии, сохранению места в неизменном виде:

«Подпишите петицию. Власти Москвы. Управа Даниловского района: Остановите проект сноса школы № 600» (<https://twitter.com/brusnika1710/status/1012800022134566915>).

В отличие от постов, транслирующих позицию по сохранению памятника, ностальгические тексты описывают среду прошлого; и именно среда в данном случае основная ценность и объект памяти. Оппозиция «раньше — теперь» «соткана из личного опыта, плотно сплетенного с повседневностью города» (Веселкова, Прямикова, Вандышев, 2016: 231). Эмоциональность сообщения способна интегрировать читателя с опытом свидетелей прошлого:

«Фильм ужасов. Исчез стадиончик на Мытной вместо него поляна каких-то жутких темных домов. ... Шаболовку как в фантастическом фильме стали переделывать до невероятности. ... Если бы восстали наши бабушки и дедушки, то не узнали бы этот район: все переформатировали» (<https://www.facebook.com/100002434522142/posts/1859969937427472>).

Иногда среда явно маркируется как часть политического режима, обсуждается изменение среды с идеологически советской на постсоветскую:

«А ведь, казалось бы, совсем недавно товарищ Ю. В. Андропов встречался с московскими станкостроителями и говорил им, стоя под навесом транспортного цеха (нынешний “Ашан” на ул. Орджоникидзе, 11) ... на этой встрече, на цитатах из речи товарища Ю. В. Андропова заканчивается роман Сорокина “Тридцатая любовь Марины”» (https://www.facebook.com/100002437222631/posts/1661434707281087?comment_id=1662927867131771).

Ностальгический жанр поддерживает принцип дискурсивного дистанцирования советского прошлого и постсоветского настоящего, борьбы которых как будто и не было, а дистанция установилась естественно и незаметно — дорогого прошлого «давно нет», его атрибуты «исчезли» из физической среды.

Ведущей темой сообщений, имеющих эмоциональный критерий валидности, нередко становится детство. Для памяти о районе такая тенденция естественна — жизнь ребенка нередко ограничена территориально и проходит преимущественно в местных детском саду, школе, дворе. Общение происходит на площадках сообществ, предназначенных для создания коллажей близких идентичностей, чья схожесть основана на принадлежности к определенной темпоральности и территории. Как правило, это тематическая группа — например: «Донской: Любимый район Москвы», «Москва — воспоминания детства» и т. п.

«Москва. Шаболовка. школа 600. Начало 90х. Мы выходили во двор к старым березам, кто с чем. Откуда ножики брали для надреза коры уже не помню. Сок бежал медленно, но мы терпеливо ждали, набрав стаканчик мы запечатывали надрез глиной. Березовый сок продавался и в магазинах, не такой как сейчас. Он никогда не был газированным или с какими то добавлениями других соков. Этот сок был символом весны. Символом детства» (https://vk.com/wall3509731_35263).

Довольно часто личные воспоминания не локализируются на каком-то объекте, а касаются района в целом и расширяются до «примет времени» — вилок для пробы хлеба в булочной, бабушкиного пухового платка:

«Barkli Residence. прикосновение к прошлому и настоящему. настольгия. Когда-то, примерно 23 года назад, вместо ЖК стояли “донские бани”. Туда-то нас с Аней таскали бабушки париться. Выходим из дома, вдоль по трамвайным линиям с заходом в булочную “незабудка” чтобы “протыкать” вилкой. И в парную с берёзовыми вениками. Как сейчас помню, выбивали из нас с Аней (как нам говорили) всю хворь. А потом укутившись в бабушкин пуховой платок с тазом подмышкой мелкими перебежками домой (Шухова, 21) и чай с медом и бабушкиными пампушками. Люблю шаболовку, все детство тут прошло и чуть-чуть юности» (https://vk.com/wall176496219_346)

Посты, имеющие **эстетически-экспрессивный критерий валидности** (п. 2 таблицы 2), репрезентируют опыт взаимодействия автора с памятью о районе. Райхель в качестве носителей памяти с таким критерием валидности рассматривает сами места (достопримечательность, руины, музеи), а также письма, фильмы. Учитывая, что сообщение в социальной сети уже является репрезентацией, я предлагаю модифицировать носители памяти, валидной по данному критерию, и причислять к ним, во-первых, аутентичные, как можно более детальные личные воспоминания и, во-вторых, творческое осмысление объектов или опыта памяти: например, стилизованные фотографии архитектурных элементов.

Цель текста, описывающего индивидуальное воспоминание, — перенести читателя визуально и эмоционально в прошлое автора:

«Жил я в 69/32, от почты сфотографировали. И до сих пор ненавижу трамваи, как встанут на перекрёстке, и давай звенеть, машины сигналият, ночью пути отбойными молотками ремонтируют, у “Алмаза” дети гор ночью с травматами бегают стреляют. Эх веселуха). Сейчас на Люсинвской живу. Сплю спокойно, глаз не дёргается))) Но... всё равно люблю этот перекрёсток» (https://vk.com/wall-126481169_8026?reply=8027).

Сообщения, выказывающие аутентичность памяти, имеют тенденцию появляться в ходе концентрированного общения причастных к району, т. е.

отчасти носят и функцию поддержания идентичности и интеграции вспоминающих. Например, наблюдаются многочисленные комментарии к старым фотографиям — детского сада с видом на Шуховскую башню, белья во дворах, Даниловского универмага, церкви и т. п.

«И я помню... С 1968 по 1979 ходила туда с мамой. Это было целое приключение, которое происходило пару раз в неделю. По дороге было несколько пеньков, я садилась, и мы с мамой воспроизводили сцену из сказки "Маша и медведь"... Ходили с Хавской улицы» (https://vk.com/wall-165518682_2223).

«я жил на Шаболовка, д. 5 ... если смотреть на фото, то правее плаката "Гасите" уходят трамвайный пути и стоял наш трёхэтажный дом из красного кирпича с толщиной стен в метр. Был один кран с холодной водой на кухне, длинный коридор и три комнаты» (https://www.facebook.com/254323464747543/posts/984225581757324?comment_id=984444398402109).

«Я там ряженку в детстве у поросят покупал» (https://vk.com/wall-126481169_4955).

Своеобразной противоположностью лаконичным фотопостам из одной ретро-фотографии (хоть и вызывающим многочисленные комментарии) представляются Instagram-отчеты о посещении района. Такие сообщения состоят из современных, часто стилизованных, снимков объекта (хотя и могут

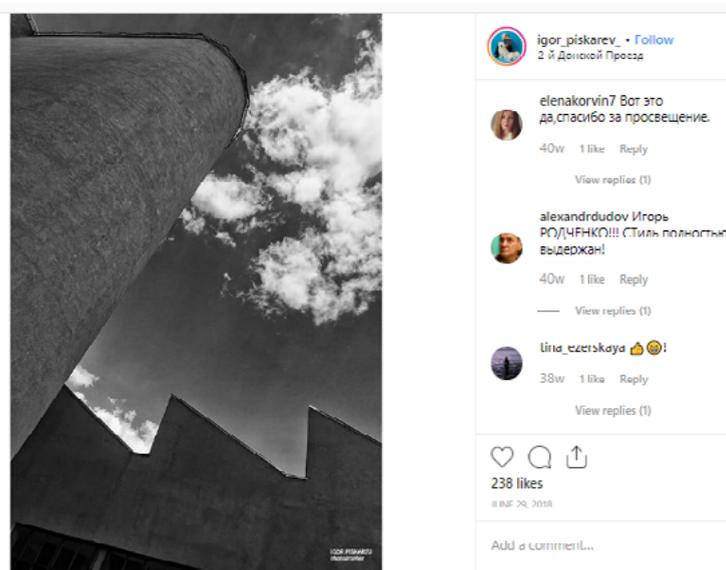

Рисунок 3. Пост о доме-коммуне Николаева в Instagram (<https://www.instagram.com/p/BkrrVieFlk0>)

быть дополнены старыми фото), репрезентирующих аутентичный опыт автора через эстетический критерий и обращающихся к воображению зрителя.

Другой вариант творческого осмысления — вышивка в виде одного из зданий Хавско-Шаболовского жилмассива.

Рисунок 4. Вышивка, изображающая дом Хавско-Шаболовского жилмассива (https://vk.com/wall40985_5962)

Эстетическое использование воспоминаний о районе предлагает и литературный жанр — например, описание места может служить дополнительным выразительным элементом рассказа:

«Луна десятки раз превратилась из окружности в линию и снова в окружность, я переехал с Тульской, мой зал переехал с Тульской, необходимость вышагивать по улице Люсиновская отпала» (<https://telegram.me/argolu/2095>).

Инструментально-когнитивный критерий валидности (п. 3 таблицы 2) проявляется в многочисленных сообщениях, которые можно охарактеризовать как справочные, цель которых — просвещение читателя, предоставление информации о знаменитом объекте, его создателе, событиях в нем:

«...именно архитекторы создают эпоху, за наследием которой не нужно идти в музеи или концертные залы: она ждет нас на улице. Олтаржевский — один из таких людей» (<https://www.facebook.com/100003533360331/posts/1492243130903451>, 15 репостов).

Особенно заметна интенция на передачу знаний в текстах о доме-коммуне Николаева: из 116 оригинальных постов 50 содержат подробную

информационную справку (для Хавско-Шаболовского жилмассива это соотношение — 11 из 42, для Донских бань — 3 из 20, для универмага — 6 из 28, для дома-коммуны на ул. Лестева — 1 из 6, для района Шаболовки в целом — 4 из 50).

Справка может формироваться и из данных о репрессиях — такие сообщения представляют собой списки расстрелянных с указанием адресов, без специального комментария о районе, и часто являются предметом перепоста (11 случаев из 18 о Большом терроре). Другая часть — «живые» тексты о происходящем сегодня в связи с памятью репрессированных:

«На днях в дверь моей квартиры постучали. Не сильно, но настойчиво. Два человека, молодой мужчина-казах и красивая женщина-еврейка зашли и рассказали что в квартире, в которой я живу, когда-то жил интересный-неспокойный-неоднозначный человек...» (<https://www.facebook.com/100000644559839/posts/1895148743849926>).

В сообщениях о репрессиях видим ту же тенденцию, что и с текстами о времени постройки авангарда: монофункциональность, т. е. практически полное отсутствие сочетаний темы Большого террора с другими (например, в описании районных прогулок сочетание присутствует только в одном сообщении).

Отчет о посещении выставки, экскурсии, рассказ о прогулке также предполагают ориентацию, в первую очередь, на правдивость памяти и служат объяснению, передаче знания.

«Посетил гениальнейшую экспозицию прекрасного “Музея авангарда на Шаболовке” (Серпуховской вал, д. 24, к. 2). Среди всяких занятных до невозможности предметов быта протокоммунистического жилья (невообразимых среди трендового ныне евроремонта) есть даже колбочка с дохлыми тараканами!!» (<https://www.facebook.com/100001229143571/posts/1799207110130243>).

В жанре городского фольклора-«страшной истории» правдивое описание места, в числе других деталей (например, даты), может служить формированию чувства достоверности:

«В пятьдесят четвертом году, когда я учился в первом классе тогдашней 545-й московской школы, выходящей окнами на знаменитую башню Шухова ... Случившееся настолько потрясло нас, что мы больше никогда не обсуждали трагическое происшествие...» (https://vk.com/wall-122402094_52437).

Сообщения с городским фольклором, так же как и справки, становятся предметом перепостов. Тенденцию к информационному резонансу можно отметить в отношении мемуаров и очерков о жизни замечательных людей.

В таких текстах ссылки на район являются органичной частью жанра историографии:

«Школа № 545, где я учился, задумывалась как образцово-показательная, в ней был прекрасный актовый зал и столь же прекрасный педагогический коллектив учителей, которые разрешали нам устраивать всевозможные вечера. А неподалеку, в 553-й школе учился Андрей Тарковский. Он приходил к нам на танцы» (https://vk.com/wall-150710292_34578, 3 репоста).

«В общежитии Комуна МИСиС походы за пивом происходили как войсковая операция» (https://vk.com/wall164054967_24091, 32 репоста).

Другой вариант мемуара — занятный анекдот, случай из жизни, где место действия не играет роли в истории, но, тем не менее, достаточно значимо, чтобы быть упомянутым автором:

«Донские бани были рядом, открывались они в 8 утра, а работа началась в 9, так что попариться часик не мешало для повышения производительности труда. Но Борисов немного не рассчитал и парился больше часа. Когда он пришел в институт ближе к 10 и шел по коридору, распаренный и довольный, наш завлабораторией — знаменитый профессор, заслуженный деятель, авторитет среди всех ученых Союза — как раз стоял в коридоре и с кем-то разговаривал. Увидев проходившего мимо Борисова, он спросил:

— Откуда это вы?

— Из баньки-с, — ответил улыбающийся Борисов. — У профессора отвисла челюсть, и он только проводил своего сотрудника взглядом»

(<https://www.facebook.com/100002984643817/posts/1557020744407399>, 12 репостов).

В некоторых случаях, напротив, инфраструктура района выступает в ведущей роли, повествование строится вслед за воспоминанием о месте, как прогулка:

«Вспоминаю 1987, Москва, я часто живу по месяцу в командировке и работаю на заводе “Красный пролетарий” (в простонародии Кыр-Пыр), что у Донского монастыря, на Шаболовке. Там же, на Шаболовке, у комиссии, был пятак форцовщиков и я часто там крутился...» (https://www.facebook.com/1274733553/posts/10212186685363735?comment_id=10212204033557429).

Посты-мемуары можно сравнить с летописью, хроникой, поскольку определенный отрезок времени описывается в них максимально подробно: например, рождение группы БИ-2, похождения обитателей общежития и т. д.

В рамках такого рода текстов, в частности, обнаруживается, что район Шаболовки — место юности Тарковского, в доме-коммуне общежития Николаева располагалась студия звукозаписи, связанная с Сергеем Жариковым, и т. п.

Можно выделить сообщения, описывающие память для человека без собственного опыта пребывания в прошлом района, также ориентированные на когнитивно-инструментальный критерий валидности. В массиве оказалось два текста в жанре рекламы новостроек: о доме «Баркли Резиденс» от компании Barkli⁶ и о проекте «Нескучный Home&SPA» от GORN Development⁷. Если авторы описания «Баркли...» умалчивают об авангардистской архитектуре района и делают акцент на других объектах («Рядом расположены Донской монастырь и Шуховская телебашня...»), то «Нескучный...», напротив, публикует довольно подробный пост⁸ о Хавско-Шаболовском жилмассиве в связи с планами на открытие арт-пространства «Новый авангард». Авангард в этом примере, как и в темпоральном дискурсе, выступает обособленно: не включен в число ценностей района по версии «Баркли» и, напротив, является единственным локальным флагманом арт-пространства для «Нескучного...».

Заключение

Рассмотренные мнемонические сообщения участвуют в различных констелляциях масштабов. Сочетание нескольких темпоральных масштабов наименее характерно для сообщений об авангарде — лишь 4% таких текстов (в массиве без репостов) содержат память о чем-либо, кроме конструктивистской архитектуры. Вероятно, такую диспозицию можно обозначить как темпоральный дискурс «абсолютного начала» на «пустом, или голом месте» (Веселкова, Прямикова, Вандышев, 2016: 157). Дискурс сообщений об авангарде обособлен как от дореволюционной, так и от последующей советской и постсоветской истории, сохраняет своеобразную «стерильность» модерна; иногда ссылка на конструктивизм заменяет указание дат. Информационная справка о таком авангардистском истоке района — одна из наиболее популярных в нарративах. Справка часто дополняет стильные фотографии дома-коммуны Николаева в Instagram — таким образом сообщение сочетает в себе функции и передачи знания, и репрезентации эстетического опыта автора.

Наряду с сообщениями, концентрирующимися исключительно на «абсолютном начале», выраженном в авангарде, значительное число сообщений — например, ностальгические — представляют дискурсивное дистанцирование советского и постсоветского. Дистанция подразумевает принципиальную разобщенность, отсутствие какого бы то ни было процесса — как борьбы, так и преемственности.

⁶ Сдан в 2017 г.

⁷ Дом в стадии постройки. Рассмотрение дела о банкротстве компании запланировано на осень 2019 г.

⁸ https://vk.com/wall-154794279_105

Самозамкнута и тема Большого террора, не сочетаясь в сообщениях с другими сюжетами. Упоминания данной темы служат функции передачи знания в форме «расстрельных списков», практически не участвуя в реализации функций интеграции или воображения.

Нарративы классифицированы по критериям валидности памяти и соответствующим функциям сообщений:

1. Тексты с *эмоциональным* критерием валидности направлены, в основном, на поддержание идентичности либо «свидетелей эпохи», разделяющих приметы советского детства и память о городской среде, либо ценителей памятников архитектуры. Нарративы, служащие идентичности и интеграции, институционально поддерживаются соответствующими площадками в сети Интернет: группами о старой Москве (формат общения — комментарии в ответ на фотопост с ретрофотографией), платформами для создания петиций. Фотопосты, сами по себе безличные, демонстрирующие архитектурные объекты, пробуждают комментарии с аутентичными воспоминаниями, являясь триггерами «меня-памяти» — нарратива, появляющегося в ответ на внешний стимул (Ассман, 2014: 74).
2. Нарративы с *эстетически-экспрессивным* критерием валидности памяти направлены на репрезентацию аутентичной памяти. Функцию «воображение» у Райхеля, в данном случае, вероятно, более уместно перевести как «изображение». К таким сообщениям относятся детальные личные воспоминания, а также творческое осмысление прошлого в литературе и других видах искусства. К данной категории я отнесла и посты об архитектуре авангарда в Instagram. Творческое осмысление архитектуры часто дополняется в них подробной справкой о здании, что говорит о смешении эстетически-экспрессивного и когнитивного критериев валидности памяти, но, в то же время, отсутствии интенции на интеграцию и идентичность. При этом функции, с одной стороны, интеграции, с другой, репрезентации аутентичной памяти пересекаются в сообщениях о воспоминаниях детства: это и изображение (в ветках комментариев можно обнаружить целые мозаичные панно), и эмоциональное стремление к подтверждению коллективной идентичности.
3. «Правдивость» как *инструментально-когнитивный* критерий валидности памяти проявляется в информационных сообщениях, призванных просвещать реципиента. Распространена тенденция к употреблению таких нарративов по отношению к дому-коммуне Николаева, в то время как о других исторических объектах (Хавско-Шаболовский жилмассив, Даниловский универмаг, Донские бани, дом-коммуна на ул. Лестева) справки составляют скорее меньшинство сообщений. Помимо просвещения, правдивость нарратива служит созданию достоверного образа — например, в художественных рассказах, исторических анекдотах, страшных историях. Такие жанры, как и обычная информационная справка, часто становятся предметом перепостов, что повышает вероятность встречи читателя с сообщениями, обладающими именно этим критерием валидности памяти.

Наличие разнообразных нарративов, с одной стороны, говорит о возможности выбора, диверсификации памяти. С другой стороны, обособленность тем авангарда и Большого террора может свидетельствовать о формировании эффекта колеи в предпочтениях различных аудиторий, обособлении авторов и реципиентов нарративов-воспоминаний. Примечательно, например, что в рекламных сообщениях одного из новых жилых комплексов акцент сделан на демонстрации связи с прошлым района через архитектуру авангарда, в то время как в описании другого — напротив, эта тема не упоминается и используется образ Донского монастыря. В обоих случаях не упоминается тема советской жизни района, например, работы на заводах, посещения рабочих клубов и т. п.

Литература

Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014.

Веселкова Н., Вандышев М., Прямикова Е. Молодые города: масштабы мест памяти // Социологическое обозрение. 2017. Т. 16. № 3. С. 36–65.

Веселкова Н. В., Прямикова Е. В., Вандышев М. Н. Места памяти в молодых городах // Урбанистика. 2016.

Олик Д. Фигурации памяти: процессо-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии // Социологическое обозрение. 2012. Т. 11. № 1. С. 40–74.

Рудь Д. Дискурсивные репрезентации жилища рабочих на примере СССР и КНР // Социология власти. 2017. № 4. С. 174–196.

Юдин Г. Б. и др. Аналитический отчет по социологическому исследованию в рамках доклада Вольного исторического общества «Какое прошлое нужно будущему России?», 2017.

Birkner T., Donk A. Collective memory and social media: Fostering a new historical consciousness in the digital age? // Mem. Stud. 2018. С. 1–17.

Burstrom M., Gelderblom B. Dealing with difficult heritage: The case of Buckeberg, site of the Third Reich Harvest Festival // J. Soc. Archaeol. 2011. Т. 11. № 3. С. 266–282.

Caraba C. C. Communist heritage tourism and red tourism: concepts, development and problems // Cinq Cont. 2011. № 1. С. 29–39.

Czepczyński M. Cultural Landscapes of Post-socialist Cities: Representation of Powers and Needs. Burlington: Ashgate Publishing Ltd., 2008.

Cohen E. H. Educational Dark Tourism at an in Populo Site. The Holocaust Museum in Jerusalem // Ann. Tour. Res. 2011. Т. 38. № 1. С. 193–209.

Corner J. Enterprise and Heritage: Crosscurrents of National Culture. Psychology Press, 1991.

Hewison R. The heritage industry: Britain in a climate of decline. Methuen London, 1987.

Ivanov S. Opportunities for developing communist heritage tourism in Bulgaria // Turiz. Znan. — Stručni Časopis. 2009. Т. 57. № 2. С. 177–192.

Negussie E. Managing conservation of the built heritage in post-socialist Budapest: Evidence from the old Jewish quarter // Int. J. Herit. Stud. 2007. Т. 13. № 2. С. 136–153.

Labanyi J. Memory and modernity in democratic Spain: The difficulty of coming to terms with the Spanish Civil War // Poet. Today. 2007. Т. 28. № 1. С. 89–116.

Light D. An unwanted past: Contemporary tourism and the heritage of communism in Romania // Int. J. Herit. Stud. 2000. Т. 6. № 2. С. 145–160.

Logan W., Reeves K. Places of Pain and Shame: Dealing with Difficult Heritage. London: Routledge, 2008.

Macdonald S. *Difficult heritage: negotiating the Nazi past in Nuremberg and beyond*. Milton Park, Abingdon, Oxon; New York: Routledge, 2009.

Olick J. K. *The politics of regret: on collective memory and historical responsibility*. New York: Routledge, 2007.

Otto J. E. *Representing Communism: Discourses of Heritage Tourism and Economic Regeneration in Nowa Huta, Poland*. 2008.

Poria Y., Ivanov S., Webster C. Attitudes and willingness to donate towards heritage restoration: an exploratory study about Bulgarian socialist monuments // *J. Herit. Tour.* 2014. Т. 9. № 1. С. 68–74.

Reichel P. *Politik mit der Erinnerung: Gedächtnisorte im Streit um die Nationalsozialistische Vergangenheit*. Fischer-Taschenbuch-Verlag, 1999.

Samuel R. *Theatres of Memory: Past and present in contemporary culture*. Verso, 1994.

Stanciugelu Ş.(1), Țăranu A.(1), Rusu I.(2). The communist cultural heritage in the social representations of a post-communist generation // *Eur. J. Sci. Theol.* 2013. Т. 9. № 2. С. 1–17.

Todorova M., Gille Z. *Post-communist nostalgia*. Berghahn Books, 2012.

Дата поступления: 30.04.2019

Memory construction of the local space: analysis of mnemonic online messages on Shabolovka district (Moscow)

DOI: 10.19181/inter.2019.18.3

Daria Rud'

Rud Daria – PhD candidate, HSE, Sociology Department, e-mail: ruddaria17@gmail.com

The article is devoted to narrative recollections, published in social media. The author analyzed messages about the district Shabolovskaya / Tuskaya (in Moscow) in 2018. Analysis was performed using concepts of memory scale and mnemonic media. The concept of scale, usually used in a topographical sense, is modified and applied to the temporal depth. Mnemonic media allows tracing memories with different criteria of memory validity and have a variety of functions: identity, imagination, knowledge transfer. Topics of Great Purge and avant-garde are isolated subjects of narratives, not intersecting with other topics. Narrative triggers of “memory”, such as old city photographs, were identified to designate the positions of a unified identity, e.g. owners of childhood memories in a Soviet city. Typical features of narratives referring to different places were analyzed. Work can be attributed to the fields of post-socialist research, approbation of memory research methodology, analysis of narrative recollections in social media, local memory investigation.

Keywords: narrative recollection, memory scale, temporal scale, mnemonic media, USSR, post-Soviet, city

References

Assman A. (2014) *Dlinnaja ten' proshlogo. Memorial'naja kul'tura i istoricheskaja politika*. Novoe literaturnoe obozrenie.

Birkner T., Donk A. (2018) Collective memory and social media: Fostering a new historical consciousness in the digital age? *Memory Studies*, January, pp. 1–17.

- Burstrom M., Gelderblom B. (2011) Dealing with difficult heritage: The case of Buckeberg, site of the Third Reich Harvest Festival. *J. Soc. Archaeol.*, vol. 11, no 3, pp. 266–282.
- Caraba C.C. (2011) Communist heritage tourism and red tourism: concepts, development and problems. *Cinq Continents*, no 1, pp. 29–39.
- Cohen E.H. (2011) Educational Dark Tourism at an “in Populo Site”. The Holocaust Museum in Jerusalem. *Ann. Tour. Rep.*, vol. 38, no 1, pp. 193–209.
- Corner J. (1991) *Enterprise and Heritage: Crosscurrents of National Culture*. Psychology Press.
- Czepczyński M. (2008) *Cultural Landscapes of Post-socialist Cities: Representation of Powers and Needs*. Burlington: Ashgate Publishing, Ltd.
- Hewison R. (1987) *The heritage industry: Britain in a climate of decline*. Methuen London.
- Ivanov P. (2009) Opportunities for developing communist heritage tourism in Bulgaria. *Turiz. Znan. – Stručni Časopis*, vol. 57, no 2, pp. 177–192.
- Labanyi J. (2007) Memory and modernity in democratic Spain: The difficulty of coming to terms with the Spanish Civil War. *Poet. Today*, vol. 28, no 1, pp. 89–116.
- Light D. (2000) An unwanted past: Contemporary tourism and the heritage of communism in Romania. *Int. J. Herit. Stud.* 2000. T. 6. № 2. p. 145–160.
- Logan W., Reeves K. (2008) *Places of Pain and Shame: Dealing with Difficult Heritage*. London: Routledge.
- Macdonald P. (2009) *Difficult heritage: negotiating the Nazi past in Nuremberg and beyond*. Milton Park, Abingdon, Oxon; New York: Routledge.
- Negussie E. (2007) Managing conservation of the built heritage in post-socialist Budapest: Evidence from the old Jewish quarter. *Int. J. Herit. Stud.*, vol. 13, no 2, pp. 136–153.
- Olick J.K. (2007) *The politics of regret: on collective memory and historial responsibility*. New York: Routledge.
- Olik D. (2012) Figuracii pamjati: processo-reljacionnaja metodologija, ilustriruemaja na primere Germanii. *Sociologicheskoe Obozrenie*, vol. 11, no 1, pp. 40–74.
- Otto J.E. (2008) *Representing Communism: Discourses of Heritage Tourism and Economic Regeneration in Nowa Huta, Poland*. University of Minnesota dissertation thesis.
- Poria Y., Ivanov P., Webster C. (2014) Attitudes and willingness to donate towards heritage restoration: an exploratory study about Bulgarian socialist monuments. *J. Herit. Tour.*, vol. 9, no 1, pp. 68–74.
- Reichel P. (1999) *Politik mit der Erinnerung: Gedächtnisorte im Streit um die Nationalsozialistische Vergangenheit*. Fischer-Taschenbuch-Verlag.
- Rud' D. (2017) Diskursivnye reprezentacii zhilishha rabochih na primere SSSR I KNR. *Sociologija Vlasti*, no 4, pp. 174–196.
- Samuel R. (1994) *Theatres of Memory: Past and present in contemporary culture*. Verso.
- Stanciugelu Ș., Țăranu A., Rusu I. (2013) The communist cultural heritage in the social representations of a post-communist generation. *Eur. J. Sci. Theol.*, vol. 9, no 2, pp. 1–17.
- Todorova M., Gille Z. (2012) *Post-communist nostalgia*. Berghahn Books.
- Veselkova N., Vandyshev M., Prjamikova E. (2017) Molodye goroda: masshtaby mest pamjati. *Sociologicheskoe Obozrenie*, vol. 16, no 3, pp. 36–65.
- Veselkova N.V., Prjamikova E.V., Vandyshev M.N. (2016) Mesta pamjati v molodyh gorodah. *Urbanistika*.
- Yudin G.B. et al. (2017) *Analiticheskij otchet po sociologicheskomu issledovaniju v ramkah doklada Vol'nogo istoricheskogo obshhestva “Kakoe proshloe nuzhno budushchemu Rossii?”*

Received at: 30.04.2019

Социальный контракт в эпоху 90-х¹

DOI: 10.19181/inter.2019.18.4

Елена Рождественская*

В статье рассматривается проблематика менявшегося социального контракта в 1990-е гг. Совмещается несколько уровней анализа: реконструкция эпохи 90-х по следам опросов общественного мнения и качественный анализ нарративов об этой эпохе представителей различных социальных групп (рабочих, наемных работников / госслужащих, предпринимателей). Если опросы общественного мнения тематизируют важнейшие события эпохи, которые составили историческую память поколения, участвовавшего в переменах российского общества, то нарративы 90-х содержат описание опыта и рефлексии социальных акторов относительно лимитов и возможностей этой эпохи. Концептуальная рамка исследования описывает понятие социального контракта как баланса ожиданий между исполняющими его индивидами и социальными институтами. Социальный контракт операционализируется в виде набора стратегий действия, которые были реализованы индивидами и составляют предмет их воспоминаний в режиме биографического интервью. В результате исследования осуществлена спецификация для представителей упомянутых социальных групп различных социальных контрактов, которые претерпели девальвацию и видоизменились в течение 1990-х гг.

Ключевые слова: эпоха 90-х, социальный контракт, трудовой контракт, социальные группы, биографические интервью

¹ Данная публикация подготовлена при финансовой поддержке Фонда «Президентский центр Б. Н. Ельцина» в рамках проекта «Социальная история России (1990-е годы)».

* Рождественская Елена — доктор социологических наук, профессор департамента социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; ведущий научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ФНИСЦ РАН), e-mail: erozhdstvenskaya@hse.ru

Введение

Разрывы в истории обостряют интерес к прошлому, к проблеме связи времен, заставляют изобретать новые образы прошлого, которые позволили бы восстановить «распавшуюся связь времен». Современный интерес к прошлому вызвал переосмысление основных проблем, связанных с пониманием истории и памяти. Это коснулось, в основном, следующих направлений. Во-первых, единое восприятие времени сменилось осознанием того, что не существует как единого времени (школа «Анналов»), так и единой культуры восприятия времени (Леви-Стросс): в разных культурах и на разном уровне социальности прошлое (или история) воспринимаются по-разному. Концептуальные представления о прошлом связаны с особенностями культуры отдельных обществ, классов и субкультур. При этом существуют отдельные социальные общности, эмоционально более чувствительные к проблеме времени, где история (прошлое) становится чем-то вроде внутреннего двигателя развития и прогнозирования на будущее (Артог, 2004).

Вторая особенность — отношение «прошлое-настоящее». В интересе к прошлому, считают исследователи, центральным является интерес к *настоящему* как точке, где пересекаются восприятие «опыта» (прошлого) и представления о будущем — «горизонты ожидания». Это своеобразный диктат настоящего времени, которое ставит себе на службу как прошлое, так и будущее (Артог, 2004). Интерес к прошлому возвращается в новом виде: с его помощью пытаются освятить собственную теперешнюю идентичность: через память, наследие, юбилеи, исторические празднества утверждаются и переосмысляются ключевые координаты осознания себя как общности. По мнению польского историка Едловски, память представляет собой «временное поле, в котором присутствует диалектическое единство прошлого, настоящего и будущего: с одной стороны, поток жизни во времени прошлого и настоящего предопределяет будущее, с другой стороны, именно настоящее “придает форму” прошлому, реконструируя и интерпретируя его с целью отбора всего того “значимого”, что может пригодиться в будущем» (Edlowski, 2001). Вследствие этого, политика памяти становится аргументом для обеспечения сегодняшних интересов политических элит. Воспоминание, переработка или забвение — три точки одного континуума, который мы называем памятью. «Непрошедшее» прошлое — это прошлое, которое подвергается интерпретациям, наделяя события определенными смыслами, и эти смыслы зависят от современности (Вильцер, 2005).

Социологический интерес к феномену памяти с позиции «настоящего» продиктован поиском механизмов, порождающих и поддерживающих социальность. Память о прошлом необходима для социального взаимодействия, поскольку она, в качестве культурно-обработанного продукта, закладывается в представление о «должном» характере социального действия. Рефлексивное применение ресурсов памяти, более того, стратегическое распоряжение ими приводит к тому, что происходит «приписывание явлениям настоящего некоторого дополнительного значения. Это свидетельствует

о прошлом, отсылает к прошлому, что противоположно «синхронизированному», социально согласованному как одновременное настоящему» (Филиппов, 2004: 49). Как ресурс социального взаимодействия, память подпитывает его информационно, конструирует значения для настоящего, вызывает эмоции и сопереживания и, наконец, косвенно, через социально-политические институты, обеспечивает социальную идентификацию.

Что вытекает из такого подхода к пониманию социальной памяти, простимулированного рефлексией критического дискурса? Какие следуют возможности для социологического анализа? На наш взгляд, принципиальна позиция о множественности «памятей» как представлений о прошлом в сознании разных социальных акторов, наделенных своим социальным опытом и интересами в настоящем. И поскольку универсальной памяти не существует, то «носителями коллективной памяти являются группы, ограниченные в пространстве и времени» (Хальбвакс, 2005). Социальная память поддерживает групповые идентичности. Она понимается как история «коллективных ментальностей», по метафорическому выражению П. Нора, которые могут не совпадать как друг с другом, так и с официальным дискурсом.

В отношении к избранному объекту исследования — эпохе 90-х, событийность которого будет представлена в первой части статьи на уровне опросов общественного мнения, во второй части мы рассмотрим теоретическую рамку социальной контрактации, с помощью которой фреймируем социальный опыт эпохи 90-х. В завершение мы акцентируем внимание на линзе воспоминаний, то есть дискурсе вербализации пережитого опыта эпохи перемен представителями различных социальных групп, описывающих переломные моменты своей жизни. Обращение к индивидуальному опыту рассказчиков не должно затенять того важного обстоятельства, что акторы прибегают не только к социально выработанному языку описания социального опыта, но также оперируют резервуаром воспоминаний, который нельзя отнести только к ресурсам индивидуальной памяти, но также и к гранд-нарративам их социальной группы, медийным дискурсам прошедшего времени, опосредующим уровень индивидуальных воспоминаний и оценки массового сознания.

В 1990-х гг. экономика СССР, а затем и России, переживала сложные трансформации, которые сопровождались инфляцией, резким уменьшением доходов населения, низкими инвестициями, феноменом бартеризации экономики и другими негативными явлениями. Этот период отмечен тяжелыми экономическими реформами для перехода экономики страны от плановой к рыночной: цены были отпущены в свободное плавание, торговля либерализована, стартовала массовая приватизация. То, что уместилось в один абзац, в реальности растянулось на тяжелейшее десятилетие, социальные последствия которого все еще привлекают внимание исследователей. Советский общественный договор, связующий власть и население в его различных социальных сегментах, ощутимым образом девальвировался и подлежал переопределению. С очевидностью, этот процесс затронул все социальные слои и группы меняющегося общества, институциональные основы и повседневность. Реконструкция этого объемного процесса,

имеющего обширную библиографию, осуществляется нами на нескольких уровнях — в классической метафоре «зеркала общественного мнения» (опросы эпохи 90-х), а также на уровне реконструкции субъективного проживания той эпохи в интервью с представителями различных социальных групп общества, вовлеченных в свои версии общественного договора.

Ключевые события 90-х и реконструкция эпохи в зеркале общественного мнения

Обращение к общественному мнению на уровне вторичного анализа преследует цель обозначить рамки меняющихся общественных настроений, совмещенных с крупными историческими и социально-экономическими событиями десятилетия 90-х. Эпитеты, которыми награждали 90-е годы соотечественники — «лихие 90-е», «эпоха перемен», «поворотные 90-е», — говорят метафорическим языком о турбулентности социальной эпохи, сломе прежних социальных порядков и распаде предыдущей системы. Но, как справедливо заметил И. Клемин, имиджевая лексика не равна проясняющей пониманию терминологии (Клемин, 2015). Исследовательский вопрос, как граждане пересобираемой в 90-е годы страны приобретали социальный опыт, переживали перемены, о которых вдохновенно пел Цой, и приспособлялись к меняющимся реалиям жизни, надлежит помещать в различные концептуальные рамки разной степени общности. Поэтому мы привлекаем динамику общественного мнения 90-х годов, реагирующую на самые существенные исторические моменты, чтобы совместить в рамке анализа основные тренды общественной реакции на 90-е годы.

Как отмечает Н. Попов, в массовидной памяти россиян, активная часть жизни которых пришлась на 90-е годы, эпоха Ельцина началась с конкурентной борьбы за лидерство с Горбачевым (Попов, 2015). Он имел образ борца с партийной бюрократией, истинного демократа, «ходившего в народ», разоблачавшего партфункционеров на пленуме ЦК и на Съезде народных депутатов. Популярность и народная поддержка обеспечили ему победу на московских выборах депутатом на Съезд, а затем на выборах президента России. В этом же ряду — победа над ГКЧП во время путча в августе 1991 г. При Ельцине закончилась «эпоха Горбачева», была демонтирована КПСС, стартовал процесс распада СССР, завершившийся соглашениями в Беловежской пуще. По сути, пик популярности Ельцина в народе длился всего пару лет (1990–1991 гг.). Затем, с 1992 г., времени радикальных рыночных реформ, которые приобрели характер «шоковой терапии», начался спад его влияния и популярности в общественном мнении. Его обещания скорого выхода из реформ — он «ляжет на рельсы», если за год ситуация не нормализуется, — не оправдались. Уровень доверия Ельцину снизился с 45%–50% в конце 1991 г. до 20% в конце 1992 г.

Если привлечь отчеты российских поллстеров (ВЦИОМ, БПСИ, Vox Populi, ФОМ и другие), то в зеркале общественного мнения эпоха предстает

следующим образом. Канун реформ характеризовался в общественном мнении как достаточно стабильный. Основная масса населения не представляла альтернативы своему существованию, большинство пользовалось хоть и минимальным, но стабильным достатком, больше того, жизненный уровень медленно, но рос. Первые опросы ВЦИОМ (Всесоюзного центра изучения общественного мнения под руководством Т. И. Заславской и Б. А. Грушина) показывали, что население в конце 1989 г. считало свое экономическое положение вполне приемлемым и устойчивым. Широкие массы были готовы к восприятию новых перспектив развития страны, но власть не предпринимала усилий по разъяснению, подготовке шоковых реформ, переоценив готовность народа или пренебрегая ею. Однако следующие три года принесли катастрофическое падение производства, дефицит товаров потребления, гигантский рост цен и массовое падение жизненного уровня населения (Попов, 2015).

Это состояние общества Б. А. Грушин описывал следующим образом: «Самое главное из всех произошедших в рассматриваемое время в сфере массовых интересов изменений — изменение, имевшее поистине судьбоносный для истории страны характер, — заключалось, конечно же, в полном крахе всенародной мечты о возможности реализации коммунистической идеи» (Грушин, 2006: 843). Тем не менее, росло смутное понимание необходимости перемен и запрос на изменение системы.

Массовые ожидания были связаны с улучшением материальной стороны жизни, либерализацией экономики, демократическими свободами, но при этом запрос на справедливость и подлинный социализм говорил о неготовности к перспективе капиталистической экономики. Тем не менее, опросы тех лет демонстрируют удовлетворение от сближения с Западом, открытости масс-медиа, дистанцирования от милитаристского образа страны.

Отношение широких слоев к экономическим реформам было достаточно амбивалентно, сохраняя тренды на совершенствование социалистической экономики с государственным контролем и, одновременно, обозначая запрос на более радикальные реформы. Это противоречие тестировал в середине 90-х ВЦИОМ. Отвечая на вопрос: «С чем, прежде всего, связывается у вас представление о “рыночной экономике”?», 54% назвали «рост цен», затем следовало «расслоение на богатых и бедных» (34%), и затем — «снижение уровня жизни (23%)». То есть население артикулировало страхи перед капиталистическим способом хозяйствования. Лишь 19% полагали, что «к рынку надо переходить как можно скорее», в то время как 40% считали, что «переход к рынку необходим, но делать это следует постепенно», и 16% высказывали мнение, что «к рынку вообще не следует переходить», при 25% затруднившихся ответить. Социальная база поддержки шоковой терапии (около 20%) была существенно узкой. Произошло расслоение на рыночников, бизнес-ориентированных и неосоциалистов, пропорции которых составляли приблизительно 30%, 13% и 40% (ВЦИОМ, 1992).

В начале 90-х сформировалась амбивалентная картина поддержки экономических преобразований. Массы за частную собственность — в малом формате бизнеса, на небольших заводах, в легкой и пищевой

промышленности, но против частной собственности — в тяжелой промышленности и на больших предприятиях, подлежащих государственному контролю. Так, опрос ВЦИОМ 1991 г. (там же) о собственности предприятий обнаружил, что население не поддерживало потерю контроля государства над ключевыми секторами экономики и социальными институтами. При этом очевидна готовность трети населения к приватизации социальных сфер общества, что и не замедлило реализоваться в широком внедрении кооперативов, нацеленных на прибыль посредством прежде всего перепродажи, то есть спекулятивных форм экономической деятельности. Старт рыночных реформ, сопряженных с приватизацией, в 1992 г. имел последствиями резкое падение цен и потерю населением накоплений в сберкассах. Экономический шок от лично переживаемых событий предуготовил и отношение к ваучерной приватизации, которую население воспринимало уже довольно скептически. В середине 1992 г. 44% опрошенных называли ваучеризацию обманом и «показухой», и только 15% видели в этой мере возможность того, чтобы «каждый человек мог стать собственником» (там же).

Экономические реформы имели высокую цену для жизненного уклада, привычек, образа жизни подавляющего большинства населения. Существенными факторами переживаний были неуверенность в завтрашнем дне, отсутствие социальной защищенности, доступной медицины и гарантированного образования, перспектив обзаведения жильем, возможностью социальной мобильности. Потребительские ценности и социальные контрасты стали предметом социального рессентимента и ностальгии по советскому уравнительному принципу. Так, в начале 1992 г. 49% хотели бы, чтобы «все вернулось к состоянию до 1985 года», а 39% опрошенных с этим не соглашались, и в то же время 50% ратовали за «более быстрые, решительные перемены», при 32% считавших, что «нужно действовать более осторожно, осмотрительно» (Попов, 2015).

Отношение к демократии как социальной ценности также претерпело изменения, эволюционировав от очарованности гласностью и публичными свободами, к пониманию того, что у многих возобладало ее понимание как неограниченной личной свободы и вседозволенности. Такая позиция подпитывалась ростом преступности и вела к алармистским установкам, ориентированным, прежде всего, на стабильность и порядок.

Историческая событийность 90-х включает важный момент: победу Ельцина над ГКЧП и Горбачевым в августе 1991 г. В целом, население страны с трудом разбиралось, что происходит в Москве и как к этому относиться. Опросы в Москве в эти дни показали, что треть жителей поддерживали Ельцина, пятая часть — ГКЧП, а половина людей не знали, что происходит, или не могли дать происходящему какую-либо оценку (там же). Динамика отношения населения к ГКЧП в последующие годы показывает, что к 1998 г., по данным Института социологии РАН, число сторонников ГКЧП увеличилось по сравнению с 1991 г. с 17% до 25%. А уже в 2006 г., по данным ФОМ, 67% населения вообще не смогли дать какую-либо оценку относительно пользы или вреда ГКЧП. Тем не менее, Ельцин вышел из этих событий

победителем. Если на выборах президента РСФСР в июне 1991 г. он получил 43% голосов избирателей, то в сентябре его поддержка превысила 50% и продолжала оставаться высокой до начала реформ в 1992 г.

Отношение к распаду СССР в массовом сознании оставалось противоречивым. Необходимость проводимых реформ воспринималась отдельно от сохраняемого единства союзного государства, как показал референдум весны 1991 г., на котором 76% населения страны высказались за сохранение СССР в «обновленном, демократическом» виде. Но дискурс крушения империи и развала Союза утверждал себя в прессе, к чему подталкивали события в Прибалтике. Опросы самого начала 90-х демонстрируют, что практически треть поддерживала самоопределение республик, но большинство, в той или иной степени, мыслило категориями союзного государства (ВЦИОМ «Архивариус»).

Последующий период, с Ельциным у руля власти, прошел под знаком радикальных и рыночных реформ, отразившихся в общественном мнении как тяжелейший период в жизни российского общества. Опросы фиксировали драматичные оценки населением своего бедственного материального положения в результате реформ: в целом, экономическое положение еще более ухудшилось, основную ответственность за тяжелое положение населения опрошенные возлагали на актуальное руководство; наконец, у правительства не было программы выхода из кризиса (Попов, 2015).

Опыт радикальных реформ имел следствием формирование к середине 90-х общего стереотипного тренда оценки этого периода. Его составляющими стали: общее разочарование и более позитивная оценка предыдущего, социалистического этапа; подмена капитализмом более разделяемой идеи «рыночного социализма»; грабительский характер реформ, их анти-социальный характер; бенефициарами реформ стали нечестные экономические агенты; идея навязанной демократии имеет западное происхождение. Каков был социальный ресурс поддержки дальнейших реформ, показывали опросы общественного мнения в середине 90-х (там же). Убежденных сторонников проводимых реформ было немного, около 10%. Но значимые 41% рассматривали процесс реформирования на совершенно других основаниях — с социальной защитой населения. При этом 20% опрошенных выступили однозначно против; наконец, явно дезориентированные 16% отмолчались.

Успехи администрации президента по двум основным проблемам — военной операции в Чечне и задолженности по зарплатам, а также страх перед возвращением коммунистов во власть, конкурентов на выборах, — положительно сказались на рейтинге популярности Ельцина. В начале июня 1996 г. за Ельцина собирались голосовать столько же людей, сколько за Зюганова. Уже после победы Ельцина на президентских выборах в августе 1996 г. в Хасавюрте был заключен мир с Чечней.

Подытоживая социальные перемены, фиксируемые в ходе опросов общественного мнения, следует отметить динамику политического массового сознания, которое эволюционировало от нарастающего интереса

к политике и политической мобилизации в начале 90-х годов к постепенно утвердившейся политической апатии, падению интереса к политике, которые были спровоцированы утратой веры народа в возможность реального участия в политической жизни и влияния на принятие властью важных для страны решений. В силу этого массовые взгляды по поводу экономических, политических и социальных проблем характеризуются противоречивостью, непоследовательностью и неожиданным колебаниям от одобрения к отрицанию и обратно. В то же время, тематика опросов структурирует историческую память, создавая вехи последующих воспоминаний, расставляя дискурсивные акценты для означивания пережитой истории.

Теоретическая рамка социальной контрактации

Подхватывая сюжет означивания, придания смысла и оправдания действий, мы выходим на основные фреймы социального действия, которые заданы не индивидом, а важнейшими социальными институтами и властью, но они поддерживаются индивидами и социальными группами, оправдываются в реализованной биографической практике. Угол зрения или концептуальная позиция, согласно которой общество, социальные связи, институты, социальные группы внутри него функционируют как целая система формальных и неформальных договоренностей между социальными акторами и государством как совокупностью социальных институтов можно назвать социальным контрактом, берущим начало в понятии общественного договора. Самая очевидная оптика рассмотрения системы социальных контрактов относительно стабильно функционирующего общества — дискурс по поводу распределения благ, артикулированное соглашение по поводу этого распределения и обмена этими благами.

В самом общем виде, можно говорить о государственном контракте как социальном обмене безопасности в обмен на лояльность. Государство предоставляет набор благ, включая безопасность, взамен требуя от граждан политической лояльности и выполнения определенных социальных функций. Очевидно, что у различных социальных групп будут складываться различные социальные контракты. Но также очевидно, что нарушение или разбалансирование социальных контрактов, происхождение которых имеет институциональную природу, провоцируется кризисом социальных институтов. Эпохи социальных перемен или слома социальных порядков ставят под сомнение системы функционирующих контрактов, девальвируют их, а также вызывают к жизни новые социальные контракты.

Сложился обширный пласт научной литературы² по социальной контрактации, которую мы привлекаем избирательно для уточнения концептуальной рамки нашего исследования, нуждающегося в фокусировке на фоне

² Гайдук К., Дискин И. Е., Кузьмин А. С., Мелвин Н. Дж. и Нечаев В. Д., Курбатова М. В., Левин С. Н., Лавров А., Литвак Дж. и Сазерлэнд Д., Лапина Н. и Чирикова А., Нуреев Р. М., Олейник А. Н., Перегудов С. П., Радаев В. В., Рогов С. М., Сидорина Т. и др.

нашего интереса к социальной эпохе 90-х. Как фигура песочных часов, социальная реальность позднесоветского формата перетекает в преддверие перестройки, к послесоветскому формату. Узкое горло десятилетия 90-х свернуло широкий набор жизненных стратегий граждан до самого существенного, фактически актуализировав формат выживания. В этом контексте уместно говорить о власти и населении как контрагентах. Поэтому мы фокусируемся в концептуальном плане на понятии социального контракта, его изменения и переопределения.

Исследования контракционизма наследуют идеям об общественном договоре в социальной философии эпохи Просвещения. Во второй половине XX столетия преимущественно западными экономистами, философами и социологами были предложены современные версии контракционизма, использующие модель общественного договора и связанные с ней концептуальные средства для нового осмысления проблематики социальной справедливости, естественных прав, демократии, рационального выбора, для пересмотра принципов современного либерализма и обоснования рациональной социальной политики. Авторы современных концепций общественного договора — американские ученые Дж. Ролз и Р. Дворкин, а также известный экономист, один из авторов теории общественного выбора Дж. Бьюкенен. Их линия аргументации отождествляет процесс заключения общественного договора с реализацией социальной справедливости. Кроме того, тематика социального договора в XX в. оказалась в центре внимания развивающейся институциональной экономики (Д. Норт и Э. де Сото). Проведение радикальных социально-экономических реформ в России привлекло к вопросам контракционизма внимание и отечественных исследователей (экономистов А. Аузана, В. Лексина, Р. Нуреева, Т. Сидориной, Г. Явлинского и др.).

В итоге, консенсуально под социальным контрактом понимается обмен ожиданиями между социальными агентами (группами), предполагающий выполнение определенных ролей, порождающий определенные практики и способы легитимации. Различение вертикальных и горизонтальных социальных контрактов говорит о переплетении макро-, мезо- и микроуровней возможного анализа, создающих сложно устроенную комбинацию структурных, институциональных и социально-групповых факторов, определяющих содержание контракта. Для России, с сильным акцентом на централизацию власти, с очевидностью характерен преимущественно вертикальный социальный контракт, когда представители различных социальных слоев, не имея институциональных переговорных площадок, делегируют свои права на общественные блага и ответственность государству, которое в обмен на это проявление лояльности перераспределяет эти права. Если при горизонтальном социальном контракте различные акторы взаимодействуют друг с другом, то при вертикальном — только с властью. Это взаимодействие можно рассматривать как рациональное, поскольку оно описывается в экономических терминах выгод и издержек, политических терминах — сдержек и противовесов, выбора стратегий реагирования

в социально-экономических ситуациях (Ролз, Аузан, Новгородцев, Хиршман и др.).

В СССР существовал свой социальный контракт, который начал разрушаться в конце 1980-х гг., его формула хорошо описана Куком: «Режим обеспечивал широкие гарантии полной занятости, а также контроль над ценами и субсидии <...> наряду с эгалитарной политикой оплаты труда. В обмен на эти блага и столь сильный контроль со стороны государства и предоставленные гарантии экономической и социальной безопасности советские рабочие не протестовали против монопольной власти партии, принимали господство госсобственности в экономике, а также соглашались с политическими устоями авторитаризма» (Cook, 1993: 2). Реформы привели к сломи этого контракта и росту дифференциации в оплате труда, реформе цен, а также способствовали появлению частных предприятий; затем последовало социальное расслоение и появление новых классов.

Какова внутренняя дифференциация социального контракта? Типы возможных контрактов, соотносимых, в первую очередь, с трудопоглощающей сферой, — это трудовые контракты (компетенции и труд в обмен на статус и вознаграждение), образовательные (инвестиции в обучение в обмен на квалифицированную трудовую силу), семейные (гетеросексуальная пара балансирует на договоре о ролях кормильца/добытчика и женско-материнской — связанной с рождением детей, уходом и заботой) и т. д.

На институциональном уровне под социальным контрактом понимается групповое имплицитное соглашение о распределении прав и обязанностей между государством и населением, которое может закреплять вертикальную или горизонтальную контрактацию в обществе. Для вертикального социального контракта спецификация прав будет осуществляться непосредственно государством сверху. При горизонтальном социальном контракте, в идеале, его участники равны, а государство является специально созданной структурой для представления и защиты интересов всего населения. Погружение разрабатываемой концепции в проблематику 90-х связано как гипотеза с проблематизацией равновесности концептуальной модели вертикального и горизонтального социальных контрактов, доминанции вертикальной его составляющей и, впоследствии, девальвации взаимных контрактационных ожиданий в контексте эпохи 90-х. Эта основная идея и будет операционализована в ходе эмпирической части исследования.

Методология и объект исследования

Трансформации социальных контрактов и систем их легитимации в России в эпоху 90-х стали возможны вследствие смены социальных институтов и связанных с ними практик и транслируемого смыслополагания. Беря в фокус исследования активных участников на уровне исполнения социально-трудовых контрактов, мы намерены изучить усилия акторов по реализации доступных им в эпоху 90-х социальных контрактов, их реакцию

на девальвацию этих контрактов и выстраивание ими контуров новых контрактов.

Таким образом, социологический ракурс этой части исследования освещает переломные для страны годы на примере индивидуальных биографических стратегий, которые направляли еще советских граждан в целом ряде вопросов повседневности — как в общем вопросе выживания, так и в подчиненных вопросах поиска работы, жилья, пропитания, образования, досуга, развлечений, вопросах личного характера. Акцент на понятии стратегий выделяет группу активных деятелей, акторов, которые предпочли сопротивление и строительство новых форм социальной жизни. В соответствии с социологическим подходом, внимание фокусируется на описании реализованных практик (а также отвергнутых социальных возможностей) как структур социального действия в предложенных обстоятельствах, эмоционального переживания исторического времени, а также пострефлексии как попытке осознания социальных перемен, связываемых с 90-ми. Триада в виде стратегий действий, переживаний и рефлексии реконструируется качественными методами в виде глубинного нарративного интервью.

Но какова природа той рациональности, которой руководствуются индивиды, активно занимающиеся какой бы то ни было профессиональной деятельностью, — там, где интересы личности, государства и рынка встречаются в процессе труда? Подобная исследовательская ситуация провоцирует на подход к анализу изучаемого феномена, при котором возможно пренебречь репрезентативностью в пользу типологии. Тем не менее, здесь сохраняется понятие ступенчатой теоретической выборки, в согласии с которой отобранные информанты (N=24), представляющие возрастную нишу 1950–1965 гг. рождения и различные профессии, будут сравниваться на предмет сходства и различия их стратегий занятости на рынке труда в ходе составления коллекции биографий. В теоретически сформированной выборке представлены такие социальные группы, как рабочие, наемные работники (работники предприятий/организаций, «бюджетники», госслужащие), предприниматели. В кризисную эпоху 90-х представители этих групп в различной степени обладают социальными капиталами для социальной мобильности, которые потенциально возможно конвертировать в новые социальные возможности.

Задача исследователя заключается в том, чтобы из превращенного в текст рассказа информанта о жизни до, во время и после 90-х вычленил значимые для темы исследования поля практик (конкретные биографические пассажи, реальные шаги и состоявшиеся выборы); благодаря обнаруженным стратегиям действий и конструктам смыслополагания реконструировать реализуемые информантами социальные контракты в их динамике.

Преимущество биографического подхода, в данном случае, состоит еще и в том, что темпоральный аспект биографии позволяет проследить трансформацию, иногда резкую и болезненную, таких относительно устойчивых структур личности, как смысловые ориентации и ценности на пути

приспособления к новому социальному и экономическому порядку и описать контекст этих изменений.

Ниже мы приведем некоторые ярко контурированные биографические кейсы в режиме типологии рассматриваемых социальных групп.

Социально-трудовой контракт для различных социальных групп общества: проблематизация и переопределение

Социальный контракт рабочих выстраивается в ограниченном поле квалификационных возможностей влиять на трудовую ситуацию и напрямую зависит от ярко выраженной патерналистской ориентации. Поэтому социальные ожидания как часть социального контракта связаны с социальным пакетом: обеспечением качественного медобслуживания, отдыха в заводском профилактории, детского отдыха в летнем лагере (что стало исчезать в кризисное время); возможностями повысить квалификацию, перейти на более оплачиваемое рабочее место; сохранением гарантий прав трудящихся в той или иной форме профсоюзной защиты, закреплении этих прав в коллективном договоре, а также возможностью рассчитывать на справедливую судебную систему. Труд и социальные услуги — формула социального контракта рабочих.

Из нарратива рабочего:

«Я, например, ремонтер резиновых изделий. Моя квалификация никому, кроме этого завода, не нужна. А всем ведь надо кормить семьи, денежки зарабатывать. Автослесарем я тоже работал, знаю, что это такое. Но, чтобы заработать хорошие деньги автослесарем, нужны золотые руки, а в этом масле они ничуть не чище, чем здесь на заводе, да еще бензина надышишься. Хотя выбора много, но я человек не активный, вот моя беда. Миллионом способов можно деньги заработать, но у меня психология немножко другая: я думаю, что мне будет плохо от этого? А с этим ничего не построишь. Сейчас же как бизнесмены думают, что я на этом заработаю? Что мне за это будет — это на 101 месте. Я так не могу» (рабочий, 1962 г. р.).

Здесь в нарративе, если с него «снимать» слои смысла секвенциально, выражена следующая мысль: я привязан квалификацией к заводу — нужно зарабатывать / кормить семью — хорошо зарабатывать я не могу — я не активен — боюсь неудач. В этом тоже есть своя «рациональность»: лучше меньше, зато надежно. Такая «ущемленная» идентичность, провоцирующая неудачи их ожиданием, находит интересное совмещение с профессиональной ситуацией супруги:

«Жена у меня всю жизнь проработала главным бухгалтером, у нее высшее образование. На бухгалтеров спрос тогда был колоссальный.

Она на нескольких предприятиях проработала. Но потом родила, просидев три года с ребенком, не работала. За это время ее конторы прикрыли. Вернуться некуда было. А сейчас к бухгалтерам большие требования, компьютер знать надо, английский и тому подобное. А навыки-то потеряны. Сейчас она устроилась на другой завод бухгалтером, но там зарплата — кирпичами. За февраль дали зарплату деньгами, а за март-апрель, говорят, берите кирпичом. А ведь надо еще побегать, кому их продать...» (рабочий, 1962 г. р.).

Казалось бы, это нарратив о жене, но мы получаем не историю отношений, а проблематику разрывов в профессиональной карьере, кризиса неплатежей, бартера, тяжело отзывающихся на общей экзистенциальной ситуации семьи, прибавляя еще проблемы перепродажи кирпичей. Важное обстоятельство, что на бухгалтеров тогда был спрос, корреспондирует с собственной профессиональной изоляцией.

Патерналистские ожидания содержатся и в другом нарративе, подчеркивающим ценность формулы «труд плюс социальные услуги»:

«Я в то время (середина 90-х) менял работу. И состоялся у меня такой разговор с начальником. Зачем, мол, ты уходишь, у тебя здесь такое положение. Я говорю ему, понимаешь, я 15 лет работаю на предприятии и за эти годы мне ни разу не подошла очередь даже кроличью шапку получить. А почему такой разговор произошел: жена собралась получить квартиру, я пришел в профком и говорю, вы мне хоть мебель запланируйте. Да-да, говорят, и вот тут через месяц ордер, и узнаю, что приходит стенка мебельная, и вдруг выясняется, что стенка уходит женщине, которая дольше меня на 5 лет работает. И пока я там 15 лет работал, она получает уже вторую стенку. Я завелся, написал заявление и ушел» (рабочий, 1958 г. р.).

Переpletение стажа труда, потребления, регулируемого через профсоюзные каналы, соотношенность прав на дефицитные товары с местом в заводской иерархии — все это по совокупности привязывало к рабочему месту. Переломный момент, рушащий эту привязанность к предприятию, выглядит иррационально: мебельная стенка против 15 лет, отданных заводу, — но контракт ожиданий и обязательств подтачивался в течение времени. Вот-вот эта система рухнет, и заботить станет уже безработица, страх потерять эту работу:

«Главное, чтобы работа была. У нас второй корпус, человек 5 слесарей. Утром приходишь, обходишь все. Что поломалось за смену, начинаешь делать. Потом текучку начинаешь делать. Обед у нас 45 минут. После обеда то же самое, делаешь запасные детали, если в смену что полетит, чтоб запас был. Так и продолжается как конвейер. То одно делаешь, то другое. Потом приходишь домой, зашел в ванную, руки помыл.

Перекусил что-то и побежал в гараж... Если бы мне платили приличные деньги, то жена могла бы и дома сидеть с ребенком, как это и полагается. Но ведь рабочий не может содержать семью полностью. Может быть, и может, но это в натяг жить» (рабочий, 1963 г. р.).

Социальный контракт госслужащих

Социально-трудоустройственный контракт госслужащих отличен от рабочих, прежде всего, ресурсом высшего и специального образования, бюрократическими компетенциями, ценимыми властью, кроме этого — повышенными окладами, наличием премий, возможностями отдыха, лечения, улучшения жилищных условий и пр., — но он также не был защищен в 90-х от кризисов неплатежей и резкого снижения бюджетного финансирования. Более того, для госслужащих относительна защищенность доступа к труду: для многих из них трудовой контракт является краткосрочным, а стимулируемое неплатежами увольнение по собственному желанию легко осуществимо. Для продвижения госслужащих были и остаются важны ценности лояльности и патронирования карьеры:

Из нарратива госслужащей, юриста по образованию (МГУ), директора госагентства по земельным ресурсам. Ее карьера сложилась в «советское» время в органах исполнительной власти, и наработанный капитал связей помог значительно повысить профессионально-статусные позиции в 90-е:

«...просто везде... нужны грамотные люди, которые, безусловно, работают в какой-то команде... Я оказалась в одной команде и поняла, что... важно течение, важно было сохранить какую-то ориентацию, одну, не перебегать из лагеря в лагерь, поскольку были такие ситуации, когда вот именно какая-то двойственность позиций приводила к тому, что человека просто убирали за два дня...» (юрист, 1964 г. р.).

Итак, профессионализм и принадлежность к команде выделяются как значимые факторы продвижения. Понимание профессионализма тесно увязано у рассказчицы с лояльностью, она даже не разделяет их.

«Безусловно компетентный, но не очень лояльный? Таких, наверное, не бывает. Потому что компетентность — категория, которая привязывается, допустим, главный бухгалтер должен понимать проблемы, которые ставит руководство, и решать их вместе с руководством... Иначе это счетовод. Профессионализм настолько всеобъемлющее понятие, которое включает умение общаться с людьми и умение конкретизировать задачи. Возможность установить нормальные, человеческие контакты — это одно из самых главных качеств руководителя» (юрист, 1964 г. р.).

Преемственный восходящий тип карьеры рассказчицы и её лояльность социальному контракту с государством в качестве госслужащей сложились благодаря многим факторам, из которых наиболее значительными являются следующие: престижное образование в престижном вузе; сохраненный спрос на её профессиональные и бюрократические компетенции; принадлежность команде как микроструктуре, мигрирующей из учреждения в учреждение; личные амбиции и честолюбие, а также консервативные ценности стабильности и надежности.

Социальный контракт предпринимателя

Если учесть, что предприниматели, как новая в позднесоветское время социальная группа, внутренне дифференцированы по типу накопления, то каждому типу соответствует своя легитимация в общественном сознании, источники социального рекрутирования и траектории жизненных путей. В нашей выборке оказались представленными четыре типа накопления капитала:

- номенклатурная приватизация собственности на основные средства производства,
- аренда с последующим переходом средств производства в собственность трудовых коллективов предприятий и организаций,
- накопление как результат личной экономической инициативы,
- полуполезальное обогащение.

Типаж предпринимателя с номенклатурным прошлым

Из подмосковной деревни и родом из крестьянской семьи, он совершает восходящую карьеру, окончив последовательно среднюю школу, милицейскую школу и поступив после небольшого рабочего стажа в престижнейший Институт международных отношений, окончив его, остался там работать. Затем следуют стажировка в Канаде, защита диссертации, профилирование по проблемам международных профсоюзов и работа в Женеве в одной из международных организаций:

«...Интересно было поработать в системе ООН, себя попробовать, это же по специальности в конце концов, был и сугубо меркантильный интерес — заработать на кооператив... Там я был секретарем партийной организации. Там у нас была элита...

...Раздражало постоянно, что все перед организацией равны и неравны, но в соответствии с занимаемым постом... Все время в нас убивали чувство справедливости, принципиальности... Понимал, что... (протест) ни к чему не приведет, ничего не даст, кроме неприятностей, поэтому все молчали. Сдаешь деньги — все молчали. Что значит

“сдаешь деньги”?... У нас у всех же были ООН-овские оклады, но в посольстве никто не мог получать больше посла. Послы у нас... получали небольшую зарплату, хотя у них был личный повар, бесплатная еда, машины и прочее — это в расчет не принималось. Им давали всякие представительские, это тоже в расчет не принималось. Я, получая где-то 7 тыс. \$ в месяц, все это сдавал... Оставалось у меня где-то 1800 \$. Мы приходили в посольство и говорили: “Пришли сдавать деньги”. “Не сдавать, а получать”, — говорили нам. Вот как-то один профессор, медик приехал поработать в ВОЗ. И когда ему сказали, что надо сдавать, он сказал: “Вы знаете, деньги — ерунда, я бы конечно дал их, но как-то мне очень неприятно, что меня заставляют. Я понимаю, что не смогу больше работать здесь, но сдавать не буду”. И он проработал до отпуска и из отпуска, конечно, не вернулся. Но за отпуск не сдавал и получил может быть больше, чем я за 6 с половиной лет, которые там пробыл (смеется)» (предприниматель, 1950 г. р.).

Резкие перемены, которые пришли в 90-х, вызвали у него переоценку ценностей.

«Все видишь, уже нет никакого идеализма. Я ведь верил, я же в партии пробыл... с 64-го, у меня хватило совести не выбрасывать билет. Одни в большей степени знали, другие — в меньшей. Слава богу, на нашем уровне всегда были возможности сомневаться. Понимаешь, ведь вера, что идолы на самом веру чисты, в какой-то степени компенсировала отсутствие веры во что-то иное... Все-таки ко времени выхода оттуда я уже не был наивным, верующим и честным, и принципиальным. Это как-то стиралось, стиралось, стиралось... Но пройдя через все это, нет чувства ущербности... ты все знаешь, все видел, тебя ничем не удивишь. Это хорошее чувство... А хочется каких-то новых ощущений... Подвернулся мне Центр по компьютерным сетям, и пошел я коммерческим директором... В конце концов все свернулось к торговле и посредничеству... Вначале меня это шокировало... когда в качестве посредника с какими-то консервами ко мне пришел бывший председатель Госплана, кошмар! Обычно с таких постов шли на солидные должности, под которые уже закладывали деньги, занимали ниши и т. д.» (предприниматель, 1950 г. р.).

Дистанция по отношению к власти, системе в целом, вызревавшая исподволь, трансформировалась в чувство освобождения, но не ранее, чем сломалась сама система. Её возможности наш респондент использовал до последнего момента. Он сменяет несколько фирм, в итоге сформировал собственную компанию.

«Сейчас — работа. И здесь даже не деньги выступают для меня на первом плане, хотя, конечно, это важно. Главное, среда совершенно

другая, для меня более приемлемая, более интеллигентная... Все-таки, я как-то приспособился к этому (бизнесу) — это тоже доставляет какое-то чувство удовлетворения... А то были периоды отчаяния, думал, я ни на что не способен. Мне было ужасно неудобно перед семьей...» (предприниматель, 1950 г. р.).

Здесь респондентом проговорены важные личностные итоги переломной эпохи — ценностные измерения его деятельности, причем в определенной иерархии: на первом месте для него новое поле самоутверждения, где он занимает одно из первых мест, затем успех/достижение («я смог это»), наконец, реализованная роль кормильца семьи.

Типаж предпринимателя (накопление капитала в результате аренды с отчуждением средств производства)

Харизматический характер этого человека сыграл свою роль, чтобы увлечь группу единомышленников и создать коллектив, вроде внешне и не отличающийся от других фирм, наводнивших рынок 90-х. Но внутренние взаимоотношения среди сотрудников, внутренние конвенциональные правила, рационализирующие работу — плод активности, в первую очередь, нашего рассказчика. Его отец — железнодорожный инженер, мать — медсестра, обе ветви — из крестьян, с большой тягой «наверх».

«Я не мог найти стержень, смысл жизни. Мне повезло, в армию тогда не взяли. Структурировался я через другое, связался с братьями-путешественниками. Начал ходить в походы, это была моя отдушина, мой мир. Тогда и снаряжение сами изготавливали. Первое путешествие было в Забайкалье, сплавились по реке. Год проработал в Институте физики, хороший институт, интересная работа и свободный график — можно было 4 раза в году путешествовать... Но начались новые времена... Мы начали как бы чуть-чуть заниматься коммерцией. Что-то делать и продавать. Начали делать туристское снаряжение. Что мы могли еще делать? То, что нам было интересно. Потом поняли, что работать в двух местах невозможно. Все были свои, знакомые по туристскому клубу. Потом свою контору открыли, делали катамараны, средства сплава, потом открыли швейный цех и стали шить камуфляжную одежду. У нас качественная продукция и низкие цены, что позволяет нам держаться на рынке...» (предприниматель, 1965 г. р.).

Словосочетание «новые времена» покрывает по смыслу пространство смены вех социального контракта: хорошая и интересная работа со свободным графиком, гарантированная государством, сменилась на коммерческие опыты. «Что мы могли еще делать?» — фраза респондента говорит о единственно возможном пути заработать. В личностном плане, поиски

смысла жизни завершились самоидентификацией с группой туристов, вернее теми групповыми ценностями, которые стоят за «туристским» образом жизни. Герой из ценностей досуга фактически делает ценности новой трудовой жизни. Соответственно, ценности и человеческие качества, прошедшие отбор в походах туристов, закладывались в основу кадрового отбора для этой фирмы:

«...Все оттуда пошло... Мы набирали туристов... А туризм — большая кузница кадров. Это тот пласт людей, которым была нужна внутренняя свобода, и он породил людей непритязательных, с повышенной жизнеспособностью, выносливостью, целеустремленностью. Но мы их уже всех выбрали (в смысле исчерпали) и не можем сейчас набрать по конкурсу... Лучшие кадры заложены в этой среде. Конечно, я там записываю, что он там закончил... Но в конце концов человека подбираешь, нравится он тебе или нет» (предприниматель, 1965 г. р.).

Но ситуация на фирме не осталась герметичной, и взаимоотношения в коллективе, как и взгляды респондента, подверглись эрозии, вызванной как макроэкономическими влияниями, так и капиталистической этикой труда:

«...В принципе я знал, что очень опасно приглашать на работу близких людей, друзей... У нас была однажды проблема с близким другом — не сработались. Так и разошлись... Мне кажется, он просто поменялся. Зачастую люди в работе и на отдыхе разные. Если я чувствую, что человек любит работу, я многое ему прощу, потому что мы на этой почве в контакте» (предприниматель, 1965 г. р.).

В последних приведенных отрывках манифестируется новое социальное содержание, новые смыслы, порожденные российской рыночной реальностью. При всем стремлении удерживать на плаву микроклимат друзей-единомышленников, рассказчик — в первую очередь, совладелец-директор фирмы, озабоченный ее процветанием. Это заставляет его взглянуть иначе на формальные/неформальные отношения.

«...Было мудро решено в свое время — дележка зарплаты, даже учредителям — все было отдано мне на откуп. Никто не знает толком, кто сколько чего. Мы решили, что пусть будет один человек и он один решает. Я предложил такую схему и все согласились...» (предприниматель, 1965 г. р.).

В этом нарративе ярко подана идея авторитарного руководства, упакованная в коллективистские ценности. Персонифицированное «я» возникает только в конце секвенции и с целью продемонстрировать лишь внешний толчок общему решению. В действительности, фоновая практика являет собой пример единоличного решения одного из самых острых

вопросов — распределения денег. Интересно то, что схватывается процессуальность изменений: туристские коллективистские нормы еще воспринимаются как ценность, но, одновременно, в недрах практики вызревают другие рациональности, отвечающие рыночным потребностям.

Типаж предпринимателя (накопление капитала как результат личной экономической инициативы)

Наш рассказчик — владелец строительной фирмы. Родом из провинции, из семьи педагогов, отец — директор школы. По воспоминаниям, *«я не считал отца авторитарным, был раскрепощен, много воли имел»*. Окончив технический институт и аспирантуру в Москве, обзаведясь семьей и двумя детьми, он оказался перед проблемой обеспечения семьи.

«...Пошел работать на кафедру. Наука была сопряжена с добыванием денег на предприятиях, хоздоговорах. В такой ситуации пробыл 2–3 года, разрываясь между чистой наукой и необходимостью делать какие-то дела, ведь так просто деньги не платят...» (предприниматель, 1964 г. р.).

Накопив небольшие деньги и активизировав околонучные связи, он организует совместное предприятие. Уходит из института и открывает собственную фирму.

«...Там ограничивали мою свободу, мнение, предписывали, как себя вести... Я стал менее доверчивым, сдержаннее; хорошо доверять, но лучше проверять... Я считаю, что МИФИ дал мне ту логику, которая позволяет мне легко сменить специальность. Я думаю, что мог бы работать и в строительстве и в торговле... Проще за месяц обучить МИФИ-ста чему угодно, чем брать профессионала и с ним работать... Необходима, на той работе, которой занимаюсь... какая-то совокупность минимальных знаний, там, по бухучету, по финансовому делу, банковскому, по работе с недвижимостью, юридические моменты очень нужны... И вот этот пробел в знаниях приходится возмещать чисто опытным путем... на ходу» (предприниматель, 1964 г. р.).

В приведенной секвенции представлены ориентация на личную самостоятельность и независимость в совокупности с тем типом образования (МИФИ), которое конвертируется в свободу предпринимательства, широту маневразанятостивответнапотребностирынка. Примечательно то, что здесь проговаривается конструктивистская установка на «возмещение» востребованных образовательных навыков при базовой рациональности образованного физика-инженера (работник-трансформер). Чисто институционально, его история бизнеса также демонстрирует поступательное накопление автономности и самостоятельности (институт — хоздоговора — совместное

предприятие — собственная фирма). В отношении социальной контрактации этот типаж предпринимателя демонстрирует необходимые для маневра занятости ресурсы, позволяющие отвергнуть неудовлетворяющую прежнюю схему и развернуться/освоить новую, рыночную, в которой меньше государственного патронирования, но больше свобод.

Типаж предпринимателя (полулегальное накопление капитала)

Инженер-программист, отец троих детей, тематизирует жизненную ситуацию человека, занявшегося спекулятивной торговлей. Вместе с женой, они оба утратили работу в классической ситуации 90-х: кризис неплатежей, бюджетное недофинансирование. Рассказчик занялся неразрешенной торговлей с рук, потом челночным бизнесом, затем оптовым, на грани легальности и нелегальности.

«Мы решили организовать какое-то свое предприятие. Отыскали несколько вариантов: самим открыться, под кем-то работать, под какой-то организацией... Потом стали открывать на молочной кухне компанию по продаже памперсов, решили, что это может дать объемную работу... Только когда мы уже начали работать с этим делом, то увидели, что там еще кто-то работает. Но ниша еще не была заполнена, но у нас не хватало организационного опыта, а бизнес, которым мы занимались, был неформальным. Нелегальный. Он не носил криминального характера, но он был нелегальный. Большинство людей прошло именно этот путь от нелегального бизнеса к легализации...» (предприниматель, 1962 г. р.).

Поиск своей ниши и нового культурного поля для самоутверждения выводит рассказчика в иное пространство, где представления о законности достаточно размыты, а представители власти — коррумпированы. Он пытается выстраивать новые для себя договорные начала, в которых уже нет места патронажу государства, а есть баланс зависящих от него взаимоотношений на основе рыночных обязательств.

«Я стал лучше разбираться в жизни, лучше понимать, какие этапы надо пройти, чтобы сделать дело. Понял, что такое заниматься делом, а не просто где-то сидеть... Никто мне 5-го и 20-го не принесет деньги на блюдечке с голубой каемочкой. Приходится самому адаптироваться и делать... У нас есть сложившиеся поставщики, места, склады, где мы покупаем товар. Взаимоотношения самые нормальные, человеческие. Потому что они делают дело, и мы делаем дело. Вот я делаю деньги — ко мне соответствующее отношение. Все-таки не может человек изначально плохой... стабильно делать деньги. Рано или поздно он где-нибудь проколется... Мне сейчас дают товар под честное слово, но при этом прошел достаточно большой период времени» (предприниматель, 1962 г. р.).

Умение стабильно делать деньги выступает здесь интересубъективным достижением рассказчика: он доказал не только себе, что он справился с этой задачей, но получил и признание других, выражающееся в кредите доверия. Этим позитивно завершилась смена его идентификации, произошедшая, когда он, технический интеллигент, пошел торговать на улицу. Потребность социального признания способствует и выкристаллизовыванию его понимания социального контракта:

«Здесь у нас нельзя честно зарабатывать, это не требуется... Да! Мы не честны в определенном смысле перед этим государством. Но и это государство в определенной мере не честно перед нами. Я лишь веду себя с ним так, как оно ведет себя со мной» (предприниматель, 1962 г. р.).

Его честность — феномен достаточно конвенциональный. Если государство не несет ответственности или меняет правила игры, то рассказчик пересматривает свои. Чье мнение для него референтно, так это ближний круг посредников, продавцов и покупателей, вовлеченных в его бизнес. Здесь он дорожит своей репутацией, которую нужно постоянно защищать в жесткой конкурентной борьбе («поехали с женой в отпуск, вернулись, а наших клиентов «увели»»).

В целом, лейтмотив со стороны бизнеса в части ожиданий от государства в основном сводится к самому простому — невмешательству, что гарантировало бы и стабильность. Государство в социальном контракте с бизнесом воспринимается предпринимателями эпохи 90-х не как партнер, от которого ожидается соблюдение правил, обеспечение среды взаимодействия, а, скорее, как потенциальная угроза постоянного вмешательства и переопределения правил игры. Поэтому от интервью к интервью звучал призыв не вмешиваться, а вовсе не ожидания помощи. С очевидностью, такой набор ожиданий свидетельствует о конфигурации неравновесного вертикального социального контракта 90-х, характеристикой которого является фактически забвение, если не попытка уклонения от контрактации: вы не вмешиваетесь, а мы работаем.

Заключение

Как показала ретроспекция опросов общественного мнения 90-х, легитимность решений, принимаемых властью в ту эпоху, была в кризисе. Кредит доверия сменялся общественным разочарованием, экономический фон приобретал временами угрожающий для правительства характер, вынуждающий к непопулярным шоковым мерам. Десятилетие 90-х поставило под сомнение прежнюю версию социального контракта как баланса ожиданий различных социальных групп населения. Теоретически, пересмотр девальвированного социального контракта был возможен, в первую очередь, в направлении нового набора институциональных правил игры, расширяющих

пространство для социальных маневров и снижающих социальную напряженность в пороговый момент. Но был возможен и тот вариант пересмотра социального контракта, который инерционно длит преемственность с прежними патерналистскими ценностями, родственен с советским патерналистским комплексом, включающим социальную защиту и лояльность, что оказалось характерно для определенных социальных групп, таких как рабочие, наемные работники, госслужащие. В отличие от них, предприниматели как наиболее самостоятельная и мобильная группа в обществе 90-х быстрее избавлялись от патерналистских установок и ожиданий и протраивали горизонтальные контрактные связи в бизнес-сообществе.

В целом, мы можем обоснованно предположить, что в эпоху 90-х имел место феномен кризиса легитимности власти, динамичная перестройка социальных контрактов, но синдром патернализма как якорная форма для прежней конфигурации вертикального социального контракта также был функционален в форме социальных ожиданий и инерции.

Литература

Артог Ф. Типы исторического мышления: презентизм и формы восприятия времени // Отечественные записки.

URL: http://magazines.russ.ru/oz/2004/5/2004_5_18.html (дата обращения: 08.09.2018)

Аузан А. Экономика всего. Как институты определяют нашу жизнь. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013.

Бьюкенен Дж. М. Сочинения. Т. 1: Конституция экономической политики. Расчет согласия. Границы свободы / Пер с англ.; гл. ред. Р. М. Нуреев. Фонд экономической инициативы. М.: Таурус Альфа, 1997. (Нобелевские лауреаты по экономике)

Вильцер Х. История, память и современность прошлого: память как арена политической борьбы // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41).

ВЦИОМ. База результатов опросов россиян «Архивариус» URL: https://wciom.ru/database/baza_rezultatov_oprosa_s_1992_goda/ (дата обращения: 12.10.2018)

Гайдук К., Ракова Е., Силицкий В. Социальные контракты в современной Беларуси. Минск, 2009.

Грушин Б. А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина. В 4 кн. Жизнь 2-я: Эпоха Брежнева. Ч. 2. М.: Прогресс-Традиция, 2006.

Дворкин Р. О правах всерьез / Пер. с англ.; ред. Л. Б. Макеева. М.: РОССПЭН, 2005.

Дискин И. Е. Институциональные рамки социального развития // Экономика России: теория и современность: материалы II Чайновских чтений, Москва, 2002. С. 83–95.

Капустин Б., Клямкин И. Либеральные ценности в сознании россиян // Полис. 1994. № 1. С. 68–92.

Клемин А. В. «Имиджевые эпитеты терминами не являются» // Современная Европа. 2015. № 5. С. 141–154.

Кузьмин А. С., Мелвин Н. Дж. и Нечаев В. Д. Региональные политические режимы в постсоветской России: опыт типологизации // Политические исследования. 2002. № 3. С. 142–155.

Курбатова М. В., Левин С. Н. Деформализация правил в современной российской экономике (на примере взаимодействия власти и бизнеса) // Terra economicus. 2010. Т. 8. № 1. С. 27–50.

Лавров А., Литвак Дж. и Сазерлэнд Д. Реформа межбюджетных отношений в России: «федерализм, создающий рынок» // Вопросы экономики. 2004. № 4. С. 75–83.

Лапина Н., Чирикова А. Стратегия региональных элит: экономика, модели власти, политический выбор. М.: ИНИОН РАН, 2000.

- Новгородцев Д. К экономической теории контракта. Красноярск: Красноярский государственный университет, 2006.
- Нуреев Р. М. Социальные субъекты постсоветской России: история и современность // Мир России. 2001. № 3. С. 3–66.
- Олейник А. Н. Институциональная экономика. М.: ИНФРА-М, 2000.
- Перегудов С. П. Корпоративный капитал и институты власти: кто в доме хозяин? // Полис. 2002. № 5. С. 74–84.
- Попов Н. «Лихие 90-е». Каким было общественное мнение в эпоху Ельцина. URL: http://kapital-rus.ru/articles/article/obschestvennoe_mnenie_v_epohu_elcina/ (дата обращения: 10.04.2018)
- Радаев В. В. Новый институциональный подход и деформализация правил в российской экономике. М.: ГУ-ВШЭ, 2001.
- Рогов С. М. Функции современного государства: вызовы для России // Свободная мысль. XXI. 2005. № 7. 56–68.
- Ролз Дж. Теория справедливости / Под ред. В. В. Целищева. Новосибирск: Изд-во Новосибирского университета, 1995.
- Сидорина Т. Ю. Перспективы социального контракта в современной России // Постсоветский институционализм — 2007: варианты институционального развития России — предпосылки, закономерности, перспективы. Сб. ст. Томск: Изд-во Томского государственного педагогического университета, 2008. Гл. 5. С. 86–103.
- Филиппов А. Ф. Конструирование прошлого в процессе коммуникации: теоретическая логика социологического подхода. Препринт WP6/2004/05. Серия WP6. Гуманитарные исследования ИГИ-ТИ, 2004.
- Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). С. 8–27.
- Cook L. J. The Soviet Social Contract and why it Failed: Welfare Policy and Workers' Politics from Brezhnev to Yeltsin. Harvard University Press, 1993.
- Hirschman A. "Exit, Voice, and the State" // *World Politics*, vol. 31, no 1 (October 1978), pp. 90–107.
- Jedlowski P. Memory and Sociology. Themes and issues. *Time and Society*, 2001, no 10 (1), pp. 29–44.

Дата поступления: 02.05.2019

Social contract in the era of the 90s

DOI: 10.19181/inter.2019.18.4

Elena Rozhdestvenskaya

Rozhdestvenskaya Elena — Doctor of Sociology, Professor of the Department of Sociology, the National Research University Higher School of Economics; Leading Researcher at the Institute of Sociology, FCTAS RAS, e-mail: erozhdestvenskaya@hse.ru

The article deals with the changing social contract in the era of the 90s. Combined several levels of analysis: reconstruction of the era of the 90s by methods of public opinion polls and a qualitative analysis of narratives about the era of the 90s, representatives of various social groups (workers, employees / civil servants, entrepreneurs). If public opinion polls the most important events of the era, which made up the historical memory of the generation who participated in the changes of Russian society, the narratives of the 90s contain a description of the experience and reflection of social actors regarding the limits and possibilities of this era. The conceptual framework of the study describes the concept of a social contract as a balance

of expectations between its performing individuals and social institutions. The social contract is operationalized as a set of action strategies that have been implemented by individuals and are the subject of their memories in the biographical interview mode. As a result of the study, a specification was made for representatives of the above-mentioned social groups of various social contracts that have undergone devaluation and changed during the 90s.

Keywords: era of the 90s, social contract, labor contract, social groups, biographical interviews

References

Artog F. (2018) Tipy istoricheskogo myshleniya: prezentizm i formy vospriyatiya vremeni [Types of historical thinking: presentism and forms of time perception]. *Domestic notes*. URL: http://magazines.russ.ru/oz/2004/5/2004_5_18.html (appeal date: 09/08/2018)

Auzan A. (2013) *Ekonomika vsego. Kak instituty opredelyayut nashu zhizn'* [Economy of everything. How institutions define our lives]. M: Mann, Ivanov and Ferber.

Buchanan J.M. (1997) Konstitutsiya ekonomicheskoy politiki. Raschot soglasiya. Granitsy svobody [Works. The constitution of economic policy. Calculation of consent. Frontiers of Freedom], in: Buchanan J. M. *Sochineniya*, vol. 1. M: Taurus Alpha.

Cook L. J. (1993) *The Soviet Social Contract and why it Failed: Welfare Policy and Workers' Politics from Brezhnev to Yeltsin*. Harvard University Press.

Diskin I. E. (2002) Institutional Framework for Social Development [Institutional framework of social development]. *Economy of Russia: Theory and Modernity: Proceedings of the II Chayanov Readings, Moscow*, pp. 83–95.

Dvorkin R. (2005) *O pravakh vser'yoz* [About Rights Seriously]. Trans. from English; ed. L. B. Makeeva. M: ROSSPEN.

Filippov A. F. (2004) *Konstruirovaniye proshlogo v protsesse kommunikatsii: teoreticheskaya logika sotsiologicheskogo podkhoda* [Constructing the past in the process of communication: the theoretical logic of a sociological approach]. Preprint WP6/2004/05. WP6 series. Humanitarian research IGITI,.

Gaiduk K., Rakova E., Silitsky V. (2009) *Sotsial'nyye kontrakty v sovremennoy Belarusi* [Social Contracts in Modern Belarus]. Minsk.

Grushin B. A. (2006) *Chetyre zhizni Rossii v zerkale oprosov obshchestvennogo mneniya. Ocherki massovogo soznaniya rossiyan vremen Khrushcheva, Brezhneva, Gorbacheva i Yel'tsina* [Four lives of Russia in the mirror of public opinion. Essays on the mass consciousness of Russians in the times of Khrushchev, Brezhnev, Gorbachev and Yeltsin] (in 4 books). 2nd Life: The Epoch of Brezhnev. Part 2. M: Progress-Tradition.

Halbwachs M. (2005) Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat' [Collective and historical memory]. *Indispensable reserve*, № 2–3 (40–41), pp. 8–27.

Hirschman A. (1978) "Exit, Voice, and the State". *World Politics*, vol. 31, no 1, October, pp. 90–107.

Jedlowski P. (2001) Memory and Sociology: Themes and issues. *Time and Society*, no 10 (1), pp. 29–44.

Kapustin B., Klyamkin I. (1994) Liberal'nyye tsennosti v soznanii rossiyan [Liberal values in the minds of Russians]. *Polis*, no 1, pp. 68–92.

Klemin A. V. (2015) "Imidzhevyye epitety terminami ne yavlyayutsya" [Image epithets are not terms]. *Modern Europe*, no 5, pp. 141–154.

Kurbatov M. V., Levin S. N. (2010) Deformalizatsiya pravil v sovremennoy rossiyskoy ekonomike (na primere vzaimodeystviya vlasti i biznesa) [Deformalization of the rules in the modern Russian economy (for example, the interaction of government and business)]. *Terra economicus*, vol. 8, no 1, pp. 27–50.

Kuzmin A. S., Melvin N. J., Nechaev V. D (2002) Regional'nyye politicheskiye rezhimy v postsovetskoy Rossii: opyt tipologizatsii [Regional political regimes in post-Soviet Russia: the experience of typologization]. *Political studies*, no 3, pp. 142–155.

Lapina N., Chirikova A. (2000) *Strategiya regional'nykh elit: ekonomika, modeli vlasti, politicheskiy vybor* [Strategy of regional elites: economics, power models, political choice]. M: INION RAS.

Lavrov A., Litvak J., Sutherland D. (2004) Reforma mezhyuzdzhetykh otnosheniy v Rossii: "federalizm, sozdayushchiy rynek" [Reform of intergovernmental relations in Russia: "federalism creating a market"]. *Voprosy Ekonomiki*, no 4, pp. 75–83.

Novgorodtsev D. (2006) *K ekonomicheskoy teorii kontrakta* [To the economic theory of the contract]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University.

Nureev R. M. (2001) Sotsial'nyye sub'yekty postsovetskoy Rossii: istoriya i sovremennost' [Social subjects of post-Soviet Russia: history and modernity]. *World of Russia*, no 3, pp. 3–66.

Oleynik A. N. (2000) *Institutsional'naya ekonomika* [Institutional economy]. M: INFRA-M,.

Peregudov S. P. (2002) Korporativnyy kapital i instituty vlasti: kto v dome khozyain? [Corporate capital and government institutions: who is the boss?]. *Polis*, no 5, pp. 74–84.

Popov N. (2018) "Lihye 90-e." *Kakim bylo obshchestvennoye mneniye v epohu Yeltsina* ["Dashing 90s." What was the public opinion in the Yeltsin era]. URL: http://kapital-rus.ru/articles/article/obshchestvennoe_mnenie_v_epohu_elcina/ (circulation address: 04/10/2018)

Radaev V. V. (2001) *Novyye institutsional'nyye podkhod i deformalizatsiya pravil v rossiyskoy ekonomike* [New institutional approach and deformalization of rules in the Russian economy]. M: GU-HSE.

Rogov S. M. (2005) Funktsii sovremennoy gosudarstva: vyzovy dlya Rossii [Functions of the modern state: challenges for Russia]. *Free thought*, XXI, no 7, pp. 56–68.

Rawls J. (1995) *Teoriya spravedlivosti* [Theory of Justice]. Ed. V. V. Tselishcheva. Novosibirsk: Novosibirsk University Press,.

Sidorina T. (2008) Perspektivy sotsial'nogo kontrakta v sovremennoy Rossii [Prospects for a social contract in modern Russia], in: *Post-Soviet Institutionalism – 2007: Options for the Institutional Development of Russia – Prerequisites, Laws, Prospects*. Digest of articles. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University Publishing House, ch. 5, pp. 86–103.

VCIOM. (2018) Baza rezul'tatov oprosov rossiyan "Arkhivarius" [Database of polls results of Russians "Archivist"]. URL: https://wciom.ru/database/baza_rezultatov_oprosa_s_1992_goda/ (appeal date: 10/12/2018)

Wilzer H. (2005) Istoriya, pamyat' i sovremennost' proshlogo: pamyat' kak arena politicheskoy bor'by [History, memory and the present of the past: memory as an arena of political struggle]. *Immunity reserve*. no 2–3 (40–41).

Received at: 02.05.2019

Вытесняя советское: особенности воспитания деловых людей из «подростков перестройки»¹

DOI: 10.19181/inter.2019.18.5

Роман Абрамов*

Данная статья призвана вернуть в аналитическое русло разговор об одном из относительно слабо изученных периодов истории нашей страны, к тому же находящемся в плену медийных и идеологических стереотипов — периоде 1990-х гг. Статья посвящена анализу мировоззрения и биографических траекторий «подростков перестройки» — тех, кому было 14–16 лет в период исторического перелома 1989–1991 гг., — с акцентом на переход к индивидуалистскому мышлению и ориентации на личностный и деловой успех. Все участники качественного исследования были выпускниками пензенской школы юных менеджеров (ШЮМ), целью которой стало обучение советских школьников начала 1990-х знаниям и идеологии рыночной экономики, маркетинга и бизнеса. Рассматривается история ШЮМ в Пензе, анализируется ее учебный план и концепция работы со слушателями в связи с выполнением задачи воспитания «деловых людей» для новой России. Анализируется рецепция слушателями ШЮМ идей Дейла Карнеги и «карнегизма», находившихся в центре обучающих программ не только этой, но и других школ юных менеджеров начала 1990-х. Прослеживается мировоззренческая эволюция слушателей ШЮМ под влиянием работ Карнеги. Специальное внимание уделяется размышлениям о месте «подростков перестройки» в современной России с учетом исследований, в которых эта

¹ Данная публикация подготовлена при финансовой поддержке Фонда «Президентский центр Б. Н. Ельцина» в рамках проекта «Социальная история России (1990-е годы)», реализуемого в НИУ ВШЭ.

* Абрамов Роман — доктор социологических наук, доцент кафедры анализа социальных институтов департамента социологии факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; старший научный сотрудник отдела теории и истории социологии ФНИСЦ РАН, e-mail: socioportat@yandex.ru

группа называется «потерянным поколением» или «несостоявшимся поколением». Статья опирается на материалы эмпирического исследования — изучения тематических источников и интервью со слушателями ШЮМ начала 1990-х.

Ключевые слова: перестройка, личный успех, карнегизм, устная история, биография

В последнее время вышло несколько публикаций, посвященных возрастной категории жителей России, чей подростковый период пришелся на момент поздней перестройки и период начала 1990-х гг. с его сложными экономическими, политическими и ценностными перипетиями. Кто-то считает, что это люди 1971–1973 гг. рождения (Анипкин, 2018), другие исследователи относят к этой категориальной группе тех, кто родился в 1970-х (Kruglova, 2017). Вполне вероятно, это действительно размытая по дате рождения группа, поскольку ее разные представители имели неодинаковые траектории социализации: кто-то долго учился, а кто-то, не окончив школы, становился «силовым предпринимателем» (Волков, 2012), владельцем коммерческого киоска, рок-звездой², редактором богемного журнала³ и т. п. Не уверен, что к этой группе применимо понятие «поколение» в его демографическом или культурном и метафорическом смыслах, как пишет в своей книге А. Юрчак о родившихся десятилетием раньше (Юрчак, 2014). Скорее, мы можем говорить о воображаемой общности, на чей подростковый возрастной перелом наложился исторический перелом, который стал следствием накопившейся за предыдущие десятилетия усталости советской системы, сломавшейся мгновенно, с яркой вспышкой, оставившей след на биографиях участников и свидетелей. Предполагается, что это «перестроечное» поколение с амбивалентной советской и российской идентичностью» (Анипкин, 2018), которое сохранило в себе остатки социалистического романтизма и идеализма, однако росло и вступало во взрослую жизнь в период, когда нарочитый цинизм, агрессивный напор и даже «наглость» (Kruglova, 2017) давали больше шансов на успех. Сегодня они всё еще считают себя рациональными индивидуалистами (Абрамов, Зудина, 2010; Новый быт, 2009), но пытаются найти мировоззренческое укрытие в демонстрации семейных ценностей, ироничной аполитичности и духовных и интеллектуальных исканиях в виде различных хобби или систем верования.

В данной статье я решил обратиться к одной из подгрупп «перестроечных подростков» — слушателям школ юных менеджеров, которые в 1990-е годы стали своеобразными центрами образовательной и идеологической борьбы по вытеснению советского языка, мировоззрения и способов действия

² О трансформации неформальной музыкальной сцены 1990-х в Санкт-Петербурге см. сборник воспоминаний участников событий (Стогов, 2016).

³ О московской молодежной богемной тусовке 1990-х см. полудокументальный роман Игоря Шулинского (Шулинский, 2016).

некими «рыночными» моделями поведения, связанными с ориентацией на личный успех, овладение сленгом западного менеджмента и идентификацией себя с несоциалистическим будущим страны. Школы юных менеджеров были организованы почти одновременно в 1989–1990 гг. в разных городах страны, и их слушателями были в основном школьники 9–11 классов, посещавшие эти неформальные учебные заведения как учреждения дополнительного образования.

Информационная база исследования

В ходе реализации исследовательского проекта «Социальная история России (1990-е годы)», помимо анализа содержания публикаций деловой прессы 1989–1993 гг. и научных социологических публикаций о молодежи того времени, было собрано пятнадцать интервью с выпускниками пензенской школы юных менеджеров (далее — ШЮМ) первых лет ее работы (1990–1993 гг.). Выбор выпускников этой школы обусловлен наличием относительно хорошо документированной истории ее создания в воспоминаниях организаторов и возможностью доступа в поле через личные сети знакомств. Проблема поиска информантов заключалась в отсутствии актуальных списков выпускников и их контактных данных: в социальных сетях отсутствуют онлайн-сообщества, объединяющие выпускников первых лет ШЮМ. Поэтому я использовал собственные контакты с одноклассниками и однокурсниками, окончившими эту школу, и через них выходил на более широкий круг выпускников. Системное смещение выборки, в данном случае, заключается в характере рекрутмента: более доступными для интервью были выпускники ШЮМ, чьи дальнейшие профессиональные и личные биографии сложились относительно благополучно: они работали в бизнесе или научно-образовательной сфере, где добились определенных успехов, у многих имеются аккаунты в социальных сетях. Те, кто «выпал» из благополучных траекторий российского «среднего класса», с меньшей вероятностью оказывались среди информантов. В основном информантами были мужчины (11 участников исследования), в той или иной мере реализовавшие амбиции успешных менеджеров или бизнесменов.

Быть свободным — быть богатым: понимание свободы в 1990-е гг.

В 1993 г. в Новосибирске был проведен опрос с целью выявления отношения населения к свободе (Шабанова, 1995). Нужно сказать, что год проведения опроса прошел под знаком растущих экономических трудностей и политического напряжения в стране, когда «романтический» период демократизации общества и надежд на «свободный рынок» стали уступать место разочарованию и даже озлобленности значительной части населения,

потерявшей привычное качество жизни и политически дезориентированной. В то же время имела часть населения, готовая к рыночным переменам и ощущавшая новый экономический порядок как пространство свободы и инициативы. О них и говорит М. А. Шабанова в публикации 1995 г.: в центре ее внимания — доля опрошенных, которую она обозначила как «свободолюбивые», не указывая при этом, каков процент этой категориальной группы от всей выборочной совокупности. Согласно результатам опроса, «свободолюбивых» «новая экономическая система в большей мере привлекает более широкими правами и свободой личности: среди них доля назвавших этот признак в 4,3 раза выше, чем среди всех остальных респондентов (43%). Большую их часть притягивает также возможность обеспечить высокий материальный достаток, что связывается, в первую очередь, с возможностью в новых условиях более полно проявить себя (38% против 14%), а также с перспективой стать собственником, организовать свое дело (32% против 10%)» (Шабанова, 1995). Интерпретация данных, представленная в статье М. А. Шабановой, интересна еще и тем, что автор оперирует популярными клише того времени, связанные с переходом к новой экономической реальности: в тексте упоминаются «активные рыночники», находящиеся в некоем особом психологическом состоянии «готовности к рынку», способные изменить «жизненный уклад», адаптируясь к последствиям экономических реформ, и т. п. Семантика авторского анализа наследует семантику позднеперестроечной прессы, где активно обсуждались перспективы быстрого выхода из кризиса посредством быстрого продвижения к «истинному рынку» (Абрамов, 2019). Среди моих информантов из числа выпускников пензенской ШЮМ были те, кто, еще будучи советскими пионерами, видели себя людьми, активно зарабатывающими деньги с помощью различных форм предпринимательства:

«Пионерия я не воспринимал никаким образом. Заветы Ильича и эти правила, я к ним относился никак, потому что, раз галстук нацепили, есть правило — нужно соблюдать. Я галстук носил. В пионеры меня приняли самым последним. Начал серьезно заниматься фотографией, фотографировать родственников, родителей в разных поездках, и потом серьезно увлекся музыкой — тяжелой музыкой, и она могла приносить некую прибыль. В 1987 году — пятый класс, мне пришла в голову мысль: почему бы не печатать фотографии и не продавать их среди таких же людей, которые тоже увлекаются музыкой. Берешь немецкий журнал, перефотографируешь его, делаешь фотографии и продаешь. Это был мой первый шаг в коммерцию, я впервые узнал, что такое спекуляция. Мой близкий родственник, который меня воспитывал — мой папенька, работал в структуре, которая боролась со спекулянтами, и как раз именно в этой семье начал расти спекулянт, который сначала спекулировал фотографиями, потом начал спекулировать звукозаписями, то есть, записал в одном месте за три рубля, и потом десяти человекам по три рубля стал продавать» (Михаил, 44 года, средний предприниматель).

М. А. Шабанова продолжила изучение отношения жителей страны к свободе. В конце 1998–1999 гг. в Новосибирске был проведен репрезентативный опрос трудоспособного населения (N=605), касающийся понимания свободы. Результаты опроса показали, что «важнейшим элементом и условием индивидуальной свободы в настоящее время чаще всего признаются деньги (“в наше время деньги решают всё”, “если есть деньги, есть всё”))» (Шабанова, 2000). При этом свобода участниками исследования рассматривалась как материальное и стабильное положение, включающее «достойную жизнь» для себя и семьи, которая приобретается с помощью «интересной» работы. Очень немногие участники опроса связывали понятие «свобода» с терминами «самостоятельность», «инициатива», «выбор», «ответственность», «независимость». Это вполне предсказуемая позиция для периода 1990-х, когда для значительной части населения главной задачей были не мысли о свободе, а забота о биологическом выживании; в исследовании М. А. Шабановой эта доля составила 48% от всех опрошенных (Шабанова, 2000). Иными словами, свобода понималась опрошенными прежде всего как возможность иметь финансовую и материальную независимость и реализовывать свои потребительские желания, но не свобода в политическом или даже правовом ключе. Участники моего исследования, начавшие заниматься мелким предпринимательством еще в школе в конце 1980-х гг., схожим образом объясняли свою мотивацию — поиском финансовой независимости от родителей и желанием приобрести товары престижного потребления в молодежной среде того времени (магнитофон, кроссовки, джинсовую куртку):

«Мы яблоки рвали в заброшенных садах. Никому не надо было. У нас был мотоцикл, у родителей машина была. Берешь сколько-то мешков этих яблок, привезешь на базар, половину дня посидишь, получишь зарплату. Деньги получишь такие, сколько, например, у меня мать получала за месяц, а я получал за день» (Василий, 45 лет, самозанятый предприниматель).

«Я работать начал с седьмого класса. Первая работа у меня была на безалкогольном комбинате, я бутылки расставлял на конвейере. Потом было что-то там купить, чтобы здесь потом продать и у родителей на кроссовки деньги не просить. Я прекрасно помню, что после 10 класса я заработал за два летних месяца в два раза больше, чем мой отец. Для него это было в некоторой степени «удар ниже пояса», но, с другой стороны, он спокойно к этому отнесся, но эта ситуация возникала именно таким образом. Но это еще не бизнес, это мелкая фарца — на карманные расходы юному пионеру, и чтобы учебе не мешало» (Игорь, 43 года, топ-менеджер крупного холдинга).

Исследователи, проводившие опросы подростков, выросших в девяностые (то есть тех, кто был на 3–5 лет младше первых слушателей ШЮМ

Пензы), отмечали, что эта когорта является «самостоятельными, “теоретически” не зависящими от родителей людьми, озабоченными исключительно собственной судьбой, где на первом месте стоит желание разбогатеть, хорошо устроиться в жизни, иметь свое дело: 39% из них ставили счастье в прямую зависимость от количества денег. Это поколение, в котором рыночный романтизм (мечты о “красивой жизни”, власти, богатстве) самым тесным образом переплетались с прагматизмом (ставка на собственные силы, карьеру, готовность к социально неодобряемым действиям). В экономическом сознании и поведении подростков кризис общества отразился в наибольшей мере, поскольку он пришелся на период их активной социализации. Их отношение к деньгам — результат влияния и возрастных особенностей, и кризиса всего общества» (Абрамова, 2000).

В. С. Магун вместе с украинскими коллегами на протяжении десятилетия (1985–1995 гг.) исследовал динамику притязаний молодежи России и Украины, связанных с карьерными амбициями, материальным статусом и т. д. (Магун, 1998). Авторы исследования отмечали рост притязаний молодежи в отношении возможной должностной позиции: больше опрошенных стали мечтать о должности руководителя крупного предприятия (холдинга) и меньше — о руководстве небольшим коллективом (уровень рабочей бригады). Авторы исследования связывали рост властных притязаний у молодежи с «растормаживанием» сознания, являющимся одним из результатов «процессов разрушения тоталитаризма и освобождения личности, происходящих в бывшем Советском Союзе с 1985 года и повлиявших на процесс социализации юношей и девушек, оканчивающих среднюю школу в 90-х годах» (Магун, 1998). Те, о ком писал В. С. Магун в те годы, в 2019 г. находятся в возрасте от 40 до 50 лет и составляют основу трудоспособного активного населения России и Украины. При этом в отношении этой части населения России распространено мнение, что именно оно стало главным интересантом и бенефициаром длительного периода «путинской стабильности» и общественного договора, предусматривающего рост экономических стандартов жизни (Гладарев, Цинман, 2007) в обмен на аполитичность. Подростки 1990-х активно делали карьеры (тогда их называли «офисным планктоном») и обзаводились семьями в первое десятилетие 2000-х, отвлекшись от политики, причем заметная их часть встала на консервативные позиции после «крымской весны» 2014 г., или полностью заменив политические притязания потребительскими, реализуемыми в семейных ценностях, обустройстве жилья, хобби. Они стали «рефлексивными консьюмерами» (Абрамов, Зудина, 2009) и хорошо разбираются в дизайне интерьеров, марках смартфонов или автомобилях, могут дать экспертное заключение о качестве вина или выборе лучшего места отдыха. Многие из них внутренне не согласны с действиями государства или скорее недовольны качеством государственных услуг, коррупцией, однако не готовы открыто протестовать, ограничиваясь «кухонными разговорами» в социальных сетях и мессенджерах. К тому же работа или бизнес самых успешных из них напрямую связаны или зависят от государства: их компании обрабатывают госзаказы, они сами являются

госслужащими или работают в квазигосударственных организациях, и даже если это коммерческие структуры, то чаще всего тесно интегрированные с региональной властью (Кордонский, 2008). Иными словами, сами бывшие «юные менеджеры» являются частью государственной системы.

В моем корпусе интервью тема политических притязаний выпускников ШЮМ Пензы специальным образом не рассматривалась, но из биографий информантов, ставших успешными предпринимателями или топ-менеджерами, я знал, что их компании вовлечены в тендеры на государственные заказы, их компании вполне лояльно относились и стимулировали сотрудников к участию в официальных общественных мероприятиях (первомайская демонстрация, спонсорство городских праздников по заданию областных властей, участие в повышении явки на выборах), а часть информантов включена в региональные бизнес-элиты. Из неформальных разговоров выяснялось, что информанты не рассматривают эту активность как форму политического участия: они лишь делают то, что помогает сохранять и развивать их бизнес в имеющихся обстоятельствах. Гибко реагируют на запросы среды, не считая это «политикой». Лишь один информант высказал отрицательную точку зрения в адрес сложившегося социального и политического порядка в стране. При этом он выпал из крупного бизнеса, где был наемным менеджером, и после уголовного преследования стал неформальным малым предпринимателем, чья бригада занимается строительством и ремонтом частных домов. Он настроен критически к существующим российским реалиям:

«Страна не туда идет. После 2014 года — вообще заметно стало. Налоги, воровство, сейчас инициативу подавляют везде. И в бизнесе тоже» (Василий, 45 лет, самозанятый предприниматель).

В средствах массовой информации (Бирюков, 1990) и даже в экспертном сообществе в начале 1990-х сложилось мнение о том, что население страны за советский период «испортилось», потеряло способность к упорному труду и инициативе и обладает низкой экономической культурой:

«Сформированная в СССР экономическая культура представляла собой совокупность черт экономического сознания и поведения, вытекавших из господствующей идеологии и политики. (...) Например, такие особенности экономической культуры населения бывшего СССР, как уравнилельная психология, нетерпимость к богатым и богатству, несомненно, можно отнести к господствовавшей в стране идеологии социального неравенства, мифов о преодолении различий между умственным и физическим трудом, верхами и низами, городом и деревней. Корни иждивенчества можно найти в господствовавшем культе советского государства с присущими ему якобы чертами общенародности и всемогущества» (Рывкина, 1994).

Поэтому залогом успешного перехода к рыночной экономике сторонники реформ считали, в том числе, воспитание у населения страны лояльного отношения к предпринимательству и выработке несоциалистической экономической культуры. Предполагалось, что обретение веры в «рынок»

является формой «деидеологизации экономического сознания», когда люди перестают «смотреть на экономическую жизнь через призму научно-го коммунизма» (Рывкина, 1994). Именно в то время рыночные отношения и ориентация на ценности личного материального успеха стали рассматриваться не как часть новой идеологии, но как само собой разумеющийся порядок вещей. Славой Жижек в своем критическом труде, посвященном анализу неolibеральной идеологии, показал, что идеология «свободного рынка» после провала коммунистического проекта стала восприниматься как естественное положение вещей и единственно возможный способ организации обмена товарами и услугами в человеческом обществе:

«Идеологическая натурализация глобального капитализма достигла сегодня беспрецедентного уровня: редко кто даже осмелится помечтать в утопических мечтах о возможных альтернативах; один за другим немногие сохранившиеся коммунистические режимы заново изобретают себя в качестве авторитарных защитников нового, еще более динамичного и эффективного «капитализма с азиатским лицом». (...) Утопии альтернативного мира исчезли, будучи вытесненными господствующей утопией, которая выдает себя за воплощение прагматического реализма» (Жижек, 2011: 47–48).

Слушатели школ юных менеджеров были благодарной аудиторией для принятия рыночного мировоззрения, поскольку их детство пришлось на время товарного дефицита позднего застоя, дряхления социалистической идеологии и окончательного разрыва между частной жизнью советских людей, озабоченных повышением материального благосостояния, и надоевшими заклинаниями советской прессы об успешном построении «реального социализма». К тому же гласность позволила открыть и публично обсуждать многие темные страницы советского прошлого — политические репрессии и военное вмешательство в дела других государств, — что окончательно подорвало веру в социалистический проект. Конечно, будучи детьми, подростки рубежа 1980–1990-х гг. не воспринимали происходившее рационально, а, скорее, ощущали и впитывали меняющиеся общественные настроения по разговорам родителей, телепрограммам, неуверенным интонациям школьных учителей. И они были готовы принять новое мировоззрение, которое к тому же предполагало ориентацию на западные потребительские стандарты.

В философском эссе о притязаниях как теоретической категории А. Согомонов говорит о том, что в мире высокого модерна «в пространстве биографических проектов торжествует принцип индивидуального планирования собственной жизни самим человеком. Каждый выбирает свою биографию из широкого спектра возможностей, включая социальную группу или субкультуру, с которой он хотел бы себя идентифицировать» (Согомонов, 1998: 104–122). Соответственно, рефлексивная биографическая индивидуализация приходит на смену «традиционной категоризации социального пространства индустриального общества — классовой принадлежности, социальной стратификации и т. д.» (там же). Действительно, перестройку и 1990-е годы можно считать временем открывшихся социальных лифтов,

когда каждый в силу своей воли и желания или вынужденно (потеряв работу или жилье) мог трансформировать свой биографический проект, переменив образ жизни, род занятий и пробуя себя в новых видах деятельности, включая политику, бизнес или силовое предпринимательство. Информанты, окончившие ШЮМ и затем ставшие успешными предпринимателями, указывали на открывшиеся тогда перспективы и обозначали свой сознательный разрыв с биографическими проектами родителей, которые могли быть, например, квалифицированными рабочими или офицерами милиции. Иногда этот разрыв был травматичным, поскольку родители не понимали стремлений их детей к личному и финансовому успеху через бизнес, предлагая им действовать традиционным образом — через рост образовательного капитала и его реализацию в привычных условиях крупных организаций:

«В 1992 г. меня родители перевели в другую школу и о предпринимательской деятельности, связанной с рекламой, я на какое-то время забыл. Вообще, родители к этому негативно скорее относились — им важна была успеваемость, институт, чтобы хорошую работу получить. Они инженеры советские, в НИИ работали» (Алексей, 42 года, американский предприниматель).

Однако наиболее «харизматичные» из выпускников ШЮМ предпочли трудный путь собственного бизнеса, оставив образование «на потом», так как в тот момент не видели смысла в длительном и полноценном высшем образовании:

«Те предметы, которые меня интересовали, а именно, психология, управление, коммуникации среди людей — они появлялись только на четвертом курсе. Я увидел все это, я говорю: “Я четыре года буду кирпичи изучать?”⁴ Я сюда пришел людей изучать, я пришел изучать, как управлять людьми, а не как устроены кирпичи и как плитку ломать, сопротивление физики, химии, всё”. И я ушел после первого курса. Совмещать работу и учебу было совершенно невозможно, поэтому я стал только работать. Я поступил на работу в одну из коммерческих фирм, которые тогда еще только-только начинались: это сеть ларьков, где торговали сникерсами и газировкой» (Михаил, 44 года, средний предприниматель).

Впрочем, новые социальные лифты приоткрылись на очень короткое время. Предварительный анализ состава слушателей пензенской ШЮМ и других школ юных менеджеров показывает, что уже в 1994–1995 гг., когда некоторые из них стали платными, отбор туда производился в том числе и на основе информации о статусе родителей потенциальных слушателей,

⁴ Информант учился на факультете менеджмента Пензенского инженерно-строительного института, ныне ПГУАС.

а сами школы привлекали представителей нового класса предпринимателей и наемных менеджеров из бизнеса, которые желали передать своим детям свой классовый статус. К тому же некоторые школы юных менеджеров, включая пензенскую ШЮМ, заняли нишу подготовительных отделений для факультетов менеджмента и маркетинга, открывшихся в 1990-е гг. и сразу ставших престижными, поскольку ожидалось, что их выпускники будут готовы для работы в условиях рыночной экономики. То есть рефлексивный биографический проект с множественностью выбора довольно быстро вернулся в прокрустово ложе детерминации, когда воспроизводство форм капиталов следующими поколениями стало снова работать в режиме отлаженной бурдьевистской машины социальной селекции (Bourdieu, 1994; Bourdieu, Passeron, 1990; Бурдьё, 2004).

Школа юных менеджеров Пензы: история организации

Инициатором организации пензенской ШЮМ стал амбициозный доктор экономических наук⁵, профессор, заведующий кафедрой экономики и организации строительства ПИСИ⁶ Семен Резник⁷, который к 1990 г. из исследователя текучести кадров и трудовых ресурсов в строительстве эволюционировал в сторонника рыночной экономики и научного менеджмента западного типа с сильными элементами идеологии «карнегизма»; эти три элемента и стали основой обучающей программы школы юных менеджеров и затем факультета менеджмента в ПИСИ.

Первое организационное собрание слушателей ШЮМ Пензы состоялось 9 сентября 1990 г.⁸ в средней школе № 58. В этой школе, расположенной в центральной части города, тогда учились оба сына С. Резника, и он решил именно там сделать базу для нового учебного заведения. За редким исключением, слушателями школы могли стать ученики 10-х классов: они обучались в ней в течение двух лет и для получения итогового сертификата должны были сдать две письменные работы — «курсовую» и «выпускную», представлявшие собой расширенный аналог студенческих рефератов. Поскольку С. Резник был выходцем из вузовской среды, то и построил обучение в ШЮМ по вузовским стандартам, начиная с введения расписания

⁵ Докторскую диссертацию на тему, близкую к проблематике менеджмента, «Управление трудовыми ресурсами отрасли народного хозяйства (на примере строительства)» С. Резник защитил в 1989 г. в Ленинградском инженерно-экономическом институте.

⁶ Тогда ПИСИ — Пензенский инженерно-строительный институт, сейчас это ПГУАС — Пензенский государственный университет архитектуры и строительства.

⁷ О жизненном пути С. Резника см. (Резник, 2014).

⁸ Точная дата этого собрания известна благодаря сохранившейся записи в моем дневнике, который я вел с мая 1990 г. до конца 1997 г.: «Сегодня в 10 часов состоялось организационное собрание ШЮМа Сначала перед нами выступила директор школы. Она говорила о том, что мы будем проходить в этой школе. Написали заявления. В ШЮМ попало много людей из других школ. Занятия начнутся 13 октября. (...) После директора стал говорить руководитель ШЮМа — Резник. Он говорил, какие издания нужно выписать, чтобы разбираться в экономике» (дневник Р. Абрамова, Тетрадь № 1).

в формате вузовских «пар» и заканчивая привлечением к преподаванию сотрудников пензенских вузов, специализировавшихся на теории управления, экономике и журналистике. В то же время С. Резник старался расширять кругозор слушателей посредством приглашения на встречи и (если использовать современную лексику) «мастер-классы» пензенских предпринимателей, специалистов по этикету, психологов, даже представителей различных конфессий.

Идеология создаваемой ШЮМ была представлена С. Резником в двух обширных статьях, опубликованных в двух сентябрьских номерах главной областной газеты, официального печатного органа Пензенского Обкома КПСС «Пензенская правда» за 1990 г. Первая статья «Бизнес — это дело» (Резник, 1990а) состояла из риторической аргументации в пользу «делового человека», чья основная цель — «не стремление к “сытой жизни”, а призвание “делать деньги”, вкладывая их в любое дело, приносящее прибыль». Так «само дело для настоящего бизнесмена превращается в смысл его существования». Продвигая идею «нового делового человека», автор использует отсылки к самым разным типам аргументации: от семантических дефиниций из популярного словаря русского языка Ожегова и данных анкетных опросов до отсылок к высказываниям православных иерархов, призывающих совершать «малые дела», которые ложатся в основу «больших дел». Конечно, этот образ «делового человека», созданный воображением советского ученого, специалиста по научной организации труда (НОТ), был основан на очень отдаленных представлениях о характере труда бизнесмена, часть которых, очевидно, почерпнута из недавно распространившихся видеокопий зарубежных фильмов (один из таких фильмов упоминается в статье), чтения переведенных американских пособий делового успеха и представлений советского человека о западном бизнесе. Вторая часть программного манифеста С. Резника получила название «Предприимчивость» и была опубликована в следующем номере «Пензенской правды» (Резник, 1990b). В этой статье автор отталкивается от негативного образа советского человека (руководителя), характеризуя его как безынициативного, стремящегося избежать рисков, инертного, и выводит на авансцену образ успешного менеджера (предпринимателя), который отличается *«деловой активностью, самообладанием, инициативностью, находчивостью, деловой хваткой, умением увязывать свои цели с реальными условиями, наличием чувства нового, творческим подходом к делу, стремлением выполнить любую работу наилучшим образом, постоянной неудовлетворенностью собой и тягой к самосовершенствованию, способностью доводить начатое дело до конца»*. По сути, предприимчивость в этом высказывании охватывает собой все качества гибкого, идеального работника, описанные в известном исследовании о новом духе капитализма Э. Кьяпелло и Л. Болтански (Болтански, Кьяпелло, 2011; Абрамов, Климова, 2010).

Впрочем, довольно значительное место в характеристике «предприимчивого» человека С. Резник отводит свойствам характера, присущим веберовскому буржуа с его протестантской этикой упорного труда и здравого

смысла: «В основе воспитания бережливости лежат такие качества, как аккуратность и точность, старательность, усердность». При этом имен М. Вебера и В. Зомбарта автор статьи нигде не упоминает, что позволяет предположить спонтанный характер подобного описания предприимчивого человека. Однако предприимчивый человек нового типа не лишается «права на риск», хотя такое право реализуется только вместе с системой взаимного доверия. В целом, образ нового делового человека по С. Резнику — это образ предпринимателя и управляющего, действующего в условиях промышленного капитализма, где «движущей силой предпринимателя была не ростовщическая “к злату проклятая страсть”, а страсть к расширению Дела, имеющего организационную форму промышленного предприятия» (Давыдов, 1998: 467). Такой «деятельный человек» может разбогатеть, но это будет «действительно богоугодное богатство, свидетельствующее о благорасположении к тому, кто его производит, самого Бога, достижимое, согласно новому предпринимательскому этосу, лишь на путях напряженного, систематического, непрерывного, а главное, продуктивного труда, замещающего в сознании верующего протестанта <...> монастырский “труд молитвы”» (там же). Третья статья С. Резника «Как помочь бизнесмену» (Резник, 1990с) завершает цикл и начинается с тезиса о негативной роли бюрократизма в развитии свободного духа предпринимательства. Идея автора заключается в том, чтобы создать правовую базу для бизнеса и убрать «преграды» со стороны государства для развития бизнеса. Именно это, по мнению автора, даст импульс развития «подлинному рынку». В этой статье С. Резник постулирует необходимость создания специального учебного заведения для воспитания нового поколения предпринимателей и управленцев и говорит о планирующемся открытии такой школы в Пензенском инженерно-строительном институте (в описываемом виде эта идея не была реализована) и при школе № 58.

«Гармонично развитый менеджер»: о программе обучения в пензенской ШЮМ

Пензенская ШЮМ⁹ под разными названиями работала до начала 2000-х гг. и стала подготовительным этапом для выходцев из пензенского среднего класса, административной и деловой элиты при поступлении в вузы на престижные в то время специальности по экономике и менеджменту¹⁰. В целом, для слушателей это стало хорошей возможностью погрузиться в вузовскую культуру, подготовиться к будущему обучению в системе высшего образования. Соответственно, содержание обучения

⁹ В 1994 г. ШЮМ была переименована в ПАЮМП (Пензенская академия юных менеджеров и предпринимателей), а затем, уже в конце 1990-х гг., стала ПАЛИДЕК (Пензенская академия лидерства и деловой карьеры).

¹⁰ В своих воспоминаниях С. Резник пишет: «Воспитанников Академии я отбирал лично, задавая им непростые вопросы в присутствии их родителей» (Резник, 2014: 117).

в ШЮМ было близким к вузовским дисциплинам управленческого профиля. В итоговом сертификате выпускника первого набора можно увидеть следующие курсы: «Социально-психологические методы руководства» (24 учебных часа), «Организация личного труда менеджера» (10 часов), «Правовые основы управления» (8 часов), «Основы экономической теории» (24 часа), «Экономика предприятия» (16 часов), «Информатика и работа на персональных компьютерах» (24 часа), «Культура делового общения» (6 часов) и т. п. По сути, ШЮМ предлагала вполне современную для того времени подготовку по базовому курсу рыночной экономики и менеджмента. С. Резник в то время был поклонником советского НОТ, в частности, идей руководителя ЦИТ и революционного поэта-романтика А. Гастева, прежде всего, его книги практических советов по самоорганизации труда «Как надо работать» (Гастев, 1972), а также советско-американского специалиста по менеджменту В. А. Терещенко (Терещенко, 1970). К моменту начала работы ШЮМ уже были переведены труды Д. Карнеги и некоторые биографии успешных менеджеров и предпринимателей — например, «Карьера менеджера» Ли Якокки (Якокка, 1990) — которые предлагались слушателям в качестве обязательного чтения. Как оказалось, сегодня бывшие слушатели ШЮМ относительно неплохо помнят Д. Карнеги, а остальных авторов практически не помнят. Харизматичная манера ведения занятий С. Резником и его почти мессианская вера в рецепты американского гуру «личностного успеха» запомнились лучше, чем содержание занятий:

«Книжки конкретные — не помню ничего. Помню — читали. Но у меня не осталось в голове. В основном запомнила Резника как деятельного человека с багажом знаний, верующего в то, что преподает, и это помогло и нам поверить в это» (Елена, 43 года, бухгалтер).

В течение 1990-х гг. ШЮМ сдвигалась от простого обучения основам рыночной экономики и научного менеджмента к более широкой повестке, связанной с воспитанием лидерства и освоением коммуникативных практик, в том числе под влиянием методологии организационно-деятельностных игр Г. Щедровицкого: *«Запоминающимся событием в моей жизни стало обучение на семинаре для победителей конкурса инновационных педагогических проектов, где наша Академия стала номинантом. (...) Семинар проводил Петр Щедровицкий, известный игротехник и методолог, руководитель Школы культурной политики... Это обучение впоследствии помогло нам разработать проект Молодежного экономического лагеря»* (Резник, 2014: 120). Молодежный экономический лагерь стал одним из проектов ШЮМ¹¹ и представлял собой тотальную ролевую экономическую игру для детей и подростков в возрасте от 9–10 лет, где применялись технологии

¹¹ Технология и концепция молодежного экономического лагеря описана в диссертации младшего сына С. Резника — Игоря Резника, см. (Резник, 1998).

Г. Щедровицкого для иммерсивного включения в мир рыночной экономики и конкуренции.

В целом пензенская ШЮМ была частью относительно широкого движения школ юных менеджеров начала 1990-х гг., когда по всей стране открылись десятки подобных центров дополнительного образования (Абрамов, 2019), ставивших своей задачей перековку советских подростков в людей нового типа, способных стать успешными бизнесменами.

Биографические контексты выпускников пензенской ШЮМ: через оптику Карнеги

В центре моего внимания — мировоззренческая и идеологическая трансформация, превратившая «последних советских пионеров» в адептов личного и делового успеха. Деградация советской идеологии началась с конца оттепели, вместе с угасанием энтузиазма «шестидесятников», но эксплицитные формы, в виде легального перехода к «рыночной» идеологии личного успеха и прагматизации межличностных отношений, она приняла в позднюю перестройку, когда «карнегизм» и «психологизация общества» (Сироткина, Смит, 2008; Абрамов, 2019) стали востребованными возможностями идеологической миграции. «Карнегизм» — это мировоззрение, источником которого являются идеи американского гуру личного роста Дейла Карнеги, чьи работы массовыми тиражами стали выходить в России с конца 1980-х гг. и активно использоваться первыми консультантами по имиджу как пособие для перестройки личности с ориентацией на социальное манипулирование при достижении своих корыстных целей. Американский автор Д. Уэлш обобщил суть идеологии карнегизма, состоящей из простых тезисов:

«1) индивиды существуют в объективной реальности капиталистического гражданского общества; 2) деньги или прибыль являются легитимным арбитром социального успеха; 3) каждый предпринимает действия для максимизации денежной выгоды. Кража или насилие также являются путями для зарабатывания денег, однако идеология карнегизма предписывает не обращение к страху или угрозам, а использование привлекательных приманок и психологической манипуляции. (...) Обычный человек зависит от решений и мнений других — тех, кто контролирует доступ к выживанию и успеху, и для достижения успеха, измеряемого в денежном выражении или продвижении по карьерной лестнице, необходимо повлиять на решения и действия, совершаемые влиятельными другими» (Welsh, 1986).

Конечно, это очень марксистский критический взгляд на Д. Карнеги и его наследие, но, тем не менее, именно его труды открыли путь для всего богатства тренингов и литературы личного роста, которые и по сию пору являются неотъемлемой частью «лидерской» культуры корпоративного бизнеса. В школах юных менеджеров начала 1990-х Д. Карнеги был столь же обязательным источником к прочтению и практическому применению его

рецептов, как «цитатник» Мао в период китайской культурной революции. В моем исследовании я просил информантов вспомнить и рассказать о своем опыте знакомства и освоения идей Дейла Карнеги в период обучения в школах юных менеджеров.

В своем отношении к трудам Д. Карнеги участники исследования разделились на две группы: одни лишь с трудом припоминали о том, что им что-то подобное рекомендовали читать, а для других его книги послужили источником осознания себя, своей модели поведения и экспериментальным пособием по освоению окружающего мира. Вдохновленные «карнегизмом» воспринимали труды американского гуру личностного успеха как руководство к действию и вчитывались в эти книги, стремясь перенять методы поведения «настоящих деловых людей»:

«Первая вещь, которая меня сильно-сильно впечатлила — это Дейл Карнеги... Я просто не мог понять, почему одни люди успешны, другие не успешны, то есть, почему к одним с уважением относятся, а к другим не с уважением, почему с одними хотят общаться, а с другими не хотят, я видел это в среде, и я не понимал, почему один является лидером компании, к примеру, в классе, а кто-то нет. Я, когда прочитал книгу, я себе поставил цель: стать в классе номером один с точки зрения неформального лидерства, да. И я ее, считаю, тогда достиг. Благодаря этой книге» (Александр, 45 лет, владелец крупного бизнеса).

«Мало того, что читал, я это еще перечитывал, вникая, изучая, и пытаюсь проецировать на жизнь. Я пытался разложить главу на параграфы, из этих параграфов осознать какие-то тезисы, и эти тезисы пытался применить или в классе, или в школе юных менеджеров, или на улице, или при общении с родственниками. Я с каждой главой работал и экспериментировал, как это работает на людях, то есть, как это можно применить, и мне это было интересно, я пробовал, я экспериментировал, что-то у меня получалось, во что-то я вносил какие-то свои коррективы, просто я сейчас не помню. У меня даже были тетрадки, которые я вел, в которых я конспектировал вот эти вот пункты, тезисы, и записывал примерно результат, то есть, что мне это дало: во время общения с этим-то — получилось вот это, вот это» (Михаил, 43 года, средний предприниматель).

Те из информантов, кто серьезно подходил к освоению идей Карнеги, и сегодня интересуются литературой по достижению личного успеха и так же читают ее с карандашом в руке¹²:

«Мне нравился Наполеон Хилл “Думай и богатей!”. Я читал многие книги, которые были связаны с успехом людей: “Карьера менеджера” Ли Якокки, “Сделано в Японии” Акио Морита. Я их буквально проглатывал,

¹² Один из участников исследования активно вовлечен в движение саентологии Рона Хаббарда, полагая, что это способствует дальнейшему деловому успеху.

потому что старался вчитываться в каждое предложение. Что приводит людей к успеху, какие черты, какие качества, какие мысли?» (Дмитрий, 43 года, топ-менеджер крупной региональной компании).

В то же время, романтическая увлеченность Карнеги столкнулась с реалиями российской действительности 1990-х гг. и межкультурными различиями, которые не позволили превратить рекомендации американского автора в рецепты прямого действия. Некоторые из информантов, вдохновленных «карнегизмом», постепенно пришли к осознанию того, что далеко не все приемы эффективной коммуникации срабатывают в России. Их попытки буквально следовать правилам общения Дейла Карнеги приводили к коммуникативным полкам, превращались в эксперименты в духе Г. Гарфинкеля (Гарфинкель, 2007), проблематизировавшие сложившиеся местные фоновые практики взаимодействия с другими. Улыбка воспринималась как подвох, искренняя заинтересованность в другом — как способ получения личной информации, вежливость выглядела подозрительной:

«Эта улыбчивость, эта открытость, она людей сбивала с толка. Почему он такой искренний? Почему он улыбается? Если он искренний и если он улыбается — ему есть что скрывать. Если ему есть что скрывать — его нужно бояться. И меня стали бояться» (Михаил, 44 года, средний предприниматель).

«Возможно, это подходит к Америке, а у нас это работает фифти-фифти. Ты можешь какому-то человеку сказать просто: “Здорово, братан”, если он лучший друг, и всё, не надо ему никаких специальных подходов» (Василий, 45 лет, самозанятый предприниматель).

В моей выборке большинство участников исследования составляли юноши, хотя из тридцати шести человек первого выпуска пензенской ШЮМ четырнадцать слушателей — девушки. Я смог взять интервью у некоторых из них: практически все опрошенные смутно припоминали, что были книги Карнеги, которые рекомендовалось читать, но никто не проявлял к ним интереса тогда, и сегодня не обращается к идеям американского автора. Представления об «успешности» у выпускниц пензенской ШЮМ отличались от представлений выпускников. Интервью показали, что для женщин, получивших престижное, по региональным меркам второй половины 1990-х гг., образование (экономика, менеджмент, бухгалтерский учет), «успешными» личными и профессиональными стратегиями стало создание семьи, рождение детей и работа в финансовой сфере — в банке, налоговой инспекции, бухгалтерии и т. п. — в качестве рядового специалиста или руководителя подразделения. Другие профессиональные и карьерные возможности оказались серьезно ограничены в силу экономической ситуации в регионе и в стране в целом. К тому же общая нарастающая неразбериха

в 1991–1993 гг. привела к снижению образовательной мобильности для выпускников школ этих лет. Даже многие «отличники» и «медалисты», которые раньше попробовали бы свои силы, поступая в крупные университеты страны, нередко оставались в своем городе, выбирая из имевшегося небогатого набора специальностей и факультетов: родители не хотели отпускать детей в неизвестность, а рост инфляции ограничил их финансовые возможности. Для многих выпускников школ тех лет поступление на новые специальности в области менеджмента и экономики стало альтернативой обучению в крупных университетах других городов.

«У нас в 1992 году был самый первый набор экономистов, и у нас был очень сильный поток. Там был конкурс среди даже золотых медалей. У нас 60% студентов из 120 человек окончили институт с “красным” дипломом. И поэтому там было соревнование лучших из лучших» (Наталья, 44 года, бухгалтер).

К тому же практичные родители предполагали, что в условиях наступающего «рынка» более перспективными профессиями для их детей станут те, что связаны с экономической сферой, пусть и в ущерб их желанию и призванию:

«Я и не думала идти в экономику, я хотела идти в педуниверситет. Я даже в него поступила на физику и математику. Я поступила в два института — на физмат и сюда, на экономику. Родители категорически запретили мне идти в педагоги» (Ирина, 43 года, заместитель главного бухгалтера).

Данная информант во время беседы не раз возвращается к теме упущенного шанса стать учителем в школе, о чем мечтала в юности:

«Ориентация на успех в бизнесе — для меня это было не близко. Я была бы учительницей. А надо было выбирать приоритеты, что пригодились бы больше по жизни, что приносило бы больше материальных благ и меньше нервную систему портило — пошла на экономический. Хотя были периоды, когда я жалела о том, что я не пошла, особенно, когда родился второй ребенок. Я не могла потом найти работу очень долго. У меня была депрессия. Когда женщина выпадает из профессиональной сферы на несколько лет, очень тяжело потом обратно в нее зайти» (Ирина, 43 года, заместитель главного бухгалтера).

Другая участница исследования также поступила в школу юных менеджеров по желанию родителей, стремившихся найти для нее «надежную» профессию в новых условиях. Сама она хотела стать врачом, но смогла реализовать эту мечту только в своем ребенке, отправив дочь учиться в Москву на медика:

«Честно говоря, пошла в ШЮМ для более свободного поступления в институт. Я ничем таким не интересовалась ни тогда и ни сейчас. Я хотела на медицинский, а туда не отпускали родители. Время такое было — сложное, а в Пензе не было тогда медицинского. И раз меня не отпускали в медицинский — мне было все равно, куда поступать, лишь бы получить высшее образование. Я его получила. Зато я свою дочь отдала в медицину. Учится в Москве» (Виктория, 42 года, домохозяйка).

В поле зрения моего исследования оказались выпускники ШЮМ, которые затем сделали очень успешную бизнес-карьеру: часть из них — владельцы собственных компаний, кроме того, один из них является директором по маркетингу крупного регионального холдинга, а второй смог открыть офис в «Москва-сити» и управляет сетью собственных заводов в различных регионах страны. По-своему, эти ШЮМовцы стали воплощением делового успеха именно в том виде, как это описано в американских пособиях по личному преуспеянию: они состоялись как предприниматели и управленцы, они ориентированы на дружелюбную коммуникацию, готовы делиться секретами «успеха», у обоих семейные ценности занимают значимое место в их жизни. С другой стороны, в ходе общения складывается ощущение, что я говорю с представителями «поколения разрыва», чье взросление пришлось на смену исторических вех и сопровождалось ценностными конфликтами с родителями и отчасти вынужденными выборами в жизни и профессии, что особенно ярко показали беседы с представителями женской части выпускников ШЮМ первых лет.

Заключение

В начале статьи я ссылался на некоторые исследования, в которых есть рефлексия относительно мировоззрения и определения своего места в мире «подростками перестройки». Эти люди вобрали в себя советское детство, отрочество перестройки и постсоветскую непростую юность 1990-х гг. — совершенно разные по настроению, атмосфере, ценностным характеристикам периоды. Конечно, это отразилось на их мировосприятии: даже если сейчас трудно различить черты советского пионера в преуспевающем владельце сети крупных заводов, чей офис возвышается над столицей в претенциозной башне «Москва-сити». Кажется, такие, как он, навсегда отринули советское детство как важный жизненный опыт, вынося за скобки биографии тот период жизни. И всё же, у меня сложилось впечатление, что биографическая негативизация личного советского прошлого стала одной из причин того, что некоторые из слушателей ШЮМ до сих пор вдохновляются Дейлом Карнеги и подобными формами знаний: «карнегизм» становится удобной ценностной основой и прагматической философией жизни. Любопытно, что выпускницы ШЮМ в большей мере жалуют о «советском», несмотря на наличие хорошо оплачиваемой работы

и относительно благополучной семьи, — как будто они вынужденно ведут жизнь среднего класса, по-настоящему не найдя себя в этой жизни. Однако можно ли считать «подростков перестройки», прошедших через движение школ юных менеджеров, «потерянным поколением»? На этот вопрос почти невозможно ответить, так как среди них можно найти неудачников и преуспевающих людей, политически активных и аполитичных, оптимистов и пессимистов. Скорее, я бы сказал, что мои сверстники не обрели целостного личностного мировоззрения, поскольку росли в период краха одного большого идеологического проекта и непростого начала другого. Они были вынуждены приспосабливаться к текущему положению вещей, иногда откладывая что-то важное «на потом». Лишь перейдя черту сорокалетия, они ощутили потребность не только делиться своими победами и излучать благополучие, но обратиться к травмам своего отрочества и молодости, концентрация на которых в тот момент была бы воспринята как слабость.

Проблема данного исследования заключается в том, что участвующие в исследовании информанты либо не связывали свою дальнейшую карьеру и изменения в мышлении с периодом обучения в ШЮМ и на управленческих отделениях вузов, либо исходно уже были ориентированы на успех в предпринимательстве и бизнесе, а обучение стало для них лишь дополнительным средством легитимации выбранного пути. Иными словами, первоначальное предположение о том, что ШЮМ и последующее профессиональное обучение менеджменту меняло их сознание, перенастраивая его на индивидуалистические рельсы личностного успеха, либо не подтверждается, либо необходимо искать иные методические инструменты для подтверждения этой гипотезы. Возможны и иные объяснения неработающей гипотезы о трансформации сознания вследствие полученного образования. Во-первых, можно предположить, что успеха в бизнесе и управленческой карьере добились те выпускники ШЮМ, кто исходно уже имел талант и способности к тому, чтобы вести «самостоятельное дело» или управлять людьми. В советской системе они могли бы занять руководящие должности в партийных, хозяйственных органах или же стать «цеховиками», работать в сфере советской торговли, совмещая эту деятельность с теневой. То есть ШЮМ и факультеты менеджмента предложили им дискурсивную оболочку и некоторые знания, адекватные ситуации становления рыночной экономики в 1990-е гг., но в других обстоятельствах эти люди все равно заняли бы руководящие должности и нашли способ проявить свою предпринимательскую инициативность. Во-вторых, между теоретическим экономическим знанием и управленческими кейсами из западной практики, с одной стороны, и реалиями отечественного предпринимательства и бизнеса 1990-х гг., с другой, был столь сильный разрыв, что, помимо базовых основ экономики, остальные полученные в ШЮМ и на факультетах менеджмента знания имели очень отдаленное отношение к происходившему в период приватизации и первоначального накопления капитала, а потому остались в памяти учащихся в основном как любопытные, но отвлеченные сведения, не столь нужные в сфере бизнеса. Первые издававшиеся в те годы переводные

книги Ли Якокки, Акио Морита, Наполеона Хилла и др. об успехах в управленческой карьере или на ниве предпринимательства, так же как и первые переводные учебники по менеджменту, экономике и маркетингу, в той же степени представляли некое идеальное общество «свободного рынка» для советского и российского читателя тех лет, в какой столетием ранее труды западных философов-социалистов и марксистов представляли новую эпоху справедливости и равенства.

В ходе исследования сложилось впечатление, что относительно своих воспоминаний о девяностых информанты разработали особые регистры амнезии, молчания и говорения. У многих не было желания мысленно возвращаться в то время, а какие-то сложные и неоднозначные сюжеты (например, отношения с рэкетом на стадии организации собственного бизнеса), если и проговаривались, то как некое общее, не уникальное, то, что было повседневностью для всех, и поэтому не заслуживает внимания. Есть риск, что девяностые станут набором расхожих исторических клише, баек и типового набора артефактов памяти, поэтому так важно обращаться к отдельным кейсам, жизни сообществ и личным биографиям, как в данном исследовании.

Литература

Абрамов Р. Н. Идеология личностного успеха и движение школ юных менеджеров в начале 1990-х гг. в России // Материалы конференции «Социальная история России (1990-е гг.): к новому осмыслению», 18–19 октября 2018 г. Пермь, 2019 (в печати).

Абрамов Р. Н., Зудина А. А. Социальные инноваторы: досуговые практики и культурное потребление // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2010. № 6. С. 109–119.

Абрамов Р. Н. От коммунизма к «карнегизму»: адаптация практической психологии успеха к российскому контексту 1990-х гг. Рукопись. 2019 (в печати).

Абрамов Р. Н., Зудина А. А. Люди XXI как рефлексивные консьюмеры: социологический анализ потребительского потенциала // Практический маркетинг. 2009. № 9. С. 11–23.

Абрамов Р. Н., Климова С. Г. Современный работник: концептуализация и эмпирическая проверка понятия // Мир России: Социология, этнология. 2010. Т. 19. № 2. С. 98–117.

Абрамова С. Б. Деньги как социальная ценность: поколенческий срез проблемы // Социологические исследования. 2000. № 7. С. 37–41.

Анипкин М. Поколение «лишних людей»: антропологический портрет последнего советского поколения // Неприкосновенный запас. 2018. № 1. С. 290–308.

Бирюков В. Ставка на делового человека. Слово к читателю // Деловые люди. 1990. Июнь. С. 1. Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма. М.: НЛО, 2011.

Бурдые П. Формы капитала. Пер. с франц. О. И. Кирчик под ред. Н. А. Шматко // Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики / Ред. В. В. Радаев. М.: РОССПЭН, 2004. С. 519–536.

Волков В. Силовое предпринимательство, XXI век. Экономико-социологический анализ. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012.

Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии. СПб., 2007.

Гастев А. К. Как надо работать. Сборник. М.: Экономика, 1972.

Гладарев Б., Цинман Ж. Потребительские стили петербургского среднего класса: из экономики дефицита к новому быту // Экономическая социология. 2007. Т. 8. № 3. С. 61–81.

Давыдов Ю. Н. Макс Вебер и современная теоретическая социология: Актуальные проблемы веберовского социологического учения. М.: Мартис, 1998.

Жижек С. Размышления в красном цвете: коммунистический взгляд на кризис и сопутствующие предметы. М.: Изд-во «Европа», 2011.

Кордонский С. Сословная структура постсоветской России. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2008.

Курс для высшего управленческого персонала. Пер. с англ. В. А. Терещенко. М.: Экономика, 1970.

Магун В. С. Революция притязаний и изменения жизненных стратегий молодежи: 1985–1995 годы. Москва: Институт социологии РАН, 1998.

Новый быт в современной России: гендерные исследования повседневности: коллективная монография / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Роткирх, А. Тёмкиной. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009.

Резник В. С. Академия юных менеджеров и Молодежный экономический лагерь // Резник С. Д. Дороги к менеджменту: о себе и окружающих меня людях, о времени и событиях. М.: ИНФРА-М, 2014. С. 120–121.

Резник И. С. Развитие концепции непрерывной практической подготовки молодежи к предпринимательской деятельности. Диссертация на соискание степени кандидата экономических наук. Саратов: 1998.

Резник С. Д. а Бизнес — это дело // Пензенская правда, 14 сентября 1990 г., № 212.

Резник С. Д. Дороги к менеджменту: о себе и окружающих меня людях, о времени и событиях. М.: ИНФРА-М, 2014.

Резник С. Д. б Как помочь бизнесмену // Пензенская правда, 16 сентября 1990 г., № 214.

Резник С. Д. с Предприимчивость // Пензенская правда, 15 сентября 1990 г., № 213.

Рывкина Р. В. Экономическая культура в России: трудности и этапы становления // Мир России: Социология, этнология. 1994. Т. 3. № 1. С. 55–65.

Сироткина И. Е., Смит Р. «Психологическое общество» и социально-политические перемены в России // Методология и история психологии. 2008. Т. 3. Вып. 3. С. 73–90.

Согомонов А. Ю. Феномен «революции притязаний» в культурно-историческом контексте // Революция притязаний и изменения жизненных стратегий молодежи: 1985–1995 годы. Москва: Институт социологии РАН, 1998. С. 104–122.

Стогов И. Другие девяностые. У нас была великая эпоха. М.: Амфора, 2016.

Шабанова М. А. Образы свободы в реформируемой России // Социологические исследования, 2000. № 2. С. 29–38.

Шабанова М. А. Ценность и «цена» свободы в процессе социальной адаптации к рынку // Социологические исследования. 1995. № 4. С. 88–97.

Шулинский И. Странно пахнет душа. М.: Мир хобби, 2016.

Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: НЛО, 2014.

Якокка Л. Карьера менеджера. М.: Прогресс, 1990.

Bourdieu P. Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste. London: Routledge, 1994.

Bourdieu P., Passeron J. — C. Reproduction in Education, Society and Culture. London: SAGE, 1990.

Kruglova A. Between «Too Young» and «Already Old»: The Fleeting Adulthood of Russia's Split Generation, in: Elusive Adulthood: The Anthropology of New Maturities. Indiana University Press, 2017. С. 174–196.

Welsh J. F. The social psychology of fraud: dramaturgy, Carnegie and puppet theater // Mid-American Review of Sociology. 1986. Т. 11. № 1. С. 45–66.

Дата поступления: 25.03.2019

Removing Soviet: features of education of business people from the “teenagers of perestroika”

DOI: 10.19181/inter.2019.18.5

Roman Abramov

Abramov Roman — Doctor Sci. in Sociology, associate professor at the National Research University Higher School of Economics, the Analysis of Social Institutions Department; senior researcher at FCTAS RAS, e-mail: socioportall@yandex.ru

The period of the 1990s is relatively poorly studied and is in a situation of media and ideological stereotypes. This article is devoted to return the discourse of the “nineties” in the analytical channel. It is devoted to the analysis of biographical trajectories and the worldview of “teenagers of perestroika”, those who were 14–16 years old during the period of historical change in 1989–1991 with an emphasis on the transition to individualistic thinking and a focus on personal and business success. All participants in the qualitative research were graduates of the Penza school of young managers. This school was engaged in teaching knowledge and ideologies of a market economy, marketing and business of Soviet schoolchildren of the early 1990s. The article discusses the history of the Penza school of young managers, analyzes its curriculum and the concept of working with students in conjunction with the task of educating “business people” for the new Russia and the ideology of “carnegieism”. Special attention is paid to the reception by students of the school of young managers of Dale Carnegie’s ideas and the ideology of “carnegieism”, who were in the center of the training programs not only of this, but of other schools of young managers of the early 1990s. The article has a reflection on the worldview evolution of students of the school of young managers under the influence of Carnegie’s works. Special attention is paid to reflections on the place of the “teenagers of perestroika” in modern Russia, taking into account the research of this group, in which it is called the “lost generation” or the “failed generation”. The article is based on empirical research materials — the study of thematic sources and interviews with students of the school of young managers in the early 1990s.

Keywords: perestroika, personal success, carnegieism, oral history, biography

References

Abramov R. N. (2019) Ideologiya lichnostnogo uspekha i dvizhenie shkol yunyh menedzherov v nachale 1990-h gg. v Rossii [The ideology of personal success and the movement of the school of young managers in the early 1990s in Russia]. *Materialy konferencii “Social’naya istoriya Rossii (1990-e gg.): k novomu osmysleniyu”*, 18–19 oktyabrya 2018 g. Perm’ (in print).

Abramov R. (2019) *Ot kommunizma k “karnegizmu”: adaptaciya prakticheskoy psihologii uspekha k rossijskomu kontekstu 1990-h gg.* [From Communism to Carnegism: Adaptation of Practical Psychology of Success to the Russian Context of the 1990s] (in print).

Abramov R. N., Zudina A. A. (2010) Social’nye innovatory: dosugovye praktiki i kul’turnoe potreblenie [Social Innovators: Leisure Practices and Cultural Consumption]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i social’nye peremeny*, no 6, p. 109–119.

Abramov R. N., Zudina A. A. (2009) Lyudi XXI kak reflektivnye kons’yumery: sociologicheskij analiz potrebitel’skogo potenciala [People XXI as reflexive consumers: a sociological analysis of consumer potential]. *Practical marketing*, no 9, pp. 11–23.

Abramov R. N., Klimova S. G. (2010) Sovremennyy rabotnik: konceptualizaciya i ehmpiricheskaya proverka ponyatiya [Modern worker: conceptualization and empirical verification of the concept]. *World of Russia: sociology, ethnography*, vol. 19, no 2, pp. 98–117.

Abramova S. B. (2000) Den'gi kak social'naya cennost': pokolencheskij srez problem [Money as a social value: generational problem]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological researches], no 7, pp. 37–41.

Anipkin M. (2018) Pokolenie "lishnih lyudej": antropologicheskij portret poslednego sovetского pokoleniya [The generation of "extra people": an anthropological portrait of the last Soviet generation]. *Neprikosovennyy zapas* [Emergency ration], no 1, pp. 290–308.

Biryukov V. (1990) Stavka na delovogo cheloveka. Slovo k chitatelyu [Bet on a business person. Word to reader]. *Delovye lyudi* [Business people], June, p. 1.

Boltanski L., K'yapello E. (2011) *Novyj duh kapitalizma* [New spirit of capitalism]. M: NLO.

Burd'e P. (2004) Formy kapitala [Forms of capital]. Per. s franc. O. I. Kirchik pod red. N. A. Shmatko, in: Radaev V. V. (red.) *Zapadnaya ehkonomicheskaya sociologiya: Hrestomatiya sovremennoj klassiki*. M: ROSSPEN, pp. 519–536.

Bourdieu P. (1994) *Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste*. London: Routledge.

Bourdieu P., Passeron J. — C. (1990) *Reproduction in Education, Society and Culture*. London: SAGE.

Davydov Y. N. (1998) *Maks Veber i sovremennaya teoreticheskaya sociologiya: Aktual'nye problemy veberovskogo sociologicheskogo ucheniya* [Max Weber and Modern Theoretical Sociology: Actual Problems of Weber's Sociological Study]. M: Martis.

Garfinkel' G. (2007) *Issledovaniya po ehtnometodologii* [Research on ethnomethodology]. SPb.

Gastev A. K. (1972) *Kak nado rabotat'* [How to work]. Sbornik. M: Ehkonomika.

Gladarev B., Cinman Zh. (2007) Potrebitel'skie stili peterburgskogo srednego klassa: iz ehkonomiki deficita k novomu bytu [Consumer styles of St. Petersburg middle class: from the economy of deficit to a new way of life]. *Economical sociology*, vol. 8, no 3, pp. 61–81.

Kordonskij S. (2008) *Soslovnaya struktura postsovetsoj Rossii* [Class structure of post-Soviet Russia]. M: Institut Fonda "Obshchestvennoe mnenie".

Kruglova A. (2017) Between "Too Young" and "Already Old": The Fleeting Adulthood of Russia's Split Generation, in: *Elusive Adulthood: The Anthropology of New Maturities*. Indiana University Press, pp. 174–196.

Kurs dlya vysshego upravlencheskogo personala (1970) [Course for senior management staff]. Per. s angl. V. A. Tereshchenko. M: Ekonomika.

Magun V. S. (1998) *Revoluciya prityazanij i izmeneniya zhiznennyh strategij molodezhi: 1985–1995 gody* [The revolution of claims and changes in the life strategies of young people: 1985–1995]. M: Institut sociologii RAN.

Novyj byt v sovremennoj Rossii: gendernye issledovaniya povsednevnosti: kollektivnaya monografiya (2009) [New life in modern Russia: gender studies of everyday life: a collective monograph]. Pod red. E. Zdravomyslovoj, A. Rotkirh, A. Tyomkinov. SPb: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge.

Reznik V. S. (2014) Akademiya yunyh menedzherov i Molodezhnyj ehkonomicheskij lager' [Academy of Young Managers and Youth Economic Camp], in: Reznik S. D. *Dorogi k menedzhmentu: o sebe i okruzhayushchih menya lyudyah, o vremeni i sobytijah*. M: INFRA-M, pp. 120–121.

Reznik I. S. (1998) *Razvitie koncepcii nepreryvnoj prakticheskoy podgotovki molodezhi k predprinimatel'skoj deyatel'nosti* [Development of the concept of continuous practical preparation of youth for entrepreneurial activity]. Dissertaciya na soiskanie stepeni kandidata ehkonomicheskikh nauk. Saratov.

Reznik S. D. (1990a) *Biznes — ehto delo* [Business is business]. *Penzenskaya Pravda* [Penza truth]. 14 September, no 212.

Reznik S. D. (2014) *Dorogi k menedzhmentu: o sebe i okruzhayushchih menya lyudyah, o vremeni i sobytiyah* [Roads to management: about myself and people around me, about time and events]. M: INFRA-M.

Reznik S. D. (1990b) *Kak pomoch' biznesmenu* [How to help a businessman]. *Penzenskaya pravda* [Penza truth]. 16 September, no 214.

Reznik S. D. (1990c) *Predpriimchivost'* [Enterprise]. *Penzenskaya Pravda* [Penza truth]. 15 September, no 213.

Ryvkina R. V. (1994) *Ekonomicheskaya kul'tura v Rossii: trudnosti i ehtapy stanovleniya* [Economic culture in Russia: difficulties and stages of formation]. *Mir Rossii: Sociologiya, ehtnologiya* [World of Russia: sociology, ethnography], vol. 3, no 2, pp. 55–65.

Shabanova M. A. (2000) *Obrazy svobody v reformiruemoj Rossii* [Images of freedom in a reformed Russia]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological research], no 2, pp. 29–38.

Shabanova M. A. (1995) *Cennost' i "cena" svobody v processe social'noj adaptacii k rynku* [Value and "price" of freedom in the process of social adaptation to the market]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological research], no 4, pp. 88–97.

Shulinskij I. (2016) *Stranno pahnet dusha* [It smells strange soul]. M: Mir hobbi.

Sirotkina I. E., Smit R. (2008) *"Psihologicheskoe obshchestvo" i social'no-politicheskie peremeny v Rossii* ["Psychological Society" and the socio-political changes in Russia]. *Metodologiya i istoriya psihologii* [Methodology and history of psychology], vol. 3, issue 3, pp. 73–90.

Sogomonov A. Yu. (1998) *Fenomen "revolyucii prityazaniy" v kul'turno-istoricheskom kontekste* [The phenomenon of the "revolution of claims" in the cultural and historical context]. *Revolyuciya prityazaniy i izmeneniya zhiznennyh strategij molodezhi: 1985–1995 gody*. M: Institut sociologii RAN, pp. 104–122.

Stogov I. (2016) *Drugie devyanostye. U nas byla velikaya ehppoha* [Other nineties. We had a great era]. M: Amfora.

Volkov V. (2012) *Silovoe predprinimatel'stvo, XXI vek. Ehkonomiko-sociologicheskij analiz* [Power Entrepreneurship, XXI century. Economic and sociological analysis]. SPb: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta.

Welsh J. F. (1986) *The social psychology of fraud: dramaturgy, Carnegie and puppet theater*. *Mid-American Review of Sociology*, vol. 11, no 1, pp. 45–66.

Yakokka L. (1990) *Kar'era menedzhera* [Manager career]. M.: Progress.

Yurchak A. (2014) *Ehto bylo navsegda, poka ne konchilos'*. *Poslednee sovetskoe pokolenie* [It was forever, until it was over. The last Soviet generation]. M.: NLO.

Zhizhek S. (2011) *Razmyshleniya v krasnom cvete: kommunisticheskij vzglyad na krizis i soputstvuyushchie predmety* [Reflections in red: a communist view of the crisis and related items]. M: Izdatel'stvo "Evropa".

Received at: 25.03.2019

Время 90-х сквозь призму повседневных практик: молодые профессионалы

DOI: 10.19181/inter.2019.18.6

Виктория Семёнова*

Статья ретроспективно рассматривает ситуацию 1990-х годов с позиции повседневных практик того времени. Специфика социального контракта изучаемого периода понимается как разрушение предшествующей модели и отсутствие на практике новых нормативов, анализируется состояние социальной неопределенности по отношению к работникам массовых профессий («смутное время»). Социальный вакуум (или хаос) со стороны социального регулирования стихийно приводил к появлению новых образцов социального поведения, которые в статье представлены как типологические кейсы трудовых стратегий молодых профессионалов, конструировавшихся как «низовой» ответ на состояние социальной неопределенности. Они представлены здесь как типовые стратегии, в понятиях использования/неиспользования изменений в социально-исторической ситуации, и условно обозначены и описаны как: стратегия «социального шанса», стратегия иммобильности, конфликтная стратегия и стратегия «неформальных правил», которые в дальнейшем привели к более массовым формам социальной дифференциации в профессионально-трудовой сфере. Эмпирической базой для рассмотрения и анализа послужили данные глубинных интервью, проведенных в 1994–1995 гг. с представителями этой когорты как непосредственными участниками тех процессов, а также ретроспективные интервью о том времени с представителями той же когорты в 2017–2018 гг.¹

* Семёнова Виктория — доктор социологических наук, профессор, руководитель сектора исследований социальных изменений качественными методами Института социологии ФНИСЦ РАН, e-mail: victoria-sem@yandex.ru

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Фонда «Президентский центр Б. Н. Ельцина» в рамках проекта «Социальная история России (1990-е годы)».

Ключевые слова: социальный контракт, социально-историческая ситуация, молодые профессионалы, социальные практики, стратегии выбора

Временное пространство 90-х с точки зрения социального контракта можно рассматривать в трех плоскостях: а) как время инерционного циклического воспроизводства старого общественного договора, выстроенного как вертикальный контракт (Аузан, 2005); б) как смутное, переходное время отсутствия какого-либо социального порядка, время беззакония и неопределенности и функционирования стихийных нормативов, не подлежащих государственному регулированию (мафиозных сил); в) как время зарождения новых социальных акторов и «примеривания» к ним нового типа общественного договора. Скорее всего, это процесс одновременного сосуществования всех трех названных процессов, но происходящих в разных социальных средах. Поэтому цель данной публикации — рассмотреть формы отражения данных процессов общесоциального уровня в реальных практиках низового уровня, которые дифференцированно проявлялись в разных социальных контекстах того времени. Для подобного рассмотрения будем опираться на данные глубинных интервью с молодыми профессионалами, проведенных в те годы (1994–1995 гг., 20 интервью) (Семенова, 2009), и на ретроспективные данные, полученные в ходе реализации проекта «Социальная мобильность...» в 2016–2018 гг. (40 интервью, проведенных по единой схеме биографического интервью)².

Социальный контекст зарождения нового общественного договора

Согласно теориям социального контракта³, первоначальным формальным документом, который определяет сущность социальных отношений на глобальном уровне, а также задает ориентиры для повседневных практик на уровне массового поведения, является Конституция. Но российская Конституция 1993 г. оказалась, по выражению президента Института национального проекта «Общественный договор» А. А. Аузана, своеобразным «юридическим феноменом» (Аузан, 2005), поскольку принималась не так, как многие другие конституции, а в ситуации незавершенности общественных дискуссий, фактически, в ситуации чрезвычайного положения после расстрела парламента в октябре 1993 г. и конституционного кризиса. Вместе с тем, конституционный проект постулировал не только принципы,

² Интервью проводились по единой методике биографического интервью: одним из фокусов исследовательского интереса была мотивационная составляющая индивидуального отношения к своей профессиональной карьере, а также информация об ее изменении в понятиях событийного анализа. Подробнее см. (Семенова, 2009).

³ Более детальный методологический подход к использованию понятия «социальный контракт», или «общественный договор», для целей данного исследования см. в статье Е. Ю. Рождественской в этом же номере журнала.

общие ориентиры для формирования взаимоотношений государства и общества, но и конкретные нормы, касавшиеся самых острых в тот период проблем, и, прежде всего, легализовал институт частной собственности (Краснов, 2014), что привело к появлению и расцвету кооперативов и частных предприятий. Этот аспект особенно важен для нашего дальнейшего рассмотрения социальных практик в сфере трудовых отношений, так как именно это создало возможность выбора для рядовых граждан: оставаться в сфере влияния традиционного государственного трудового контракта или переходить в частный бизнес в статусе владельца или наемного работника частной сферы труда.

Но социально-историческая ситуация принятия Конституции была достаточно противоречивой, что не могло не сказаться и на практиках ее реализации. С одной стороны, «фактические отношения силы», хотя и менялись, но еще не изменились настолько, чтобы можно было их зафиксировать конституционно: еще сохранялись идейно-политическая монополия партии, плановая экономика, иерархичная система управления. Эти «несущие конструкции» советского типа власти, конечно, уже подверглись сильной эрозии, но все еще существовали (Краснов, 2014). Как свидетельствуют эксперты, конституции, рожденные по такому сценарию, обычно не объединяют, а разъединяют общество, да и само их качество, в части организации публичной власти, низкое (Краснов, 2014). С другой стороны, все меры, направленные на обновление позднесоветского контракта в начале 90-х, вследствие экономических и политических реформ, были направлены властными структурами, прежде всего, на установление отношений с новыми социальными агентами, такими как: олигархи, крупный и средний бизнес, гражданское общество. Но новые социальные агенты, которые на практике могли бы примерять к себе новые формальные правила, еще только складывались (Аузан, 2005). А «старые», позднесоветские массовидные социальные агенты, большинство которых составляли госслужащие (интеллигенция и рабочий класс), оказались *вне* нового социального договора, хотя и старый конструкт, построенный на принципе вертикальной подчиненности, уже оказался разрушен (Аузан, 2005). К тому же, этот социально-исторический период, как известно, сопровождался тяжелыми экономическими процессами: всплесками инфляции, снижением инвестиций, бартеризацией экономики, уменьшением доходов населения и многими другими негативными явлениями. В результате, для массовых групп госслужащих возникла ситуация социальной неопределенности, отягченная финансовыми трудностями в стране: массовые невыплаты зарплат, увольнения, тяжелые экономические условия (Гордон, Клопов, 2001).

Поэтому массовые группы госслужащих надолго оказались вне зоны действия нового, становящегося договора, находясь, скорее, в зоне притяжения старого, позднесоветского нормативного порядка и ожидая его исполнения, — потому что и испытывали (и до сих пор испытывают) ностальгию

по предшествующему социальному контракту. В данном случае, мы рассматриваем социальный контракт вне сферы собственно политических изменений, а говорим о его «приложении» в сфере социальных реформ (сфере труда, образования, социальной жизни) и, прежде всего, в сфере трудовых отношений, в рамках которых этот контракт реализуется в поведенческих стратегиях трудовых агентов. Нас интересует, как легализация частной собственности на государственном уровне привела к появлению новой трудовой ситуации и предоставила массам социальный шанс изменить свой трудовой статус путем перехода с государственного предприятия на частное.

Целью данной статьи является выстраивание типологии социальных «ответов» на ситуацию социальной неопределенности 90-х годов, в результате которых формировались определенные профессионально-трудовые стратегий совладания с ситуацией социальной неопределенности. При этом мы ограничили временные рамки рассмотрения ситуации 90-х их первой половиной: 1990–1995 гг., поскольку как раз первая половина десятилетия была наиболее неопределенной и противоречивой с точки зрения функционирования социального контракта, где переплетались советские и постсоветские практики социальной и профессиональной жизни после принятия новой Конституции. Изучение российского общества начала 90-х, которое квалифицируется в понятиях трансформирующегося, изменяющегося без определенного вектора движения, с множеством возможностей, зависящих от потенциалов, интересов и действий разноуровневых акторов, и даже случайных факторов, предполагает обращение к методологическим подходам, которые учитывают, прежде всего, активную роль самого индивида, самостоятельно вырабатывающего различные стратегии трудового поведения на основе своего ресурсного капитала (Темницкий, 2002). Следуя этому подходу, мы и фокусируемся на рассмотрении отдельных профессиональных «выборов» как кейсов, демонстрирующих разнонаправленные субъективные позиции и поведенческие предпочтения как «ответы» профессионалов-специалистов на «смутную» социальную ситуацию того времени. При этом подобные стратегии не следует рассматривать с точки зрения противопоставления «старых», нерациональных форм поведения «новым», рациональным, но, скорее, с точки зрения одновременного осуществления различных типов рациональности без «наклеивания им оценочных ярлыков» (Темницкий, 2002).

Методические основания проекта

Для дальнейшего анализа отобранны, в первую очередь, ретроспективные данные о профессиональных стратегиях изучаемого периода, полученные в ходе глубоких интервью биографического типа с представителями возрастной когорты теперешних 45–55 летних. Это профессионалы, работающие в разных отраслях экономики частного и государственного

секторов, специалисты с высшим образованием, которые в 90-е годы начинали свой трудовой путь в качестве молодых специалистов.

Интересующая нас тематика интервью, ставшая основой для ретроспективного анализа профессиональных выборов и стратегий этой группы, складывалась из двух тем:

- ретроспективное описание ситуации и событий собственного социального и профессионального выбора в начале своей карьеры — в 90-е годы;
- сравнение собственной стратегии по отношению к родительской в позднесоветское время.

Такой фон субъективного межпоколенного сравнения позволил вычленивать в ответах, прежде всего, специфические черты данного периода по отношению к предшествующему, позднесоветскому, хорошо знакомому и привычному респондентам по их детскому и юношескому опыту в рамках родительской семьи.

Кроме этого, дополнительной базой служили данные глубинных интервью, проведенных в 1994–1995 гг. с тогдашними молодыми профессионалами 25–30 лет. Эта когорта состояла, в основном, из представителей инженерных и гуманитарных специальностей. Вторичный анализ таких интервью проходил по следующим темам:

- социальный и профессиональный выбор на начальном периоде своей карьеры (90-е годы);
- ретроспективная оценка образа жизни и профессиональной карьеры родительского поколения (позднесоветский период).

На примере типичных индивидуальных стратегий возможно ретроспективно реконструировать неформальные правила и реальные трудовые практики их реализации, о которых рассказывалось тогда, по свежим следам, в режиме реального времени.

Страта профессионалов была избрана как объект, поскольку в сравнении с другими группами госслужащих эта группа обладала большими компетенциями и ресурсами (например, наличие специальных знаний, высшее образование, наличие языковых компетенций), а следовательно, и возможностями конвертировать полученный до того капитал и достаточно осознанно и самостоятельно выстраивать трудовые стратегии в той сложной социальной ситуации. Ретроспективно оценивая их жизненные и трудовые стратегии «тогда», можно также выявить те тенденции, которые впоследствии сформировали более массовые противоречия и конфликты нового, нарождающегося социального контракта: например, расхождения в уровне материального благосостояния или социальной защищенности профессионалов, работающих на частных предприятиях и на государственных.

В данной статье в качестве информационной базы для наглядности представлены отрывки из отдельных интервью, которые наиболее выпукло характеризуют ту или иную позицию и на которых выстраивается дальнейшая концептуализация относительно той или иной стратегии.

Утраченный нормативный порядок взаимодействия с государством

Стартовой точкой в описании ситуации первой половины 90-х могут стать субъективные оценки общей социальной ситуации того времени в сравнительной перспективе относительно предшествующего периода, т. е. ситуации позднесоветского социального порядка. Согласно проведенным интервью, старый, утраченный порядок социального взаимодействия населения с государством как работодателем и гарантом прав воспринимается по принципу «от противного»: «что мы потеряли» — как утраченная модель стабильности, «нормативной упорядоченности», при которой жизненные ориентиры были четко прописаны на государственном уровне и воспринимались на уровне практик как «должное, требующее неукоснительного исполнения». Ее основные составляющие: оценка индивидуально-трудового вклада в соответствии с определенным «рангом» и статусом во властной вертикали; распределительная система потребления «благ»; нормативно оговоренный характер «взаиморасчетов» с властью на уровне минимального прожиточного минимума. Устойчивый, обязательный характер взаимодействий «власть/общество» впитывался массовым сознанием как должное уже на уровне ранней социализации. Один из респондентов так описывает эту утраченную модель социального контракта:

«Ну, мы росли в Советском Союзе. Там жизненный план был предначертан. То есть, ты все равно где-нибудь выучишься, все равно пойдешь куда-нибудь работать, потом пойдешь на пенсию, потом умрешь — ну, все понятно! Вся жизнь была распланирована до с... У моих родителей жизнь была стабильна, узаконена и упорядочена» (М., 50 лет, предприниматель, интервью 2017 г.).

Эти характеристики «упорядоченности, стабильности, узаконенности» в массовых характеристиках социального контекста позднесоветского периода лексически прямо противопоставлены нарождавшимся в 90-е постсоветским принципам организации социальной жизни как не-стабильности, не-нормативности, хаоса. Противопоставительный дискурс, в данном случае, связан, скорее, с селективной функцией памяти, когда в речи говорящих о прошлом спонтанно отбираются и актуализируются те аспекты «прошлого», которые наиболее актуальны с позиции «настоящего» (Oakeshott, 1983): в данном случае, детские воспоминания о «стабильности» воскрешены в памяти благодаря сопоставлению с неорганизованностью, неопределенностью последующего периода жизни (все было распланировано versus ничего планировать невозможно).

«После 91-го года началась смута, реальная смута для этих людей (родительского поколения — В. С.). Для людей другого поколения, как мой отец, они... они не могли отойти от шока. ... Принципы?... Ну, скажем так,

принцип был такой: мы живем совершенно в волчьей стае, и, если раньше действовали такие... ну, например, если брать партийную сферу, то были некоторые законы, которые выполнялись, и так же, например, закон чести, то время 90-х — это отсутствие каких-либо принципов и каких-либо обязательств и все, что с ними связано. То есть, каждый за себя, каждый грызется, каждый толкается локтями и прет. ...Люди столкнулись с проблемой, что у тебя могло быть десять образований, но ты не значил ничего. Довольно-таки долго так было, только позже, вот, начался возврат... С 91-го года образование вообще не котировалось, поэтому столько людей уехало. Именно поэтому. Мозги не ценились вообще. Ценилось что? Ценилось умение приспособиться, такая изворотливость, прынорливость. Причем именно все те качества, которые изначально подавались с минусом, с негативом» (М., руководитель, 52 года, интервью 2017 г.).

В массовом сознании позднесоветская модель стабильности и предопределенности (определенные нормы и законы) противопоставлялась постсоветской модели начала 90-х не только как состоянию социального «хаоса» и «смуты», но и как, своего рода, «антиценности» в сравнении с «советскостью» в том, что касалось образования и роли интеллекта, а также предельной аномии, культу индивидуализма, ценностей анархического толка («волчья стая», «умение приспособиться», «изворотливость») — в сравнении с коллективизмом и «ориентацией на интеллект» советского периода.

Вследствие отсутствия формального договора, в отношениях «власть/общество» возникали отдельные зоны неформальных правил, близких к мафиозным. Неформальные правила возникали снизу и различались в разных социальных нишах, но при этом стихийно, снизу порождали дальнейшие пути приспособления к новому социальному контракту и на более высоких уровнях, как это всегда имело место в подобные, смутные исторические периоды. Процесс зарождения новых стихийных норм социального порядка представляет интерес с точки зрения развития дальнейших тенденций: что внесли эти низовые потоки в дальнейшее становление нового социального контракта, в закрепление новых социальных практик?

«Мы жили во вседозволенности. Это было очень здорово. Мы понимали, что раньше мы так не смогли бы. Я попал (в институт — В. С.) в 91-м году, когда отменили некоторые предметы: научный коммунизм, основы марксизма-ленинизма и т. д. А тут, мы, молодые, понимаем, что нам все дозволено. Ощущение вседозволенности, оно было очень сильным. Вот сейчас уже такого нет... Мы жили в анархии. Если по всем признакам посмотреть, была самая натуральная анархия. Несколько лет. И в чем-то, в чем-то это, конечно, отразилось на нас. Закона не было. Действовал закон, никто не выполнял, и никто не контролировал. Я не знаю, насколько это плохо или хорошо. Сложно судить. Я не могу быть объективным, потому что это касается именно меня...» (М., 48 лет, руководитель, интервью 2017 г.).

В подобных высказываниях описывается эмоциональное восприятие духа той эпохи как общего фона, исходя из которого и формировались индивидуализированные формы приспособления и формировались адаптивные социальные практики, в том числе в сфере производственной деятельности.

Типовые низовые стратегии как ответы на социальную ситуацию нормативной неопределенности

В самом общем виде, эту ситуацию приспособления к социальной неопределенности можно рассматривать как выбор между привычной ориентацией на «статус и социальную защищенность» и новой ориентацией на «деньги и индивидуальный успех» (Goldthorpe, Erikson, 1990). Если первый вариант выбора притягивает к себе с точки зрения гарантии прав на минимальную стабильность и материальную защищенность, то второй вариант — например, переход в нарождавшийся частный бизнес — увеличивал степени риска и нестабильности. Согласно данным массового опроса 2001 г. наличие такого выбора глубоко рефлексировалось в разных социальных кругах, и их баланс в ценностях людей молодых возрастов склонялся в сторону «денег и индивидуального успеха» как новой модели. Но такой выбор существовал только гипотетически.

В реальности же, судя по поведенческим практикам, по данным О. Шкаратана, в обществе превалировала ориентация на социальную стабильность — например, сохранение прежнего профессионального статуса в государственном секторе. Рассматривая изменения в социальной структуре

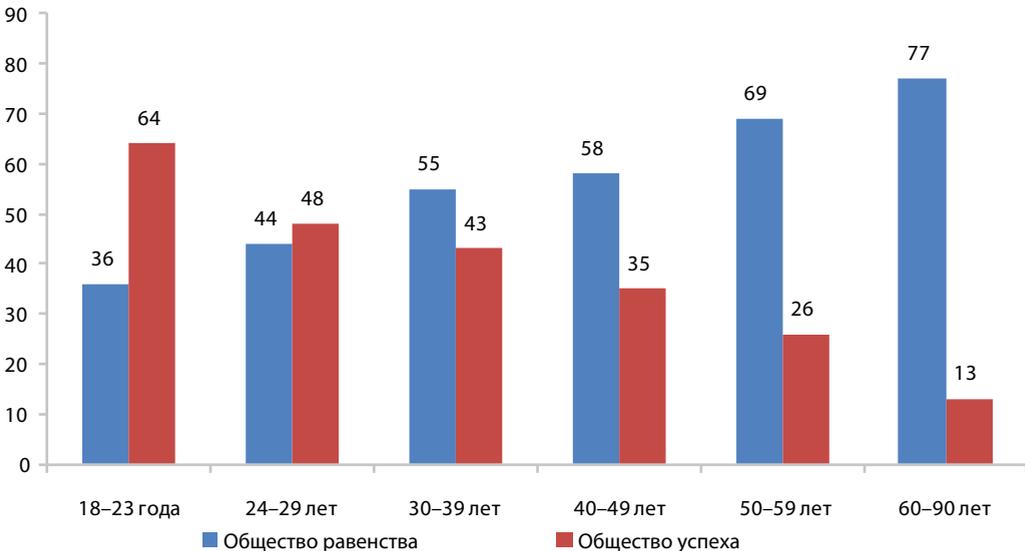

Рисунок 1. Соотношение ориентаций на «стабильность» и «успех» в массовом сознании. Вопрос: «В каком обществе вы хотели бы жить?» ВЦИОМ, Исследование по программе «Советский человек», 1999, всероссийская выборка 2000 респондентов, в% к числу опрошенных в каждой группе (Седов, 2000: 24).

России на протяжении 13 лет (1994–2006) по данным массовых опросов, О. Шкаратан фиксирует, что даже к 2006 г. доля предпринимателей стабилизировалась и вышла на крайне низкий уровень — 4%; после 1994 г. произошло резкое снижение доли высококвалифицированных профессионалов (практически в 2 раза), связанное с масштабной эмиграцией работников интеллектуального труда. О. Шкаратан делает вывод, что динамика социально-профессиональной структуры российского общества, будучи производной от процессов экономико-технологической модернизации, демонстрирует стабильность и консервативность (Шкаратан, 2012).

Таким образом, ситуация неопределенности и смуты, хотя и вызвала к жизни новые импульсы и ориентации на новые социальные ценности, но, в реальности, индивидуальные выборы населения в целом склонялись в сторону инерционного принятия прошлой модели контракта между властью и обществом.

Естественно, в новой исторической ситуации изменились общие параметры и сила их влияния на карьеры на уровне индивидуального, но, вместе с тем, социальные изменения, которые как фон должны были привести к существенным перемещениям в рамках социального пространства и формированию новых нормативов мобильности, в массовом поведении не сработали.

Тот же тренд зафиксирован у большинства респондентов из этой генерации (родившиеся в 1965–1970 гг.), опрошенных в рамках лонгитюдного проекта М. Титмы⁴: приверженность нормативности и единообразию социальной карьеры советского типа, ориентация на стабильность и корпоративную лояльность в обмен на блага не ушли в прошлое и, более того, стали барьером на пути социальных перемещений. Таков социальный контекст ситуации начала 90-х. Для большинства когорты родившихся в 1965–1967 гг. открывшиеся в первой половине 90-х новые социальные возможности и новые социальные траектории оказались невостребованными. Согласно результатам лонгитюдного исследования 1993–1994 гг. в когорте тогдашних молодых тенденция к мобильности, характеризующаяся изменениями в профессиональном положении на пути к рынку, оказалась маловыраженной (Titma et al, 1997).

Наши данные биографических интервью с представителями когорты, собранные в 1994–1995 гг., в массе своей свидетельствовали о том же (Семенова, 2009). В данном социально-историческом контексте открывшиеся возможности профессиональной мобильности, в частности, переход из государственного сектора экономики в частный, на индивидуальном уровне воспринимались весьма осторожно. Можно предположить, что за различиями в выборе стояли даже не идеологические, но, прежде всего, различные социально-культурные ориентации людей, разные социокультурные контексты.

⁴ Массовое лонгитюдное исследование «Пути поколения» под руководством М. Титмы относительно возрастной когорты родившихся в 1965–1967 гг. (Titma, 1997).

Стратегия «шанса»

Вместе с тем, стратегия выбора перехода из государственных структур в класс частных бизнесменов или наемных работников в частном секторе в нашей выборке представлена как стратегия использования возникшего жизненного шанса в ситуации социальной неопределенности и смуты. Для демонстрации эволюционных трендов в восприятии социального контекста на уровне индивидуального обратимся к биографиям тех, кто в этой когорте откликнулся на изменившуюся ситуацию и перешел тогда в разряд предпринимателей. Десять отобранных биографий, в основном предприниматели, демонстрировали восприятие ситуации неопределенности как комплекса рисков, шансов и независимости. Мотивацию их прихода в частное предпринимательство характеризовали следующие позиции:

«...Для меня это был шанс — выиграю, не выиграю...Я начал другую жизнь. Я был служащий, просто наемный рабочий. Вроде бы жалование неплохое получал. В финансовом отношении я для себя пока ничего не выиграл: примерно столько получал, когда уходил. Но выиграл независимость и перспективу. А мне хотелось быть независимым и реализовать свои идеи. Вся идея, собственно, и была — освободиться. Теперь все зависит от меня. И, в этих условиях, для меня есть поле деятельности, шанс: сделаю или не сделаю?...» (М., 23 г., предприниматель, интервью 1994 г.).

Из данного и подобного этому интервью видно, что принятие решения об изменении трудовой карьеры, о переходе с позиции наемного работника на позицию «хозяина»-предпринимателя было стимулировано, прежде всего, личностными факторами: предшествующими жизненными ориентирами, стремлением к личностной самореализации, являвшейся основным критерием выбора. Такой выбор формируется как поиск «своего пути», базирующегося на культуре шанса («смогу или не смогу»). Для описания данной стратегии «ухода» из состояния подчиненности, зависимости от «предначтанности» жизненного пути исследователи все чаще используют термин «рефлексивная (или субъективная) биография», для которой свойственна особая ментальность «сам себе хозяин» и индивидуализированный биографический режим (Согомонов, 2005). При таком режиме главной целью становится активное создание себя, а не путешествие по заданному шаблону от образования к трудовой активности и дальше, к к пенсии. «Рефлексивная биография» как понятие означает иной характер субъективного отношения к социально-структурным перемещениям, не всегда предполагающим реальное движение по социальной лестнице. Она включает в себя ряд индивидуальных выборов: индивидуальные риски при принятии решений, отход от стандартов своего класса, долговременная образовательная стратегия, техники саморазвитиясамоконтроль над своей биографией, индивидуальные выборы. Таким образом, здесь у респондентов нет оглядки

на социальный фон, на социальные нормативы, возможности и ограничения, которые накладывает общество: такой тип карьеры складывается, скорее, как личностный проект.

В другом интервью из той же группы «использовавших шанс» мы все же находим рефлексию не индивидуального, но социального мотивирования — рефлексию относительно социальной ситуации и переживание времени как «своего»:

«...а мне кажется, нам... просто время немножко помогло, то есть, вот, закончи мы года там на три-четыре-пять раньше, и никуда бы мы не вошли, а здесь мы просто оказались, вот так вот. Так сказать, совпало. Возможности, да, да, то есть, чего не было в принципе раньше, поэтому, как бы, наше поколение-то было свободно, вот эти ниши сразу и заняли. Потому что, я же вижу, что те... кто старше — из них еще меньше процент ушёл, так сказать, вот в это, в свободное плавание. Вот, про тех, кто пошёл потом (за нами — В. С.), никто не пошел в школу, у них-то уже было совсем другое, то есть они уже... учителями из них не работает никто... Ну, я бы так сказала: мой круг рванул» (Ж., 48 лет, лингвист, интервью 2017 г.).

Логика данного высказывания складывается из конструктов «время немножко помогло» — «совпало» — «возможности» — «свободное плавание».

Если свести содержательные характеристики относительно времени в подобных высказываниях к общему знаменателю, то можно их представить следующим образом: неопределенность и социальная смута переживаются здесь в понятиях «шанса»: «на короткий период общество создало нам возможности для выхода в свободное плавание».

Выстроив по-другому, можно сказать, что общество/время воспринимается как набор возможностей, открывшихся для людей этого поколения. Социальное время, хотя в целом и оказалось достаточно индифферентным к отдельным судьбам, однако создало условия для социальных рисков: если у тебя есть склонности к риску (что видно на примере предшествующего высказывания), то можно этим воспользоваться.

В отличие от большинства «стабильных» в своем поколении, респонденты этого типа отличались высоким уровнем трудовой мобильности: за годы трудовой карьеры до перехода в частный бизнес он меняли место работы 5–6 раз. Такая многократная смена мест работы, возможно, вызвана, во-первых, социальными причинами, такими как социальная неустойчивость полученной ими специальности. Система образования, как одна из консервативных систем, оказалась неприспособленной к новым условиям. Вследствие этого, сфера трудовой активности в статусе предпринимателя далеко отстояла от специальности, полученной в ходе образования, а переход в новую сферу трудовой активности происходил без предварительного переобучения. Навыки предпринимательской деятельности или являлись индивидуальной склонностью (хобби) индивидов, или обучение

происходило уже в процессе новой деятельности. Во-вторых, многократная смена работы свидетельствовала об индивидуальной профессиональной стратегии, ориентированной на поиск и риск, а также свидетельствовала о неудовлетворенности полученной профессиональной подготовкой. Таким образом, помимо чисто социальных причин высокая мобильность будущих предпринимателей имела и определенные индивидуально-психологические причины, такие как: склонность к изменениям, новациям, желание попробовать себя в новой сфере.

В отличие от западных стран, где переход в частный бизнес сопряжен, прежде всего, с моментом накопления личного финансового капитала, в России в начале 90-х этот процесс у молодых профессионалов был сопряжен с определенной ценностной мотивацией больше, чем с ориентацией на коммерческий успех: они искали возможности самовыражения и независимости. Чисто коммерческий успех для них, по их словам, имел только вторичное значение. В нашем случае, это видно в схожих высказываниях:

«...это был шанс для меня стать свободным человеком»;

«...я никогда не любил начальников и не люблю, когда мной командуют»;

«...я был неплохим работником и зарабатывал не меньше, чем сейчас.

Но что я выиграл — это независимость и возможность проявить себя»;

«...вся идея именно в том и состояла — стать свободным и самому отвечать за себя».

Возможно, именно в этом и состояло их отличие от более старших возрастных групп предпринимателей того времени: их ориентация на риск, свойственная предпринимательству в целом, в данном случае, совпала с их чисто молодежно-возрастной склонностью к аванюре и поиску, присущей молодости как периоду жизненного цикла.

Все они начинали предпринимательскую деятельность, не имея собственного финансового капитала, с творческой идеи и поиска единомышленников. В ситуации краха первичной идеи молодые начинали предпринимательскую деятельность в другой сфере, но уже не возвращались на государственную службу. Впоследствии их прозвали «предпринимателями-романтиками», поскольку они плохо вписывались в формирующийся класс профессионалов в сфере среднего и малого бизнеса.

В их высказываниях присутствовала не тяга к статусу нанимателя, частного собственника, контролирующего труд наемных работников и жаждущего получения прибыли, но стремление к большей автономности и независимости от контролирующего воздействия государства, предельно регламентирующего труд работника. В появлении в «смутное» время частного предпринимательства они находили возможность уйти от регламентирующего контроля государства и испытывали некую эйфорию свободы, связывая ее с частным бизнесом. Но это состояние оказалось временным, так как ужесточающаяся конкуренция, система налогообложения со временем привели их «романтическое предпринимательство» к краху.

Стратегия стабильности

Ориентация на инерционное воспроизведение позднесоветского типа общественного договора «власть/общество», как мы говорили, была характерна для большей части рассматриваемой когорты. Эти молодые профессионалы предпочитали иметь гарантированную социальную защиту в лице государства в «смутные» времена, чем идти на риск ради высоких заработков. Их позиция мотивировалась следующими высказываниями:

«Возможно, это и неплохо — стать предпринимателем, но это не для меня. Меня с детства учили не гоняться за высокими заработками»;

«Мои родители всегда были честными людьми и меня ориентировали на это. Я не думаю, что большие деньги можно заработать честным трудом».

Большинство молодых взрослых аргументировали такую позицию именно апелляцией к социализирующему влиянию родительского поколения: так учили меня в детстве.

В результате, вследствие такой приверженности инерционной стратегии, ее сторонникам пришлось в начале 90-х пережить потерю основных социальных гарантий (систематическая неоплата труда, увольнения, впервые появившаяся официальная безработица) со стороны государства, но это не поколебало их позиции — ожидание социальной защиты превалировало над осознанием всех возможных рисков.

Одна из «стабильных» респонденток вспоминает теперь:

«Но наступили эти смутные времена... Девяностые, девяносто первый, ужасный. Всё вообще... Девяносто четвертый, что ли... Год какой-то, что нас отправляли на всё лето без содержания. Самый тяжелый экономически был девяносто первый-девяносто второй.. Я помню, отдыхала по три месяца. Без содержания отправляли... Мы всё продали и приехали сюда (в Екатеринбург), с прицелом, чтобы встать на очередь и купить когда-то машину. И у нас были деньги на машину. В девяносто втором году денег осталось на книжке ровно столько, что я купила игрушечную машинку ребенку (смеется). Вот, я помню, Скорая помощь, машинка... Тогда потеряли все средства. Вот знаете, все средства потеряли... Девяносто пятый, наверно, да. А вот нет, потом всё выровнялось... Но, как бы, я уже это пересидела, пережила это всё...» (Ж., 50 лет, инженер, интервью 2017 г.).

Эта стратегия выживания давала свои плоды, особенно в ситуации сужающегося рынка труда, поэтому работники крупных предприятий и придерживались ее, ожидая компенсации за свое терпение в виде ведомственной жилой площади или места в детском саду. Такая психология «маленького винтика» в государственной системе была привычна для массовой психологии «простого советского человека», поэтому и была широко распространена, несмотря на экономически тяжелые времена.

Конфликтная стратегия

В западном контексте различия частного/государственного обычно рассматриваются, прежде всего, в экономических понятиях: как организационные отличия в условиях единой экономической структуры — рыночного типа экономики.

Для России дилемма частное/государственное представляется более фундаментальной. Во-первых, в России профессионалы (интеллигенция) в советский период истории знали только один вид занятости: «работа на государство». Они были зависимы от государства, получали от него все формы социальной защиты, и для них работа на государство означала «служение государству» как в экономической форме, так и в форме профессиональной этики (хотя иногда это и камуфлировалось самим же государством под этическим ярлыком «служения народу»). Формула «служения государству» принижала значение компонентов самостоятельности и ответственности, свойственных «рациональному актору» (эксперту) западного типа, и сводила до минимума функции автономии и контроля. Как результат, профессиональная идентичность формировалась в понятиях «мы» — как группа профессионалов, одинаково зависимых от государства. Даже узкопрофессиональная идентичность отдельных отрядов интеллигенции, специфических по своим клиентским функциям (врачи, учителя, инженеры и т. д.) и формам самоорганизации, была развита слабо (Balzer, 1996).

Работа в частном секторе, на частной фирме в качестве наемного работника являлась новой позицией на рынке труда профессионалов, особенно в провинции. Это новая экономическая и организационная структура, которая еще не выработала свои формы отношений наниматель/наемный работник и своей этики. Она находилась в процессе становления и адаптации к культурным условиям России. Иногда новый стиль менеджмента и трудовых отношений на частных фирмах мог служить причиной неудовлетворенности и ухода с предприятия даже при условии достаточно высоких заработков. Но многие профессионалы того времени считали экономически и морально выгодным сочетать социальную защищенность и гарантированные позиции на государственном предприятии с подработкой на частных предприятиях.

Выбор так называемой «сбалансированной» позиции, как одновременная работа в двух секторах экономики, был типичным для производственной ситуации времени 90-х. Около 20% рабочей силы имели «сбалансированный» статус частно-государственной занятости (Yadov, 2002). Частичная занятость на государственном предприятии поддерживала состояние стабильности и защищенности в условиях непредсказуемой экономики, тогда как профессиональная работа на частном предприятии приносила неплохой дополнительный доход, необходимый для выживания. Однако, в данном случае, как было сказано, интерес представляют, прежде всего, не экономические, но культурные причины подобной «сбалансированной» профессиональной стратегии.

Субъективная значимость колебаний в ситуации выбора

В ситуации экстремального выбора между «частным» и «государственным» можно выделить общие направления различий между трудовыми культурами этих позиций в глазах профессионалов. Различия, как они представлены в интервью, состоят, прежде всего, в **культурной дистанции** между двумя типами занятости.

Таблица 2

Культурная дистанция между «частной» и «государственной» трудовыми культурами глазами профессионалов (по материалам 20 интервью с молодыми профессионалами, 1994–1995 гг.)

ЧАСТНОЕ	ГОСУДАРСТВЕННОЕ
неструктурированная горизонталь	структурированная иерархия
иметь индивидуальные достижения	быть, принадлежать к коллективу
статус ответственности и власти	психологический комфорт
адекватная денежная оценка	неадекватная, нерегулярная оценка труда
труд как результат	труд как процесс
рациональная оценка ситуации	эмоциональная оценка ситуации
иррациональный порядок	нормативный порядок
моральный компромисс	моральный комфорт
неизвестность, враждебность будущего	связь со известным прошлым
преданность фирме и боссу	интерес, креативность

В субъективном восприятии индивидов, избравших конфликтную стратегию, при оценке частной фирмы превалирует оценка «враждебности», хотя она и подается в виде сбалансированной «рациональной» оценки, тогда как при субъективной оценке государственного предприятия превалирует эмоциональное удовлетворение «порядком» и «моральным комфортом». Из этого баланса враждебности/морального комфорта понятен общий скрытый смысл презентации себя в рамках двух производственных ситуаций: если на первом (на частном предприятии) — «я во враждебном окружении», то на втором (на государственном) — «я в своей среде». Причинно-следственные связи такой ситуативной идентичности просматриваются и в следующей оппозиции: ожидание неизвестного будущего, связанного с рисками и «разрывами» предшествующего биографического проекта, — на частном предприятии, и преемственность, и стабильность в связке со известным прошлым — на государственном предприятии. В более широких рамках биографического проекта становится понятным эмоциональный характер описания: это не сопоставление двух производственных ситуаций, а рассмотрение их с точки зрения их места в биографической конструкции.

Частное предприятие вызывает негативную реакцию не просто вследствие «беспорядка» или «иерархии власти» в нем, но с точки зрения его «невпisanности» в долговременный биографический проект, несовпадения с предыдущими индивидуальными ожиданиями. Работа на частной фирме означает «разрыв» с привычным, с прошлым.

Если мы переведем эти субъективные описательные сопоставления двух трудовых ситуаций в определенные содержательно значимые концепты, то увидим, что субъективное отношение респондентов-профессионалов, описывающих ту или иную производственную ситуацию, описывает два типа бизнес-культуры, обозначенных в критериях Хофстеда. Очевидно, что эти позиции представляют собой выбор между рыночным и командно-ориентированным типами трудовых культур. Субъективно значимые черты двух производственных ситуаций различаются по линии коллективизм/индивидуализм. Это различие в межкультурных исследованиях обычно рассматривается как наиболее фундаментальное при конструировании типов бизнес-культуры — индивидуально- или коллективистски-ориентированных (Hofstede, 1996; Triandis, 1994).

С точки зрения более общего оценивания рассматриваемой социально-временной ситуации, наиболее важным является тот факт, что при сопоставлении этих двух типов занятости профессионалы **эмоционально выбирали** «советский тип» трудовой этики. Хотя рационально подчеркивались возможности и преимущества частной фирмы: статус автономности и ответственности, адекватное вознаграждение за труд и т. д.

Из комментария следует, что, прежде всего, биографические факторы и предшествующий трудовой (и, более широко — жизненный) опыт определяли эмоциональную оценку производственной ситуации. Эмоциональная привязанность к советскому типу бизнес-культуры означает, что генетический код предшествующей культуры по-прежнему был достаточно силен и притягателен, и потому доминировал при трудовом выборе профессионалов. В данном случае, выбор происходил не только по линии психологического выбора между «знаемым прошлым» и «незнакомым и враждебным будущим», но, дополнительно, и как финансово-вынужденный выбор с целью решения своих экономических проблем.

Этот вывод подтверждается и общим фоном исследования. Из всех 60 интервью с молодыми российскими профессионалами только очень узкий сегмент профессионалов смог быстро адаптироваться к западно-ориентированной бизнес-культуре и новой профессиональной этике. Большая часть молодых профессионалов в разной форме воспроизводили традиционные культурные модели советского периода (Семенова, 1997).

Стратегия «силы»

При рассмотрении стратегий выбора в сложной социально-экономической ситуации 90-х нельзя не выделить отдельную индивидуальную стратегию, которая как тень присутствовала в рассказах молодых профессионалов.

Речь идет о той когорте в рамках данной генерации, которая «не стала» молодыми профессионалами. В ретроспективных нарративах молодых профессионалов, опрошенных в 2016–2017 гг., зачастую присутствовал образ сверстника, однокурсника, соседа, которого «уже нет» или «рано ушел из жизни», «я потерял с ним связь, не знаю, что с ним».

Ситуация социальной неопределенности, а также существенное падение престижа образования приводили к социальному уходу молодежи из страты студентов как будущих молодых профессионалов. В отсутствие общепризнанного общественного договора в обществе, как правило, возникают зоны неформальных правил. И, поскольку эти неформальные правила находятся в конфликте с законом, принятым в стране, поддерживаются они не государством, а мафиозными структурами, потому что кто-то должен поддерживать такого рода правила (Аузан, 2015).

Поэтому и возникали в рассказах респондентов образы тех, кто воспринял подобные социальные правила, возникшие в ситуации социального хаоса, и ушел в околоскриминальные структуры.

«...Многие усекли, что можно при минимальных затратах (физических, психологических) получать средства к существованию. Именно к существованию. По тем временам, особенно 91-й и 93-й год, то есть, когда была полная бедность у всех, вся страна была в дерьме. А можно было делать деньги из ничего, абсолютно из ничего. То есть люди могли, и, я думаю, были такие, продавали навоз и становились просто богачами по тем временам. Еще никто не думал, что вот, накоплю денег и вложу куда-то, не было возможности куда-то вкладывать, то есть шел такой вот черный нал. Это понятие именно тогда же появилось. Все расплачивались этими деньгами, а они были какими-то непонятными. Нули какие-то... Вот, и как раз люди, которые обладали этими свойствами пронырливости и прочего, они многие были без образования. Они до этого назывались какими-то фарцовщиками или «утюгами», которые торговали матрешками. А настал их час. То есть они действительно... Там, первые бандиты, которые ходили просто били морды, отнимали деньги, они явно были без образования. Но зато они неплохо себя начинали чувствовать... А вот, начало 90-х, первые годы, там не было вообще ни у кого никаких целей. Цель была одна, то есть люди, которые именно секли момент, они понимали, что этот момент не может продлиться долго. И надо делать быстрее на этом всем капитал, если хочешь. Для меня не существовало таких конкретных целей... У меня были примеры людей, которые уходили в армию в определенные войска — в десантуру — это для меня было очень круто. Они приходили сильные, накаченные, здоровые такие парни, которые сразу же попадали в определенные сферы, вот, где они могли применить не свои мозги, а свою, там, ту же силу, выносливость и прочее и получить за это деньги. То есть это был рэкет. Для меня, для всех, кто тусовался в этой тусовке, это были — ну, боги...» (М., 24 года, журналист, интервью 1995 г.).

В нарративе описывается стратегия смены индивидуальной парадигмы вследствие появления таких зон социального вакуума: социальная повсеместная бедность, падение ценности ума и образования, легкий путь к заработкам через полукриминальную деятельность и рэкет, культ простой физической силы, привлекли часть молодых людей воспользоваться этой лакуной. Такие люди, отринув образовательный путь, пользуясь многочисленными способами обретения силы: «накачивали» свой физический капитал, становились «сильными, накаченными» и использовали этот капитал для быстрого обогащения, ловили момент — «их час настал». К тому же, именно они служили образцом для остальных молодых людей — «для нас они были боги».

Заключение

Время 90-х, особенно первой половины этого периода, стало для молодых временем, которое публицисты отразили в формуле: «легко ли быть молодым». Утеря социальных гарантий со стороны государства и разрушение привычной модели социализации позднесоветского периода, где все было предопределено и нормировано от начала до конца жизненного пути, привели к возникновению в массовых слоях общества разнообразных социальных вербальных ответов, которые можно охарактеризовать как социальные компромиссы. Эти компромиссы, возникшие в атмосфере социальной неопределенности и нестабильности, сочетали в себе в разных конфигурациях как креативные, стабильные, так и полукриминальные черты, заставляли выбирать быстрые, моментальные ответы стратегий «выживания» в ответ на изменяющуюся ситуацию.

Социальные гарантии в области труда, образования, взросления были подорваны. Ценности образования и постепенного вхождения во взрослую профессиональную жизнь не приносили социальных дивидендов. Минимальные стандарты жизнеобеспечения, привычные для поколения отцов, в этот период социальных и экономических кризисов постоянно нарушались.

В этой ситуации только незначительная часть молодого поколения профессионалов (3–4%) использовали стратегию «шанса» как возможность конвертировать свой профессиональный капитал и использовать его полнее и эффективнее, чем это было возможно для них в позднесоветский период, и перешли в статус предпринимателей. Это была именно креативная стратегия, поскольку не совпадала со стандартной стратегией и мотивацией людей, открывающих свой частный бизнес. Это не было стремление «получать прибыль», вкладывая определенный финансовый капитал, но романтическое стремление реализовать свой временной шанс, реализовать определенную профессиональную идею совместно с единомышленниками, освободившись от властного контроля государства.

Стратегию стабильности как типовую матрицу поведения большинства молодых профессионалов нельзя отнести к активным стратегиям: это

модель «подчинения социальным обстоятельствам», несмотря на возникавшие социальные сложности и ослабление предшествующей модели стабильного нормативного порядка, при соблюдении определенных социальных гарантий. Несмотря на постоянные отходы государства от стандарта минимальных социальных гарантий на протяжении 90-х годов, молодые профессионалы инерционно придерживались своей позиции на государственном предприятии. С одной стороны, надеясь на временный характер социальных трудностей, с другой — ориентируясь на сохранение уже привычной модели социальной защиты патерналистского типа, некоторые из социальных благ для своих работников (детские сады, ведомственное строительство жилья), пришедшие из предшествующего периода, на предприятиях, особенно крупных, удавалось сохранять еще долгое время. К тому же, ценностная матрица предшествующего, родительского поколения удерживала молодых людей от ухода от государственного контроля в сторону «свободного плавания».

Около 20% работников середины 90-х сочетали работу на государственном предприятии с той или иной подработкой в сфере частного бизнеса. Эта стратегия сочетания государственной и частной сфер занятости в ситуации социальной неопределенности, в большей мере, была вынужденной для молодых профессионалов, но позволяла выживать экономически: сочетать нерегулярную выплату зарплаты на государственном предприятии с более высокими доходами на частном. Вместе с тем, существенное различие культуры и этики труда в этих двух трудовых сферах становилось внутренним конфликтом профессионала, требовавшим своего разрешения.

Другим аспектом сложного социального выбора в ситуации разрушения старых ценностных матриц стало для профессионалов падение престижа образования, при возникшей социальной иллюзии возможности получения быстрых денег криминальным или полукриминальным путем. Наверное, нет цифр, свидетельствующих о том, какова в молодом поколении доля тех, кто, не став профессионалом, ушел в полукриминальные и криминальные сферы, как и доля тех, кто в результате криминальных разборок рано ушел из жизни, о них только упоминается в нарративах наших респондентов. Но данный аспект необходимо также рассматривать, поскольку он является знаковым свидетельством той эпохи.

Литература

- Аузан А. А. Общественный договор и гражданское общество // Мир России, 2005, № 3. С. 3–17.
- Гордон Л. А., Клопов Э. В. Потери и обретения в России 90-х. Том 2: Меняющаяся жизнь в меняющейся стране: занятость, заработки. Т. 1–2. М: Эдиториал УРСС, 2001.
- Краснов М. Гражданское общество и правовое государство // Общественные науки и современность. 2014. № 4. С. 33–45.
- Седов Л. Проблема смены политических элит: поколение «next» // Мониторинг общественного мнения. 2000. № 3. С. 15–29.

- Семенова В. Социальная динамика поколений: проблема и реальность. М: РОССПЭН, 2009.
- Согомонов А. Ю. Генеалогия успеха и неудач. М: Институт социологии, 2005.
- Темницкий А. Л. Социокультурные факторы трудового поведения промышленных рабочих: 1990-е годы // Социологический журнал. 2002. № 2. С. 76–93. <http://ecsocman.hse.ru/text/16214740.html> (дата обращения: 12.05.2019)
- Шкаратан О. Социология неравенства. Теория и реальность. М: ИД ВШЭ, 2012.
- Balzer H. Russia's Missing Middle Class: The Professions in Russian History. NY: M. E. Sharpe, 1996.
- Goldthorpe J., Erikson R. The Constant Flux. Oxford: Clarendon Press, 1990.
- Hofstede G. Riding the Waves of Commerce: A Test of Trompenaars «Model» of National Character // International Journal of Intercultural Relations. 1996, vol. 20, no 2, pp. 189–198.
- Titma M., Kelley J., Tuma N., Sivuha S., Evans M. Subjective Well-being in Post- Communist Society: Data from Nine Nations // Worldwide Attitudes. 1997, vol. 1997–12–28, pp. 1–15.
- Triandis N. Culture and Social Behaviour. NY, 1990.
- Oakeshott M. On History and other Essays. Oxford: Blackwell, 1983.
- Semenova V. On Transition to the Middle Class: Professional Strategies of Young Intellectuals in Russia // Middle Class in East and West. Ed. by M. Kivinen. UK: Dartmouth, 1997, pp. 75–112.
- Yadov V. The research report on the project «Work relations on Russian enterprises». 2002, reprint.

Дата поступления: 10.04.2019

90-s: time through the lens of daily practice of young professionals

DOI: 10.19181/inter.2019.18.6

Victoria Semenova

Semenova Victoria — Ph.D., professor, head of sector for the study of social change by qualitative methods, Institute of Sociology FCTAS RAS, victoria-sem@yandex.ru

The article turns to the daily practices of professionals in situation of 90-s and discusses it in the frame of retrospective analysis. The specifics of the social contract between power and society of that time is understood in terms of the destruction of the previous model and the lack of new practical norms, as situation of uncertainty from point of view of people working in mass professions sectors (“time of troubles”). Social vacuum (or chaos) on the part of social regulation spontaneously (from below) led to the emergence of new patterns of social and labor behavior. These patterns could be considered as strategies constructed by people spontaneously in their daily practice in response to the situation of social uncertainty. Basing on a set of in-depth interview these strategies of young professionals are described here as typical strategies in terms of the using or not-using the sociohistorical situation of social vacuum. The typology consists of the “strategy of social chance”, “the strategy of immobility”, “conflict strategy” and the “strategy of informal rules”. Those strategies analyzed here as individual patterns led later to more mass forms and types of social and labor differentiation in the professional life of this country. The empirical basis for consideration and analysis was taken from in-depth interviews conducted with young cohort in 1994–1996 as direct participants evidence as well as retrospective interviews about that time with representatives of the same cohort in 2017–2018.

Keywords: social contract, sociohistorical situation, young professionals, social practice, social choice, professional strategy

References

- Auzan A. (2005) Obshchestvennyj dogovor I grazhdanskoe obshchestvo. [Social contract and civil society] // *Mir Rossii*, no 3, pp. 3–17.
- Balzer H. (1996) *Russia's Missing Middle Class: The Professions in Russian History*. NY: M. E. Sharpe.
- Goldthorpe J., Erikson R. (1990) *The Constant Flux*. Oxford: Clarendon Press.
- Gordon L. A., Klopov E. V. (2001) Poteri I obreteniya v Rossii 90-h. [Advances and disadvantages in Russia during 90-s]. Volume 2. Menyayushchayasya zhizn v menyayushchejsya strane: zanyatost-zarabotki, Volume 1–2, M: Editorial URSS.
- Hofstede G. (1996) Riding the Waves of Commerce: A Test of Trompenaars 'Model' of National Character // *International Journal of Intercultural Relations*, Vol. 20, no 2, pp. 189–198.
- Krasnov M. (2014) Grazhdanskoe obshchestvo i pravovoe gosudarstvo [Civil society and legal state] // *Obshchestvennye nauki I sovremennost*, no 4, pp. 33–45.
- Oakeshott M. (1983) *On History and other Essays*. Oxford: Blackwell.
- Sedov L. (2000) Problema smeny politicheskikh elit: pokolenie 'next' [The Political elite change: generation-'next'] // *Monitoring obshchestvennogo mneniya*, no 3, pp. 15–29.
- Semenova V. (1997) On Transition to the Middle Class: Professional Strategies of Young Intellectuals in Russia // In: 'Middle Class in East and West' /ed. by Kivinen M. UK: Dartmouth, pp. 75–112.
- Semenova V. (2009) Socialnaya dinamika pokolenij: problema i realnost [Social dynamics of generations: The problem and the reality]. M: ROSSPEN.
- Shkaratan O. (2012) Sociologiya neravenstva: teoriya I realnost [Sociology of inequality: the theory and reality]. M: Izd. dom Vyshej Shkoly Ehkonomiki.
- Sogomonov A. Yu. (2005) Genealogiya uspekha I neudach [The genealogy of success and unsuccess]. M: Institut sociologii.
- Temnickij A. L. (2002) Sociokulturnye factory trudovogo povedeniya promyshlennyh rabochih: 1990-e gody [Sociocultural factors of industrial workers labor behavior] // *Sociologicheskij zhurnal*, no 2, pp. 76–93.
- Titma M, Kelley J, Tuma N, Sivuha S, Evans M. (1997) Subjective well being in Post- Communist Society: Data from Nine Nations. WwA: Worldwide Attitudes., vol. 1997–12–28, pp. 1–15.
- Triandis N. (1990) *Culture and Social Behaviour*. N.Y.
- Yadov V. (2002) The research report on the project "Work relations on Russian enterprises". Reprint.

Received at: 10.04.2019

Между ностальгией и ретротопией

DOI: 10.19181/inter.2019.18.7

Андрей Старовойтенко*

На протяжении последнего столетия понятие ностальгии использовалось в различных социальных и гуманитарных дисциплинах, было многократно переосмыслено и обрело множество концептуальных конфигураций, не всегда поддающихся интеграции. В то же время, за последние годы появилось несколько новых подходов, позволяющих иначе взглянуть на проблему отношения индивида/коллектива/социума к своему прошлому. Наиболее ярким из них рискнем назвать теорию ретротопии, изложенную классиком социологии З. Бауманом в своей последней работе. Таким образом, настоящая статья имеет две цели. С одной стороны, проводится обзор различных подходов к теоретическому осмыслению ностальгии. С другой — это попытка выяснить, как понятие ретротопии может помочь внести большую ясность в понимание ностальгии как актуального феномена глобального масштаба.

Ключевые слова: ностальгия, ретротопия, коллективная память, утопия, прошлое, настоящее

Настоящий текст посвящен теоретическому обзору понятий ностальгии и ретротопии. Феномен ностальгии в социальных науках активно изучался на протяжении последних 50 лет. За это время было разработано разнообразие концепций, охватывающих дисциплины от антропологии и социологии до психологии и культурологии. Понятие ретротопии, напротив — явление относительно новое. Термин был введен в одноименной работе Зигмунта Баумана, вышедшей в 2017 г.; на русский язык монография переведена лишь в этом году.

* Старовойтенко Андрей — магистрант департамента социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», e-mail: adstarovoytenko@edu.hse.ru

Актуальность настоящего обзора представляется в двух аспектах. Один из них исходит из сегодняшней политической и социокультурной реальности. Недавние споры внутри социологического сообщества вокруг опроса Левада-центра об отношении к сталинским репрессиям в очередной раз обнажили принципиальные различия в понимании и отношении к ряду теоретических концепций, играющих ключевую роль в социологическом осмыслении вопросов коллективной памяти россиян. Публикация работы Баумана на русском языке открывает еще одну возможность для поиска новых решений и идей. В этом свете попытка поиска общей почвы для понятий ретропии и ностальгии рассматривается как первый шаг на пути к ответу на вопрос о релевантности существующих подходов к осмыслению общего прошлого.

Другой аспект представляется в сугубо теоретическом измерении. Введенная Бауманом концепция относительно нова и еще не была должным образом интегрирована в пространство социальной теории. В то же время, представляется, что концепция ретропии и теории ностальгии могут обнаружить неожиданные общие точки.

Цель настоящей статьи, таким образом, видится в том, чтобы попытаться найти точки соприкосновения между теориями ностальгии и понятием ретропии. Для этого ставится задача провести анализ теоретических подходов к феноменам ностальгии, а также проанализировать понятие ретропии в изложении З. Баумана.

Теории ностальгии

Пожалуй, главной особенностью понятия ностальгии является то, что его весьма затруднительно концептуализировать. Так, в статье «Время и пространство ностальгии» Р. Абрамов отмечает, что «ностальгия является <...> недостаточно концептуализированным понятием, нередко отождествляемым с разнообразными формами коллективной памяти и выступающим в качестве метафоры особых отношений индивида с прошлым» (Абрамов, 2012: 19). Иными словами, различные исследователи вкладывают в понятие ностальгии совершенно разные смыслы, что порой может приводить к путанице в экспликации этого понятия.

Рассматривая многоаспектность концепции ностальгии, невозможно не обратиться хотя бы кратко к истории возникновения и эволюции понятия. Мы не будем останавливаться на каждой ступени развития понятия ностальгии, упомянув лишь несколько, на наш взгляд, важнейших вех.

Понятие ностальгии имплицитно восходит к гомеровской поэме об Одиссее. Собственно, слово «ностальгия» раскладывается на два древнегреческих слова: *nostos* (возвращение домой) и *algos* (болезненное состояние). Тем не менее, впервые само слово появляется вовсе не в античности, а лишь в Новое время, когда в 1688 г. врач из г. Мюльхаузена Й. Хофер защитил диссертацию по «ностальгии». Тем самым то, что до сих пор считалось

обыкновенным чувством, было имплементировано в медицинскую (т. е. научную) лексику, впервые обозначая свое место в научном дискурсе (Starobinski, 1966: 84). Так ностальгия появилась как идея.

Философия Нового времени вывела понятие ностальгии на новый уровень абстракции. Известно высказывание Новалиса о том, что «философия есть, собственно, ностальгия, тяга повсюду быть дома». Его объясняет два века спустя М. Хайдеггер в «Основных понятиях метафизики»: «Туда, к бытию в целом, тянет нас в нашей ностальгии» (Хайдеггер, 2013: 29). Иными словами, через философию ностальгия приобретает значение переживания [желания] целого, единого, непрерывного и упорядоченного (Резанова, 2003: 17)¹.

Иначе проходило развитие понятия в медицинском/психологическом дискурсах. Долгое время ностальгия рассматривалась в качестве сначала физического, затем психического расстройства, связанного с тоской по дому. Пройдя в XX в. путь от репрессивно-компульсивного расстройства до одного из симптомов депрессии, ностальгия к началу XXI в. перестала рассматриваться как проблематичный психологический феномен. Так, в исследованиях Т. Уайлдшута (Wildschut, 2006) и группы ученых под руководством К. Седикидеса указывается положительное влияние переживания ностальгии на поддержание идентичности, установление и поддержание контактов со значимыми другими. Являясь социальной эмоцией, ностальгия также может служить инструментом спасения от одиночества (Sedikides et al., 2008: 304–306).

Интерес социологии к феномену ностальгии возрос, когда стало очевидно, что ностальгические переживания и практики приобретают массовый характер, что наблюдалось как в паттернах материального потребления (покупки винтажных вещей) (Абрамов, 2012: 9), так и в сдвигах в потреблении культурном (ностальгические фильмы) (Джеймисон, 2000). Теоретик ностальгии Светлана Бойм писала: «XX век начался с утопии, а закончился ностальгией» (Boym, 2008). Схожим образом рассуждали теоретики искусства Л. Хатчон и М. Вальдес, указывая, что в 90-е годы прошлого века наибольшее влияние в дискурсивном пространстве масс-медиа имела именно ностальгия (Hutcheon, Valdes, 1998: 18).

Описанная выше тенденция периода слома тысячелетия была характерна отнюдь не только для стран Запада. Исследования ностальгии появлялись также на территории бывшего Восточного блока, в особенности интенсивно в России и странах Центрально-Восточной Европы (Balasz, 2007; Todorova, 2012; Bartmanski, 2011). В российском исследовательском пространстве исследование ностальгии было, прямо или косвенно, связано с деятельностью Ю. Левады и его концепцией homo sovieticus (Гудков, 2007;

¹ Следует отметить, что к ностальгии философия обращалась неоднократно, в т. ч. в лице таких философов, как И. Кант, С. Кьеркегор, Ф. Ницше и А. Камю. В своем обзоре теорий ностальгии Р. Абрамов упоминает также диссертацию К. Ясперса о связи ностальгии и преступности (Абрамов, 2012: 7).

Каспэ, 2008; Чикишева, 2008). В начале 2000-х годов вышел сборник работ «Ностальгия по советскому» (Резанова, 2003).

Одну из наиболее влиятельных концепций ностальгии разработала на излете XX века Светлана Бойм. В своей монографии «Будущее ностальгии» — одном из самых ярких и исчерпывающих описаний феномена — Бойм предлагает типологию ностальгии, разделяя ее на реставрирующий и рефлексирующий типы.

Ностальгия реставрирующего типа направлена на буквальное восстановление объектов, символов и практик из «светлого прошлого». Неспособная отрефлексировать себя как ностальгию, ностальгия такого рода ассоциирует себя с истиной или традицией. Рефлексирующая ностальгия, напротив, осознает невозможность становления прошлого «таким, какое оно было». В отличие от реставрирующей, ностальгия этого типа использует прошлое в качестве пространства творческой [иронической] игры (Boym, 2008).

Аналитическая рамка, предложенная Бойм, остается весьма востребованной среди исследователей, пережив своего автора (см. Сорокина, 2015; Moss, 2005; Horvath, 2018). В то же время, в ее привлекательности, простоте и понятности есть и обратная сторона. В силу бинарной структуры типологии Бойм неосторожное использование такого инструмента в исследованиях может привести к серьезным искажениям действительного положения вещей. В особенности велика такая вероятность в таких отраслях научного знания, как политология, где концепция Бойм, разработанная, скорее, для осмысления социокультурных реалий, может привести к нежелательной поляризации потенциальных результатов. Мы считаем, что всегда следует помнить «дисциплинарный источник» аналитического инструмента, так же как и его эпистемологический контекст.

В этом отношении определенное преимущество перед концепцией Бойм имеет более социологически-ориентированный подход Ф. Дэвиса, автора классической монографии «Yearning for Yesterday: A Sociology of Nostalgia», который вводит иерархию восходящих порядков ностальгии: простая, рефлексивная, интерпретативная (Davis, 1979). Введение третьего, высшего порядка ностальгии позволяет избежать невольной поляризации ностальгирующих, деления на «хороших» (рефлексирующий тип) и «плохих» (реставрирующий тип). Вместе с тем, в работе Дэвиса нельзя не отметить исключительно сбалансированную структуру, в которой внимание уделяется равно социальному, политическому, культурному и фундаментальному измерениям ностальгии.

В своей статье «Время и пространство ностальгии» исследователь феномена ностальгии Роман Абрамов предлагает собственную аналитическую операционализацию понятия ностальгии, выделяя несколько ключевых характеристик, ей свойственных. Во-первых, ностальгия неразрывно связана с коллективной памятью (в изложении М. Хальбвакса) и коммуникативной коллективной памятью, как ее определяет Я. Ассман. Во-вторых, имеет значение укорененность в личной биографии ностальгирующего, без которого не будет третьего ключевого компонента: эмоций (Абрамов, 2012).

Рассмотренные концепции подводят нас к одному из наиболее остро стоящих вопросов в теоретическом дискурсе о ностальгии: каковы ее темпоральные границы? Большинство исследователей, включая Р. Абрамова и Ф. Дэвиса, склонны полагать, что ностальгия не может распространяться на время, уходящее за временные рамки жизни ностальгирующего (или, по крайней мере, за рамки «жизненного цикла» нарратива социальной группы, в которой он укоренен — например, семья).

В доказательство этого тезиса, Абрамовым рассматривается празднование 200-летия Отечественной войны 1812 года. Хотя к этой дате были приурочены многочисленные торжества и мероприятия, а также было задействовано значительное число энтузиастов, организовавших постановочные бои, ностальгия по этому периоду уже невозможна. Предметом «биографически-детерминированной эмоциональной ностальгии» (Абрамов, 2012: 18) может быть только такой временной период, с которым сохраняется связь в виде личного опыта или еще не прервавшейся устной истории.

Таким образом, аналитическая рамка ностальгии выстраивается через ее неразрывную связь с индивидуальной эмоциональностью и личной историей (будь то история непосредственно ностальгирующего индивида или история его семьи, переданная ему устно). В то время как, «чем более отдалены времена от настоящего, тем более ностальгия становится формой... ретроутопии» (Абрамов, 2012: 17).

В представленном размышлении есть несколько интересных моментов. В качестве примера применения разработанной рамки Р. Абрамов приводит исследование популярного на рубеже 2000–2010 гг. форума «76–82»². Изначальной целью площадки являлось объединение людей, родившихся в СССР в период с 1976 по 1982 гг., однако практически сразу стало очевидно, что позднесоветскими годами интересуются далеко не только люди, родившиеся в упомянутый период, но и представители более поздних поколений, подчас родившиеся уже после распада страны. Форум представляет собой ярчайший пример «ностальгического сообщества», внутри которого происходит активный обмен воспоминаниями, прежде всего, о повседневности позднесоветских детей и молодежи. Как отмечает сам Р. Абрамов, измерения «реального» и «воображаемого» в воспоминаниях ностальгирующих участников сообщества часто перемешиваются друг с другом, и возможность исследователя отделить одно от другого часто серьезно затруднена. Так, о советской повседневности 1970-х часто судят по фильмам и сериалам того времени (Абрамов, 2012: 17). Тем не менее, вне зависимости от источника ностальгических переживаний (будь то воспоминания о реальном опыте или образы культуры прошлого), связь с личной биографией (индивидуальной или семейной) здесь неоспорима.

Не отрицая выводов автора относительно аналитических границ ностальгии, представляется все же, что у подобного подхода существует ряд ограничений. Постулируемые автором тезисы относительно аналитических

² Подробнее см. на сайте <http://e-n-d.ru/project/>.

ограничений ностальгии, на наш взгляд, применимы только в контексте конкретных кейсов (в данном случае — эмпирического исследования форума «76–82»).

Вторым интересным моментом в рассуждении Р. Абрамова представляется сама постановка проблемы ретроутопии. Согласно своему значению, слово «ретроутопия» подразумевает, с одной стороны, наличие некоего воображаемого утопического пространства и, с другой стороны, его локализацию не в будущем — традиционном времени-пространстве утопий — а в прошлом. Таким образом, интенция, направленная в ретроутопическом направлении, всегда будет обращена не только в прошлое, доступное эмоциональности ностальгии, но в прошлое, обретенное как проект будущего.

Понятие ретроутопии Зигмунта Баумана. Между ностальгией и ретроутопией

Намеченные направления заставляют задаться вопросом: справедливо ли полагать отношения между ностальгией и ретро(у)топией как дихотомию? Существует ли в действительности жесткая граница между утопическими проектами, направленными в прошлое, и ностальгической эмоциональностью?

В значительной степени ответ на эти вопросы был предвосхищен в последней работе классика социологии Зигмунта Баумана «Ретроутопия», перевод которой на русский язык был опубликован в начале этого года. Название монографии говорит само за себя: она посвящена именно такому роду утопии — по словам автора, утопии Томаса Мора, восставшей «в картинах утраченного/украденного/покинутого и призрачного прошлого» (Бауман, 2019: 18).

Попробуем присмотреться к этой концепции чуть пристальней. Книгу Баумана нельзя назвать продуктом строго академической социологии: она находится на грани социологии, философии и публицистики. Содержание работы можно разделить на три части: [квази]теоретическое введение, основная часть, состоящая из четырех глав, каждая из которых иллюстрирует отдельное направление развития описываемого Бауманом феномена, и эпилог. Наиболее интересная для задач настоящей статьи часть — введение, не случайно имеющее подзаголовок «Эпоха ностальгии».

Возможно, важнейшая метафора для всей работы дается в самом начале книги. Бауман цитирует отрывок из «Тезисов о философии истории» Вальтера Беньямина, в котором дается интерпретация картины Пауля Клее «Ангел истории».

Образ «Angelus Novus», запечатленный Паулем Клее, — один из важнейших визуальных образов, обобщающих аксиологию модерна. Однако интерпретация Беньямина, вероятно, имеет еще большее значение. В его прочтении, ангел истории предстает наблюдателем современного прогресса, обращающегося в его глазах в катастрофу, порождающую «руины над

руинами». Его лик, к зрителю и одновременно к прошлому, олицетворяет невысказанное обещание [невозможного] спасения, залечивания ран и склеивания прерывностей. Однако из рая дует ветер, несущий его в будущее, к которому тот повернут спиной.

Бауман вкладывает в свою интерпретацию прямо противоположный смысл. Теперь полет ангела направлен уже в «рай прошлого», куда он летит, направляемый ветром из «ада будущего», на который смотрит (Бауман, 2019: 15).

Приведенная интерпретация картины Клее отражает сущность концепции ретротопии. Прошлое и будущее здесь меняются местами: теперь будущее наполнено тревогой и страхами, и это заставляет искать точку опоры, место безопасности и комфорта в прошлом.

Ретротопия понимается как отдельная веха в том, что можно определить как история прогресса. В изложении Баумана, утопия Томаса Мора появилась как отрицание мечты человечества об устройении рая на земле. В свою очередь, утопия, по замыслу Мора, локализованная в некоем топосе, подверглась отрицанию через приватизацию и индивидуализацию: планы на счастье человечества стали планами счастья индивидуального. Наконец, отрицанию подверглись сами планы на счастье в принципе, что и послужило началом ретротопии, видящей единственное укрытие в утраченном прошлом (Бауман, 2019: 18). При этом важно отметить, что, в отличие от реставрирующей ностальгии, ретротопия не подразумевает возвращения к точной копии образа жизни «как раньше». Возможно, ностальгирующие индивиды или отдельные группы и хотели бы именно такого возвращения, однако само понимание прошлого находится в процессе постоянной трансформации. Выражаясь в терминах Э. Хобсбаума, традиции постоянно изобретаются и переизобретаются (Абрамов, 2012: 14).

Читая Баумана, невозможно не вспомнить концепцию ностальгии в изложении Светланы Бойм. Согласно ее определению, ностальгия — «...роман с собственной фантазией», а фантазия (по нашему предположению) есть место свободного выбора. Кредит доверия, который, по Бауману, выдается ретротопией прошлому, есть кредит доверия «месту все еще свободного выбора» (Бауман, 2019: 16).

Именно здесь две теории сходятся в одной точке: «ностальгия — фантазия — свободный выбор — ретротопия». Фантазия как свободный выбор каждого становится модератором между ностальгией и ретротопией. Если продолжить эту мысль, легко сделать вывод, что ни в чем другом эти феномены могут вовсе не сходиться. Лишь обстоятельства «гонки истории», которая «никогда не прекращается» вне зависимости от того, хотя этого ее участники или нет (Бауман, 2019: 17), сделали возможным то, что единственным местом «все еще свободного выбора» стало именно пространство прошлого, реального или воображаемого, а значит, и пространство ностальгии.

Наконец, еще одной точкой схождения двух теорий представляется понятие утопии, неявно присутствующее в концепции реставрирующей ностальгии и более явно — в концепции ретротопии. Напомним, одним

из основных принципов реставрирующей ностальгии является то, что она себя как ностальгию не опознает. Это позволяет ей не только утверждаться в настоящем в виде «истины» или «традиций» (а может быть, «традиционных ценностей»), но и конструировать утопические (на деле — ретротопические) проекты будущего. Бауман, со своей стороны, приводит характерный пример подобного явления, описывая всплеск национализма в ряде стран ЕС, поощряющего тоску по «старым добрым временам» национального суверенитета и закрытых границ (Бауман, 2019: 20), а также строящего образ будущего государства вне границ европейской интеграции.

В конечном счете — в каких отношениях пребывают друг с другом понятия ретротопии и ностальгии? По меньшей мере, можно утверждать, что полностью разграничить их невозможно. Их взаимодействие скорее ситуативно и контекстуально, нежели устойчиво и раз навсегда дано; однако ретротопия как бы «питается» ностальгией, в то время как ностальгические практики вполне возможны и вне «ретротопической фазы истории» (Бауман, 2019: 21).

Проведенное уточнение отношений двух понятий подводит к ключевой проблеме в экспликации понятия ностальгии: вопросу соотношения реального и воображаемого в ностальгических переживаниях. Как уже отмечалось ранее, нередко отделить одно от другого крайне затруднительно, если вообще возможно. На наш взгляд, концепция ретротопии З. Баумана вносит в эту проблематику одно важное уточнение. В контексте эпохи ретротопии, провозглашаемой Бауманом, отделение воображаемого от реального в ностальгических переживаниях, в целом, теряет всякий смысл. Поясняя свое понимание ностальгической «реконструкции» прошлого в настоящем, Бауман пишет не о возвращении в исходный пункт «утраченного прошлого», а об итерациях этого прошлого, где каждая следующая итерация не полностью тождественна предыдущей. В этом свете, в эру ретротопии привязка ностальгического переживания к «реальному» прошлому размывается настолько, что референции к этому «реальному» более не имеют смысла. Цитируя Баумана, «образ [реального прошлого, к которому желают возвратиться] сегодня существенно трансформировался в процессе избирательного запоминания вперемешку с избирательным забыванием» (Бауман, 2019: 22). Представляется, таким образом, что для более продуктивного использования понятия ностальгии в будущих исследованиях следовало бы уделять больше внимания не поиску «реального» референта ностальгии в прошлом, а параметрам прошлого воображенного.

Заключение

Таким образом, анализ понятий показал, что жесткой границы между ретротопией и ностальгией, в действительности, не существует. Концепции имеют точки соприкосновения, и важнейшая из них лежит в сфере

воображаемого: и ностальгия (в особенности «реставрирующая ностальгия» в концепции Бойм), и ретротопия зависят от «фантазии» (в формулировке Бойм) как последнего убежища, где осуществление подлинно свободного выбора еще возможно.

Другой подобной точкой становится утопическое начало, обнаруживающее себя в ретротопии, равно как и в понятии реставрирующей ностальгии. Забывая о своем ностальгическом наполнении, ретротопия возводит проекты будущего, основанные на «хорошо забытых» старых «традициях».

Наконец, феномены ретротопии и ностальгии, безусловно, взаимопроницаемы, но сама по себе ностальгия возможна и вне ретротопической ситуации.

Литература

- Абрамов Р. Н. Время и пространство ностальгии // Социологический журнал. 2012. № 4. С. 5–23.
- Бауман З. Ретротопия / Пер. с англ. В. Л. Силаевой; под науч. ред. О. А. Оберемко. М.: ВЦИОМ, 2019. 160 с.
- Гудков Л. Д. «Советский человек» в социологии Юрия Левады // Общественные науки и современность. 2007. № 6. С. 16–30.
- Каспэ И. М. «Съесть прошлое»: идеология и повседневность гастрономической ностальгии [Электронный ресурс]. URL: http://www.hse.ru/data/418/231/1226/Kaspe_Puti2008.pdf (дата обращения: 21.05.2019)
- Резанова З. И. Ностальгия по советскому. Томск: Изд-во Томского университета, 2011. 514 с.
- Сорокина А. А. Синдром политической ностальгии у российских студентов: диссертация ... кандидата политических наук: 23.00.03 [Место защиты: РАНХиГС при Президенте РФ]. М., 2015. 154 с.: ил.
- Хайдеггер М. Основные понятия метафизики. Мир — Конечность — Одиночество / Пер. с нем. В. В. Бибихина, А. В. Ахутина, А. П. Шурбелева. СПб.: Владимир Даль, 2013.
- Balázs F. The apotheosis of Janos Kadar: On the glorifying gesture of nostalgic memory // *Nosztaigia — ways of revisiting the socialist past* / Ed. I. Willinger. Budapest: Anthropolis, 2007. С. 5–9.
- Bartmanski D. Successful icons of failed time: Rethinking post-communist nostalgia // *Acta Sociologica*. 2011. Т. 54. № 3. С. 213–231.
- Boym S. *The future of nostalgia*. Basic Books, 2008.
- Davis F. *Yearning for yesterday: A sociology of nostalgia*. New York: Free Press, 1979.
- Hutcheon L., Valdés M. J. Irony, nostalgia, and the postmodern: a dialogue // *Poligrafias. Revista de Teoría Literaria y Literatura comparada*. 1998. № 3.
- Sedikides C. Nostalgia: Past, present, and future // *Current Directions in Psychological Science*. 2008. Т. 17. Nostalgia. № 5. С. 304–307.
- Starobinski J., Kemp W. S. *The Idea of Nostalgia* // *Diogenes*. 1966. Т. 14. № 54. С. 81–103.
- Todorova M., Gille Z. *Post-communist nostalgia*. New York, Oxford: Berghahn Books, 2012.
- Wildschut T. Nostalgia: Content, triggers, functions // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2006. Т. 91. Nostalgia. № 5. С. 975–993.

Дата поступления: 29.04.2019

Between Nostalgia and Retrotopia

DOI: 10.19181/inter.2019.18.7

Andrey Starovoytenko

Starovoytenko Andrey – MA student at National Research University Higher School of Economics, adstarovoytenko@edu.hse.ru

The notion of nostalgia has been used across various social sciences and humanities, having been rethought many times and acquiring many conceptual configurations. These configurations are not always easy to integrate with each other. Yet a number of new approaches have emerged that make it possible to look upon a person's (a collective's, a society's) attitude to their past differently. The brightest of them all is the theory of retrotopia as provided by Zygmunt Bauman in his last book. Thus the article has two goals. First, various approaches to theories of nostalgia are observed. Second, it is an attempt to find out how Bauman's retrotopia could help to think more clearly about the problems traditionally discussed within theories of nostalgia.

Keywords: nostalgia, retrotopia, collective memory, utopia, past, present

References

- Abramov R.N. (2012) Vremya i prostranstvo nostalgii [The Time and Space of Nostalgia]. *Sociologicheskij Zhurnal* [Sociological Journal], no 4, pp. 5–25.
- Balázs F. (2007) The apotheosis of Janos Kadar: On the glorifying gesture of nostalgic memory, in: *Nosztalgia – Ways of Revisiting the Socialist Past*. Ed. I. Willinger. Budapest: Anthropos, pp. 5–9.
- Bartmanski D. (2011) Successful icons of failed time: Rethinking post-communist nostalgia. *Acta Sociologica*, no. 54(3), pp. 213–231. <https://doi.org/10.1177/0001699311412625>
- Bauman Z. (2019) *Retrotopiya* [Retrotopia]. Per. s angl. V. L. Silaevoj; pod nauch. red. O. A. Oberemko. M: VCIOM.
- Boym S. (2008) *The future of nostalgia*. Basic Books.
- Davis F. (1979) *Yearning for yesterday: A sociology of nostalgia*. New York: Free Press.
- Heidegger M. (2013) *Osnovnye ponyatiya metafiziki. Mir – Konechnost' – Odinochestvo* [Introduction to Metaphysics] Per. s nem. V. V. Bibihina, A. V. Ahutina, A. P. Shurbeleva. SPb: Vladimir Dal'.
- Hutcheon L., Valdés M. J. (1998) Irony, nostalgia, and the postmodern: a dialogue. *Poligrafias. Revista de Teoría Literaria y Literatura Comparada*, no 3.
- Gudkov L.D. (2007) "Sovetskij chelovek" v sociologii Yuriya Levady [The "Soviet Man" in Yuriy Levada's Sociology]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and the Present], no 6, pp. 16–30.
- Kaspe I. M. (2008) "S'est' proshloe": ideologiya i povsednevnost' gastronomicheskoy nostalgii ["Eating the Past": Gastronomic Nostalgia's Ideology and Everyday]. http://www.hse.ru/data/418/231/1226/Kaspe_Puti2008.pdf
- Rezanova Z. I. (2011) *Nostal'giya po sovetskomu* [Nostalgia for the Soviet]. Tomsk: Izd-vo Tomskogo universiteta [Tomsk University Press].
- Sedikides C., Wildschut T., Arndt J., Routledge C. (2008) Nostalgia: Past, present, and future. *Current Directions in Psychological Science*, no. 17 (5), pp. 304–307.

Sorokina A. A. (2015) *Sindrom politicheskoy nostal'gii u rossijskih studentov*: dissertaciya ... kandidata politicheskikh nauk [Political Nostalgia Syndrome among Russian Students: Thesis for PhD in Political Sciences]: 23.00.03. Mesto zashchity: Ros. akad. nar. hoz-va i gos. sluzhby pri Prezidente RF [The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration]. Moscow.

Starobinski J., Kemp W. S. (1966) The Idea of Nostalgia. *Diogenes*, no 14 (54), pp. 81–103. <https://doi.org/10.1177/039219216601405405>

Todorova M., Gille Z. (2012) *Post-communist nostalgia*. New York, Oxford: Berghahn Books.

Wildschut T., Sedikides C., Arndt J., Routledge C. (2006) Nostalgia: Content, triggers, functions. *Journal of Personality and Social Psychology*, no 91 (5), pp. 975–993. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.91.5.975>

Received at: 29.04.2019

Авторы номера

Абрамов Роман

доктор социологических наук, доцент кафедры анализа социальных институтов департамента социологии факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; старший научный сотрудник отдела теории и истории социологии ФНИСЦ РАН, e-mail: sociportal@yandex.ru.

Michael Burawoy

University of California, Berkeley.

Еременко Юлия

младший научный сотрудник Социологического института Российской Академии Наук; аспирантка факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета (Россия) и факультета социальных наук, экономики и управления бизнесом Университета Бамберга (Германия), e-mail: eremenko.iuliia@gmail.com.

Семёнова Виктория

доктор социологических наук, профессор, руководитель сектора исследований социальных изменений качественными методами Института социологии ФНИСЦ РАН, e-mail: victoria-sem@yandex.ru.

Старовойтенко Андрей

магистрант департамента социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», e-mail: adstarovoytenko@edu.hse.ru.

Рождественская Елена

доктор социологических наук, профессор департамента социологии факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, e-mail: erozhdestvenskaya@hse.ru.

Рудь Дарья

аспирантка департамента социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», e-mail: ruddaria17@gmail.com.

Интеракция. Интервью. Интерпретация.
№ 18. Том 11. 2019
СЕТЕВОЙ ЖУРНАЛ

Учредители:

Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)
Российское общество социологов (РОС)

*Научный журнал «Интеракция. Интервью. Интерпретация»
учрежден на заседании Президиума Общественной организации
«Российское общество социологов» и выпускается с 2002 г.*

*Журнал зарегистрирован Роскомнадзором 14 сентября 2018 г.
Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77-73688*

Все права на опубликованные материалы принадлежат редакции и авторам.

**Точка зрения авторов публикуемых материалов
не обязательно отражает точку зрения редакции.**

**Публикации журнала не могут быть воспроизведены
в любой форме без разрешения редакции.**

Редакционная коллегия

Семенова В. В. (главный редактор), Институт социологии ФНИСЦ РАН
Рождественская Е. Ю., НИУ ВШЭ, Институт социологии ФНИСЦ РАН
Тартаковская И. Н., Институт социологии ФНИСЦ РАН
Стрельникова А. В., НИУ ВШЭ, Институт социологии ФНИСЦ РАН
Сушко П. Е. (отв. секретарь), Институт социологии ФНИСЦ РАН

Корректор:
Шурман Н. В.

Макет:
Кудымов В. Е.

Адрес редакции:
117218, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5, каб. 513
Тел.: (499) 128-86-18
e-mail: inter.fnisc@gmail.com
Размещение журнала: www.inter-fnisc.ru

*Требования к оформлению рукописей и порядок подачи статей изложены
на официальном сайте журнала: www.inter-fnisc.ru*